

Московский Государственный университет
им. М.В. Ломоносова
Исторический факультет

На правах рукописи

КРИВОПАЛОВ Алексей Алексеевич

**Фельдмаршал И.Ф. Паскевич и русская стратегия в
1848-1856 гг.**

Раздел 07.00.00 – исторические науки
Специальность 07.00.02. – отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель –
к.и.н., доцент М.М. Шевченко.

Москва
2013

Оглавление

<i>Введение.....</i>	<i>3</i>
<i>Обзор историографии</i>	<i>7</i>
<i>Обзор источников</i>	<i>25</i>
<i>Глава 1. Военные преобразования 1830-1840-х гг.</i>	<i>37</i>
<i>Глава 2. Проблема сохранения баланса сил в Европе в 1830-1840-е гг.</i>	<i>67</i>
<i>Глава 3. Преодоление военно-политического кризиса 1848-1850 гг. в Европе как проблема русской стратегии</i>	<i>97</i>
<i>Глава 4. Непредвиденное развитие Восточного кризиса. 1853-1854 гг.</i>	<i>136</i>
<i>Глава 5. Восточная (Крымская) война и Севастопольская кампания. 1855-1856 гг.</i>	<i>179</i>
<i>Заключение</i>	<i>208</i>
<i>Библиография.....</i>	<i>212</i>

Введение

Завершение долгой карьеры фельдмаршала Ивана Федоровича Паскевича (1782-1856) совпало с поражением России в Крымской войне 1853-1856 гг. и драматичным финалом всей николаевской политической системы. Проигранная война нанесла тяжелый удар по репутации военачальника в глазах общественного мнения, что представляется закономерным, учитывая то исключительное положение, которое Паскевич занимал в ближайшем окружении Николая I. Огромная роль князя Варшавского в военном строительстве 1830-1840-х гг., искреннее доверие императора к полководческим, административным и организаторским способностям своего ближайшего сподвижника справедливо вызвали у современников вопрос об ответственности князя Паскевича за исход Крымской войны. И, как известно, этот вопрос был решен не в пользу военачальника.

Традиционно наибольшей критике в отечественной историографии царствования императора Николая I подвергалось так называемое «мрачное семилетие» 1848-1855 гг., которое во внутренней политике сопровождалось хаотичным ужесточением цензуры и наступлением эпохи правительственной реакции¹, а во внешней политике было связано с двумя последовательными международными кризисами.

Причем, если революционный кризис 1848-1849 гг., благодаря усилиям участников «европейского концерта», не вызвал общеевропейскую войну, то конфликт на Ближнем Востоке в 1851-1852 гг. стремительно вышел из-под их контроля и перерос в противостояние изолированной России с мощной западноевропейской коалицией практически по всему периметру западных и южных границ империи.

Европейский кризис 1848-1850 гг. угрожал перерасти в полномасштабную войну на континенте и потому сопровождался полным

¹ Подробнее см.: *Шевченко М.М.* Конец одного Величия: Власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге Освободительных реформ. М., 2003. С. 10, 145-158.

мобилизационным развертыванием русской сухопутной армии на западной границе. Однако коллективные усилия великих держав, в которых Россия сыграла едва ли не решающую роль, остановили стихийное расширение локальных военных конфликтов в Венгрии, Дании и Северной Италии до масштабов общеевропейской войны. Боевые действия русской армии ограничились скоротечным Венгерским походом летом 1849 г.

Несмотря на успешное урегулирование кризиса, которое состоялось во многом благодаря решительным действиям правительства Николая I, последующие события на Ближнем Востоке и проигранная Крымская война фактически обесценили в глазах исследователей положительные результаты внешней политики России в 1848-1850 гг. Впоследствии, общественное мнение пореформенной России всё более склонялось к тому, чтобы признать прямую связь между оказанием военной помощи Австрии и решительным подавлением революционного движения в Европе, с одной стороны, и международной изоляцией России в годы Восточной войны – с другой. Тем не менее, отечественная научная литература так и не дала четкого ответа на вопрос: отвечала ли охранительная по своей природе политика Николая I в Европе высшим стратегическим интересам России или же она являлась опасной химерой, обрекшей империю на изоляцию в критический момент борьбы с коалицией западных держав?

Согласно одной из точек зрения, Крымская война продемонстрировала, что даже сильнейшая на континенте армия, которой в одиночку не могла бросить вызов ни одна из великих держав, не оставляла России шансов на победу в борьбе с мощной коалицией в условиях международной изоляции. При этом в отечественной историографии едва ли не с самого начала наблюдалась тенденция своеобразной редукции проблемы исхода Восточной войны до проблемы исхода обороны Севастополя. Работы, посвященные боевым действиям на Крымском полуострове и кампаниям на периферийных театрах, изучение истории дипломатии, специальные ведомственные исследования в области истории военной администрации не всегда

последовательно уточняли выводы друг друга, накопив определенные разногласия.

Таким образом, в литературе оказался отчасти поставлен, но так и не разрешен фундаментальный вопрос: была ли русская стратегия в заключительное семилетие царствования императора Николая I провалом, дискредитировавшим практически все результаты военного строительства 1830-1840-х гг., или же, напротив, – оптимальным выходом из политически и стратегически безнадежной ситуации, сложившейся в ходе Крымской войны, выходом, состоявшимся именно благодаря этим результатам.

Попытка ответить на этот вопрос является главной задачей данной работы. В центре внимания каждой главы находится фигура Светлейшего князя Варшавского как ближайшего советника Николая I, поскольку в конечном итоге именно в рамках отношений Паскевича с императором в 1831-1855 гг. вырабатывалась военная политика России.

Вначале рассматриваются основные этапы реформирования вооруженных сил в 1830-1840-х гг., в результате чего боевые возможности армии Николая I значительно возросли по сравнению с русской армией эпохи Наполеоновских войн. Далее представлен очерк тех внешнеполитических и военно-стратегических проблем, с которыми столкнулась Россия после 1831 г., когда в результате разгрома польского мятежа на западной границе империи, казалось бы, начался длительный период относительного мира. Значительное место в данном разделе занимает очерк конкретных военно-стратегических планов России в 1830-1840-х гг., составлявшихся на случай различных сценариев развития внешнеполитической обстановки в Европе. Затем рассматривается история революционного кризиса, едва не увенчавшегося общеевропейской войной в 1848-1850 гг. В данном разделе показана взаимосвязь между общим боевым развертыванием Большой Действующей армии и успешным умиротворением Германии, которое состоялось под давлением России после быстрого завершения Венгерского похода. Наконец, две последние главы посвящены теме стратегии России в годы Восточной войны 1853-1856 гг.

До настоящего времени в научных работах также не ставилась задача специального рассмотрения деятельности фельдмаршала Паскевича накануне и в ходе Крымской войны, несмотря на то, что сама эта война имеет весьма обширную историографию. Общие работы по истории Крымской войны освещали роль Паскевича достаточно фрагментарно, ограничиваясь, по большей части, лишь некоторыми эпизодами кампании на Дунае в 1853-1854 гг. В связи с тем, что в настоящее время издавна устоявшиеся взгляды на причины поражения России в этой войне подвергаются переоценке², необходимость уделить роли в Паскевича особое исследовательское внимание представляется очевидной.

Четвертая глава затрагивает проблему развития восточного кризиса в 1853-1854 гг., повлекшего внезапное для императора Николая I и фельдмаршала Паскевича изменение всего стратегического положения России в целом, то есть проблему перерастания Русско-Турецкой войны в войну с международной коалицией в условиях военно-политического противостояния по всему значимому периметру границ России. Заключительная глава посвящена проблеме выбора стратегического приоритета в условиях войны, заведомо исключавших для России победный исход, выбора стратегического приоритета, позволившего свести к минимуму её потери.

² См.: например: *Кухарук А.В.* Действующая армия в военных преобразованиях правительства Николая I. Диссертация на соискание уч. ст. к. и. н. М., 1999. *Он же.* Мнимый больной. Была ли бессильна николаевская армия // *Родина.* 1995. №. 3-4. С. 22-26. *Kagan F.W.* The military reforms of Nicholas I. The origins of the modern Russian army. New York, 1999. P. 221-249. *Бесов А.Г.* Военная политика России в XIX веке. М., 2001. С.38-39. *Шевченко М.М.* Конец одного Величия: Власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге Освободительных реформ. М., 2003. С. 185-194. *Он же.* Историческое значение политической системы императора Николая I: новая точка зрения // *XIX век в истории России.* М., 2007. С. 281-302. *Айранетов О.Р.* Внешняя политика Российской империи (1801-1914). М., 2006. С. 188-222.

Обзор историографии

Несмотря на то, что в заключительный период царствования Николая I оба больших международных кризиса особенно чётко демонстрировали неразрывную связь между внешней политикой и стратегией, роль фельдмаршала Паскевича в русском военном планировании 1848-1856 гг. не выделялась в самостоятельную тему научного исследования. В отечественной литературе также не было принято рассматривать кризис 1848-1849 гг., с точки зрения собственно военной угрозы положению России в Европе³. Следовательно, мало внимания привлекали не только дипломатические, но и военно-политические усилия николаевского правительства, не допустившего его перерастание в большую войну.

События Венгерского похода 1849 г. освещались на страницах военно-исторических трудов⁴. Наиболее полным из них стала монография И.И. Ореуса, весьма критически оценивавшего полководческие способности князя Варшавского⁵. Однако они не содержали попыток определить значение скоротечной Венгерской кампании на фоне борьбы Австрии и Пруссии за политическое доминирование в Германии, игравшей для России принципиальную роль.

³ См.: *Татищев С.С.* Внешняя политика императора Николая Первого. СПб., 1887. С. 41-131; *Татищев С.С.* Император Николай и иностранные дворы. СПб., 1889. С. 105-117, 273-284; *Блос В.* Революция в Германии: История германского движения в 1848 и 1849 г. СПб., 1908; *История дипломатии.* Т. 1. М.-Л., 1941. С. 426-433; *Нифонтов А.С.* Россия в 1848 году. М., 1949; *Молок А.И.* Революции 1848-1849 годов. М., 1952; *Ханак П.* Угнетенные народы Австрийской империи и Венгерская революция 1848-1849 гг. Budapestini, 1953; *Березняков Н.В.* Революционное и национально-освободительное движение в Дунайских княжествах в 1848-1849 гг. Кишинев, 1955; *Степанова Е.А.* Борьба за единую демократическую Германию в период революции 1848-1849 годов. М., 1955; *Авербух Р.А.* Революция и национально-освободительная борьба в Венгрии. 1848-1849. М., 1965; *Михайлов М.И.* Проблемы Германской революции 1848 г. М., 1985; *История внешней политики России. Первая половина XIX в.* М., 1999. С. 346-361;

⁴ *Очерк Венгерской войны 1848-1849 годов.* СПб., 1850; *Описание военных действий российских войск против венгерских мятежников в 1849 г.* СПб., 1851; *Непокойчицкий А.А.* Описание войны в Трансильвании в 1849 году. Б.м. 1866; *Меньков П.К.* Материалы для истории Венгерской войны // *Военный Сборник.* 1875. № 6. С. 191-216.

⁵ *Ореус И.И.* Описание Венгерской войны 1849 года. СПб., 1880. С. 325-326, 452-453.

Мысль, что успешное окончание локальной войны в Венгрии и Трансильвании, сыграло ключевую роль не просто в сохранении монархии Габсбургов, но и в обеспечении выгодного для России соотношения сил в германском вопросе, пусть и не очень четко, высказывалась князем А.П. Щербатовым в шестом томе биографии фельдмаршала⁶.

Общие работы по истории Крымской войны также освещали деятельность Паскевича достаточно фрагментарно, ограничиваясь, по большей части, лишь некоторыми эпизодами двух кампаний на Дунае в 1853-1854 гг.

Первое исследование, посвященное Восточной войне, на основании официальных реляций еще до заключения мира подготовил капитан Генерального штаба В.М. Аничков⁷. Он сознательно ограничился описанием событий одной лишь Крымской кампании и хронологически довел его до первого штурма Севастополя 6 июня 1855 г.

«Военно-исторические очерки Крымской экспедиции» фактически стали прообразом многих последующих работ, например, Э.И. Тотлебена, М.И. Богдановича и Н.Ф. Дубровина⁸, в которых события на других театрах войны, особенности внешнеполитической обстановки на различных стадиях конфликта, а также их возможное влияние на исход боевых действий в значительной степени оставались без внимания.

В 1863 г. вышел первый том «Описания обороны Севастополя» под редакцией Э.И. Тотлебена, переводы и пересказы которого получили широкую известность за границей⁹. Издание изобиловало техническими подробностями

⁶ Щербатов А.П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Т. 6. СПб., 1899. С. 191-192.

⁷ Аничков В.М. Военно-исторические очерки Крымской экспедиции. Ч. 1-2. СПб., 1856.

⁸ Богданович М.И. Описание экспедиции англо-французов в Крым 1854-1855 гг. СПб., 1856; Тотлебен Э.И. Описание обороны г. Севастополя. Ч. 1-2. СПб., 1863-1872; Ковалевский Е.П. Война с Турцией и разрыв с западными державами в 1853 и 1854 гг. СПб., 1871; Гейрот А.Ф. Описание Восточной войны 1853—1856 гг. СПб., 1872; Богданович М.И. Восточная война 1853-1856 гг. Т. 1-4. СПб., 1876; Дубровин Н.Ф. Восточная война 1853-1856 гг. Обзор событий по поводу сочинений М. И. Богдановича. СПб., 1878; Орлов Н.А. Восточная война. СПб., 1885; Вроченский М.А. Севастопольский разгром. Киев, 1893; Дубровин Н.Ф. История Крымской войны и обороны Севастополя. Т. 1-3. СПб., 1900.

⁹ См.: Russel W.H. General Todleben's History of the defence of Sebastopol. 1854-5. N.Y., 1865; Todleben Ed. v. Die Verteidigung von Sebastopol. Bde. 1-2. Spb., 1864-1872; Todleben E.de. Defense de Sebastopol. Vol. 1-2. S.-Pb., 1863-1874.

инженерных работ, а также содержало наиболее полный материал, отражавший боевую работу русской и союзной артиллерии. В приложениях помещались боевые расписания, ведомости расхода пороха и боеприпасов, данные по сравнительной эффективности артиллерийского огня противоборствовавших сторон на каждом этапе осады¹⁰.

Поскольку осада Севастополя вылилась в артиллерийскую дуэль невиданных доселе масштабов, тактические и технические проблемы, как полевой, так и осадной артиллерии находились под пристальным вниманием военных ученых¹¹.

Попытка создать первое обобщающее исследование по истории конфликта была предпринята в середине 1870-х гг. генералом М.И. Богдановичем. Но под влиянием массовых публикаций новых документов и материалов о Крымской войне в российских периодических изданиях, работа Богдановича достаточно быстро устарела. Уже в 1878 г. Н.Ф. Дубровин в некоторой степени критиковал Богдановича за недостаточное использование нового фактического материала. На тот момент под новыми материалами, помимо документов ведомства иностранных дел, понималась, в первую очередь, переписка между императором и главнокомандующими на театрах войны. Документы, связанные с работой армейских штабов, на том этапе исследователями еще не рассматривались.

Труд Богдановича получился описательным. Он не содержал ни критических оценок в отношении командования, ни глубокого осмысления важнейших военно-политических решений с русской стороны, например, прекращения осады Силистрии и эвакуации армии из Придунайских княжеств.

Генерал Н.Ф. Дубровин в своей монографии пошел несколько дальше Богдановича в плане сбора доступных на тот момент источников. Он пришел к выводу, что фельдмаршал Паскевич несет значительную долю ответственности

¹⁰ *Тотлебен Э.И.* Описание обороны г. Севастополя. Ч. 1-2. СПб., 1863-1872.

¹¹ См.: *К.Ш.* Критическое обозрение сочинения: «Восточная война. Осада Севастополя. Исторический обзор службы артиллерии». 1854-1856 // Военный Сборник. 1860. Т. 12. № 3. С. 121-164; *Вейгельт.* Осада Севастополя 1854-1856. СПб., 1863.

за недопустимые промедления в осаде Силистрии весной 1854 г. и за неоправданное сосредоточение войск на западных границах России, что предопределило неудачный для России исход боевых действий в Крыму. Над своей рукописью Дубровин работал фактически в одно время с Богдановичем. Если, например, сравнить тексты отзыва Дубровина на четырехтомник Богдановича 1878 г. и текст собственно монографии Дубровина 1900 г., то можно убедиться, что критические оценки в отношении действий командования и комплекс материалов, на которых Дубровин основывал свое мнение, остались неизменными. По всей видимости, именно из-за присущего книге Дубровина достаточно критического тона, Военное министерство так долго откладывало публикацию рукописи.

Исследования Ф.К. Затлера, В. Аратовского и А.А. Поливанова¹² по истории интендантства и провиантского управления создавались параллельно с обзорными работами Тотлебена, Богдановича и Дубровина. Их публикация в значительной степени была ответом на несправедливую и во многом демагогическую критику, раздававшуюся на рубеже 1850-1860-х гг. в адрес тыловых служб армии, неадекватная работа которых являлась в представлениях общественного мнения одной из ключевых причин поражения.

В.М. Аничкову, известному деятелю военных реформ 1860-1870-х гг. и крупному специалисту в области армейского хозяйства, опыт николаевской армии представлялся важным с профессиональной точки зрения. На это указывал В. Аратовский, выполнявший исследование по заданию Аничкова на базе архивных материалов Варшавского военного округа. «Мы знаем всё, что делается и делалось за границей, – писал Аратовский, – а не знаем еще многого, что делалось у нас, и к числу этого многого ещё не вполне известного принадлежат распоряжения по продовольствию войск одного из

¹² Затлер Ф.К. Несколько слов о продовольствии войск в Придунайских княжествах в 1853 и 1854 гг. СПб., 1863; Аратовский В. Обзор распоряжений по продовольствию действующей армии в 1831, 1848, 1849 и 1853-1855 годах. СПб., 1874; Затлер Ф.К. Суд над полевым интендантством в 1856-1859 году. Лейпциг, 1877; Поливанов А.А. Очерк устройства продовольствия русской армии на придунайском театре в кампании 1853-1854 и 1877 гг. СПб., 1894.

замечательнейших наших военных администраторов фельдмаршала Паскевича»¹³. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в эпоху военных реформ 1860-1870-х гг. младшим современникам николаевского тридцатилетия князь Варшавский представлялся уже не «замечательным полководцем», а всего лишь «замечательным администратором». Новая эпоха во многом сместила в иную сторону представления о задачах высшего военного управления, поставив «администратора» впереди «полководца».

А.А. Поливанов, офицер Генерального штаба и будущий военный министр России в годы Первой Мировой войны, последовательно рассмотрел работу русского интендантства на Придунайском театре в ходе всех русско-турецких войн XIX в. Он сравнил эффективность работы тыла в 1806-1812, 1828-1829, 1853-1854 и 1877-1878 гг. и доказал, что наименьшие затруднения с продовольствием и фуражом русская Дунайская армия испытывала именно в 1853-1854 гг. Поливанов отмечал, что огромные запасы продовольствия, заблаговременно заготовленные Паскевичем на случай войны с Австрией, позволяли на протяжении одного года обеспечивать 250-тысячную армию, однако, маневр этими запасами был затруднен. Использовать их для снабжения многочисленной армии на неожиданно возникшем Крымском театре военных действий было непросто, хотя энергичный Ф.К. Затлер постепенно справился и с этой проблемой.

Значительный интерес представляет двухтомная монография генерала А.Н. Петрова¹⁴. Несмотря на то, что формально она была посвящена боевым действиям на Придунайском театре в 1853-1854 гг., фактически книга значительно выходила за рамки заявленной темы. Петров в резкой и полемической форме пытался переосмыслить причины неудачного исхода войны в целом. Автор критически оценивал деятельность князя Варшавского и придерживался крайне спорной точки зрения, считая, что все стратегические

¹³ Аратовский В. Указ соч. С. 5.

¹⁴ Петров А.Н. Война России с Турцией: Дунайская кампания 1853-1854 гг. Т.1-2. СПб., 1890.

расчеты русского командования в 1854-1855 гг. строились на изначально неверном посыле.

Петров пытался доказать, что угрожающие концентрации австрийских войск на русских границах, вынудившие Паскевича летом 1854 г. снять осаду Силистрии и прекратить кампанию на Дунае, являлись не более, чем блефом австрийского правительства. И лучшее, что Россия могла в той ситуации делать, это полностью игнорировать любые австрийские угрозы и продолжать войну так, словно бы австрийской армии на фланге и в тылу вообще не существовало¹⁵.

Обоснованность столь радикальных выводов вызывает серьезные сомнения. Фактически все сведения об австрийской армии, ее передвижениях и дислокации взяты Петровым из донесений русских посланников при венском дворе (П.К. Мейендорфа и А.М. Горчакова). Автором широко использовались уже опубликованные в основном на страницах «Русской Старины» и «Русского Архива» материалы по истории войны, но они ограничивались в основном перепиской командующих с императором. Донесения русской разведки, штабная документация армейских боевых управлений и центрального аппарата военного ведомства исследователем не использовались. Петров практически не использовал такие важные австрийские источники, как переписка императора Франца Иосифа с канцлером К.-Ф. Буолем, начальником императорского штаба генералом Г. фон Гессом, главнокомандующим австрийскими войсками в Италии – фельдмаршалом Й. Радецким¹⁶.

Кампании на других театрах военных действий изначально находились в тени событий севастопольской обороны, поэтому исследования по данным сюжетам представляли собой более скромную историографическую

¹⁵ Там же. С. 320.

¹⁶ Результаты использования этих источников на сегодняшний день см.: *Rothenberg G. E. The army of Francis Joseph. West Lafayette, Indiana, 1976; Curtiss, J. S. Russia's Crimean War. Durham, N. C., 1979.*

традицию¹⁷. Но, зачастую, именно на страницах этих работ раскрывался истинный внешнеполитический и военно-стратегический масштаб конфликта.

Особое место в данном ряду занимал труд крупного специалиста по истории Финляндии М.М. Бородкина. На примере русско-шведских отношений ему удалось показать, какое место в русской стратегии занимала борьба за нейтральные страны, и то, насколько шатким в реальности был их нейтралитет. Бородкин раскрыл механизм медленного, но неуклонного движения Швеции от нейтралитета в сторону заключения оборонительного союза с западными державами, при этом он смог показать практически прямую зависимость внешнеполитических шагов Швеции от позиции австрийского кабинета, а вовсе не от исхода боевых действий в Крыму. Фактически условием своего вступления в войну шведское правительство ставило тогда предварительное выступление против России Австрии¹⁸.

В 1904 г. вышел седьмой том биографии И.Ф. Паскевича, написанной князем А.П. Щербатовым¹⁹. Он описывал участие князя Варшавского в Крымской войне. В труде Щербатова был собран огромный, до сих пор не утративший ценности фактический материал о деятельности Паскевича на протяжении всей его жизни. Структурно все тома работы представляли собой последовательное изложение событий биографии фельдмаршала. По своему характеру семитомник представлял собой скорее расширенный послужной список Паскевича. Серьезных попыток критического осмысления его роли в событиях русской истории автор не предпринимал. Исследование Щербатова можно рассматривать и как обширную публикацию источников. В конце каждого тома автор поместил приложения, содержавшие выдержки из

¹⁷ Глиноецкий Н.П. Очерки военных действий на берегах Днепровско-Бугского лимана осенью и зимой 1855 г // Военный Сборник. 1858. Т. 4. № 7. С. 144-198; Краснов И. Оборона Таганрога и берегов Азовского моря в 1855 году // Военный Сборник. 1862. Т. 26. № 8. С. 249-308; Муравьев Н.Н. Война за Кавказом в 1855 г. Т. 1-2. СПб., 1877; Кренке В.Д. Оборона Балтийского побережья в 1854-1856 гг. СПб., 1887; Бородкин М.М. Война 1854-1855 гг. на финском побережье: исторический очерк. СПб., 1904; Сергеев М.А. Оборона Петропавловска на Камчатке. М.-Л., 1940; Лукин Б.В. Героическая оборона Таганрога в 1855 году. Ростов-на-Дону, 1945.

¹⁸ Бородкин М.М. Указ. соч. С. 196.

¹⁹ Щербатов А.П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Т. 1-7. СПб., 1888-1904.

приказов, многочисленные донесения, а также переписку Паскевича с известными государственными деятелями эпохи, главным образом, с императором Николаем I.

Подробная информация об истории структур высшего военного управления, проблеме комплектования вооруженных сил, истории русской артиллерии, инженерной и военно-медицинской службы николаевской армии была сгруппирована в приложениях к фундаментальному, но незавершенному коллективному труду «Столетие военного министерства»²⁰.

Иной характер имел незаконченный труд А.М. Зайончковского²¹. Он затрагивал, в первую очередь, дипломатическую сторону участия России в войне, хотя автором и приводились очень интересные материалы по предвоенному состоянию русской и западных армий. Характерной чертой взглядов Зайончковского являлось то, что император Николай как военный деятель вызывал у него значительно большую симпатию, чем фельдмаршал Паскевич, тогда как в оценках роли князя Варшавского автор был столь же критичен, как Петров и Дубровин.

Приложения, помещенные в книге Зайончковского, отражают переписку командующих русскими войсками, содержат ряд важных записок и заметок военного характера, таблицы с описаниями организационной структуры русской армии, ведомости наличия различных запасов для армии и флота накануне войны.

Говоря о результатах дореволюционной историографии, хотелось бы отметить несколько важных моментов. Во-первых, Богданович и Дубровин

²⁰ Столетие военного министерства 1802–1902. Т. 1–13. СПб., 1902–1914. См.: Т. 1. *Данилов Н.А.* Исторический очерк развития военного управления в России; Т. 2. Кн. 2. *Квадри В.В.* Императорская главная квартира. История государевой свиты. Царствование императора Александра I; Т. 4. Ч. 1. Кн. 2. Отд. 1. *Гейсман П.А.* Возникновение и развитие в России генерального штаба до конца царствования императора Александра I; Т. 4. Ч. 1. Кн. 2. Отд. 3. *Гиппиус А.И.* Образование (обучение) войск; Т. 4. Ч. 2. Кн. 1. Отд. 2. *Щепетильников В.В.* Комплектование войск в царствование Николая I; Т. 5. *Шелехов Ф.П.* Главное интендантское управление; Т. 6. *Струков Д.И.* Главное артиллерийское управление; Т. 7. *Фабрициус И.Г.* Главное инженерное управление; Т. 8. *Кручек-Голубов В.С.* Главное военно-медицинское управление.

²¹ *Зайончковский А.М.* Восточная война 1853-1856 гг., в связи с современной ей политической обстановкой. Т. 1-2. СПб., 1908-1913.

заложили традицию изучения Восточной войны, в первую очередь, как проблемы обороны Севастополя и ведения боевых действий на территории Крыма. События Дунайской кампании ими изучались постольку, поскольку они повлияли на неподготовленность русской армии к обороне полуострова. Во вторых, монографии Дубровина, Петрова и Зайончковского сформировали весьма негативный и, до некоторой степени, карикатурный образ Паскевича как военного деятеля. Фельдмаршалу ставились в вину опасения «утратить, на старости лет, былую славу» и, вытекавшая из этого, нерешительность в проведении Дунайской кампании в 1854 г.

Опасения Паскевича по поводу возможного нападения Австрии на западные границы России признавались преувеличенными или же вовсе неосновательными, а настоятельные требования фельдмаршала концентрировать силы в Польше и на Волыни, исходя из возможности такого нападения, объяснялись его мелочным эгоизмом.

Однако обращает на себя внимание тот факт, что наиболее критические высказывания в адрес военных способностей военачальника, А.Н. Петров и А.М. Зайончковский позаимствовали из одного достаточно сомнительного источника²². В 1874 г. в № 35 и 36 берлинского военного журнала «Jahrbücher für die deutsche Armee und Marine» была опубликована статья под названием: «Der Feldmarschal Paskiewtsch im Krimkriege», которая спустя год была переведена на русский язык на страницах «Русской Старины»²³. Данная статья представляет собой обобщение всех известных негативных оценок роли Паскевича в Крымской войне, которые, фактически без изменения, повторялись затем отечественными историками. Они оказались живучими настолько, что перешли затем частично и в советскую историографию.

Помимо этого, неизвестный автор статьи также приписал князю Паскевичу известный афоризм о том, что «путь в Константинополь лежит через

²² Петров А.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 360-362, 366-367. Зайончковский А. М. Восточная война 1853-1856 гг. Т. 1. СПб., 1908. С. 552-554.

²³ Шильдер Н.К. Фельдмаршал Паскевич в Крымскую войну (перевод статьи берлинского военного журнала) // Русская Старина. 1875. Т. 13. №. 8. С. 603-635.

Вену»²⁴. Эта фраза якобы содержалась в одной из записок фельдмаршала, отправленных Николаю I весной 1854 г. Позднее, её практически без изменений приводил в своем труде историк международных отношений Я.Н. Бутковский²⁵.

На самом деле, предложения Паскевича, неоднократно высказываемые им в письмах императору и командующему Дунайской армией генерал-адъютанту М.Д. Горчакову, не содержали ничего похожего на такую стратегическую комбинацию. В феврале, а, тем более, весной 1854 г., князь Варшавский призывал проявлять исключительную осторожность в международных делах и особенно в отношении Австрии.

Советская историография Крымской войны также лишь фрагментарно освещала деятельность Паскевича. Значительное внимание обороне Севастополя в своей обзорной работе уделил А.А. Свечин²⁶. При вполне объяснимом для советского военспеца 1920-х годов демонстративно-нигилистическом отношении к николаевскому военному наследию Свечин высказал ряд интересных соображений. Он был едва ли не первым исследователем, который положительно оценил решение Паскевича о прекращении осады Силистрии и отступлении за Прут, хотя и назвал стиль командования фельдмаршала «уродством»²⁷.

«Основная ошибка мышления Паскевича заключалась, – по мнению Свечина, – в недооценке реальных военных событий, признаваемых им за второстепенные, в пользу главного театра, лишь туманно намечавшегося в будущем. Даже в момент осады Севастополя Паскевич противился всеми силам отправке подкреплений на этот второстепенный театр, чтобы не ослабить себя на жизненном направлении против главного возможного врага – Австрии. Но так как последний враг так и не выступил, и Восточная война сложилась только в плоскости измора, в борьбе не на жизненных направлениях, а на второстепенных театрах, то идеология сокрушения, представленная

²⁴ Там же. С. 613.

²⁵ *Бутковский Я.Н.* Сто лет австрийской политике в восточном вопросе. Т. 2. СПб., 1888. С. 42-43.

²⁶ *Свечин А.А.* Эволюция военного искусства. Т. 2. М.-Л., 1928. С. 11-76.

²⁷ Там же. С. 45.

Паскевичем, вела лишь к увеличению числа бездействующих русских войск за счет действующих, к понижению энергии наших усилий и к повышению расходов войны»²⁸.

Под влиянием теоретического наследия знаменитого немецкого военного историка и мыслителя Г. Дельбрюка²⁹ в Крымской войне Свечин, в первую очередь, стремился выяснить соотношение в стратегии принципов «измора» и «сокрушения». В этом смысле события севастопольской обороны интересовали его как важный исторический этап на пути к имевшей позиционный характер Первой Мировой войне, если и не в плане тотальности вооруженной борьбы, то с точки зрения превосходства «измора» над «сокрушением». По мнению Свечина, николаевское правительство изначально неверно определило ограниченный характер предстоявшей борьбы, а потому автор придерживался точки зрения, что в ходе войны Россия «перемобилизовалась»³⁰. Вызванное «перемобилизацией» истощение экономики являлось одной из главных причин, вынудивших Александра II признать борьбу проигранной. При этом, несмотря на тяжелый дефицит бюджета, сравнительная устойчивость русской валюты показывала, что империя отнюдь не дошла до предела своих материальных возможностей³¹.

Свечин также весьма сдержанно отнесся к профессиональным достижениям Э.И. Тотлебена, он прямо указывал, что репутация последнего была неоправданно раздута. Утверждение, что Севастополь держался так долго, не столько благодаря усилиям инженеров и мужеству защитников, сколько благодаря колоссальным запасам крепости, для отечественной научной традиции звучало весьма неожиданно, но вполне в духе 1920-х гг.

²⁸ Там же. С. 43-44.

²⁹ *Тухачевский М.Н.* О стратегических взглядах профессора Свечина // Против реакционных теорий на военно-научном фронте. Критика стратегических и военно-исторических взглядов профессора Свечина. М., 1931. С. 10-11, 14.

³⁰ *Свечин А.А.* Указ. соч. С. 24, 71.

³¹ *Блиох И.С.* Финансы России XIX столетия. История - статистика. Т. 2. СПб., 1882. С. 4-21, 25-28.

Не обошел своим вниманием Восточную войну и германский современник Свечина историк Э. Даниэльс³². В конце 1920-х годов ему пришлось завершать дело, начатое когда-то его учителем Г. Дельбрюком. От имени знаменитого профессора Даниэльс дописывал последние три тома капитального семитомного труда «История военного искусства в рамках политической истории». Пятый том, содержащий пространную главу о Крымской войне, был переведен и опубликован в СССР издательством Наркомата обороны за несколько лет до выхода хорошо известной монографии Е.В. Тарле, однако, он не оказал сколь-нибудь значительного влияния на отечественную литературу по данной теме. Тем не менее, труд Даниэльса представляется сейчас сильно недооцененным. Он имел ряд очевидных преимуществ перед шаблонными и мало чем отличавшимися друг от друга работами позднейших отечественных историков, которые посвящались очередным юбилейным датам³³. В эпоху между мировыми войнами после смертельного военно-политического противостояния России и Германии, в ожидании следующего ещё более жестокого противостояния между Германией и СССР положительные исторические оценки потенциального противника выглядели не слишком уместно и в научной литературе. Поэтому неудивительно, что русские в представлении Даниэльса являлись практически варварами, а их армия объявлялась «самой отсталой из крупнейших европейских армий»³⁴. Но при этом именно пресловутая русская «отсталость» подспудно и вызывала у автора смутную тревогу за будущее. Он указывал, что

³² Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. Т. 5. Новое время. М., 1937. С. 7-130.

³³ См. например: Берков Е.А. Крымская кампания. М., 1939; Лаговский А.Н. Оборона Севастополя. Крымская война 1853-1856 гг. М., 1939; Бушнев С.К. Крымская война (1853-1856). М. – Л., 1940; Федоров С.Т. Крымская война 1853-1856 гг. М., 1941; Коробков Н.М. Героический Севастополь. 1854-1855 гг. 1941-1942 гг. М., 1942; Бескровный Л.Г., Лапин Н.Л. Русское военное искусство в ходе Крымской войны. Героическая оборона Севастополя. Лекция. М., 1950; Мягков П.С. Севастопольская оборона 1854-1855 гг. М., 1954; Горев Л.А. Война 1853-1856 гг. и оборона Севастополя. М., 1955; Семин Г.И. Севастополь. Исторический очерк. М., 1955; Бестужев И.В. Крымская война. М., 1956; Зверев Б.И. Севастопольская оборона 1854-1855 гг. М., 1956; Семин Г.И. Оборона Севастополя. М., 1962; Бескровный Л.Г. Русское военное искусство в XIX в. М., 1974. С. 212-294.

³⁴ Дельбрюк Г. Указ. соч. С. 52.

под давлением страшных лишений в битве за Севастополь даже «самые сильные нервы должны были отказаться служить. У русских они сдавали довольно медленно»³⁵. В то же время Даниэльс обращал особое внимание на военно-политический контекст севастопольской осады. В первую очередь, на международную изоляцию России и угрозу со стороны Швеции, Пруссии и в особенности Австрии. Автор указывал, что «политическое положение вынуждало Россию держать целые армии на австрийской и шведской границах»³⁶ и констатировал, что «они (русские – А.К.) чувствовали себя сильнее ущемленными австрийской дипломатией, чем крымской коалиционной армией союзников»³⁷. Вывод автора, утверждавшего, «что союзники не смогли выиграть войну военными средствами», что «в конце концов, Россия была побеждена только вследствие своей дипломатической изоляции»³⁸, также звучал достаточно неожиданно по сравнению с отечественной историографией.

Наибольшей известностью до сих пор пользуется монография академика Е.В. Тарле³⁹. И хотя в данной работе дипломатический аспект описываемых событий оставлял в тени стратегическую составляющую внешней политики, его рассуждения о противоречивой роли князя Паскевича представляют определенный интерес. Тарле указывал на то, что Паскевич накануне и в начале войны склонялся к проявлению гораздо большей осмотрительности, чем Николай I. Автор объяснял это тем, что, в отличие от императора, князь Варшавский отдавал себе отчет в истинных, то есть весьма ограниченных, возможностях русской армии. Поэтому «не только за себя, но и за всю николаевскую Россию он боялся, когда настаивал на осторожности, и не только помрачения личного своего престижа он ждал от возможной неудачи на войне»⁴⁰.

³⁵ Там же. С. 111.

³⁶ Там же. С. 9, 12.

³⁷ Там же. С. 81.

³⁸ Там же. С. 129.

³⁹ Тарле Е.В. Крымская война. Т. 1-2. М. –Л., 1941-1944.

⁴⁰ Тарле Е.В. Крымская война. Т. 1. М., 2003. С. 249.

Тарле достаточно четко уловил тот факт, что, фактически, в 1853-1854 гг. речь шла не о боязни фельдмаршала за свой престиж, а о сложных и слабо предсказуемых изменениях внешнеполитической ситуации. И что в подобном контексте, осторожность Паскевича являлась, скорее, следствием более глубокого понимания стратегического положения сторон.

Последней на данный момент обобщающей работой, посвященной России в Крымской войне является монография американского историка Дж. Ш. Кертисса⁴¹. Ее отличает гораздо более глубокое, чем в отечественной историографии, знакомство с англо-франко-австрийскими источниками и литературой. Автор нарисовал куда более сложную картину восточного кризиса в 1853 г. и колебаний австрийского правительства в 1854-1855 гг., чем, соответственно, Е.В. Тарле и А.Н. Петров. Однако, что касается оценок действий Паскевича, Кертисс, с одной стороны, указывал на то, что фельдмаршал «возглавлял список бездарностей в николаевской армии»⁴², с другой, подчеркивал, что в ходе кампании 1854 г. «взгляд фельдмаршала на ситуацию был отчасти правильным»⁴³. Подобное противоречие объясняется тем, что работа Кертисса испытывала очевидную нехватку нового материала о действиях русской армии. По сути Кертиссом были использованы лишь хорошо известные еще с конца XIX в. публикации материалов в «Русской Старине», «Русском Архиве», «Военном Сборнике» и биографии Паскевича, написанной князем Щербатовым. Скорее всего, именно по этой причине, автору не удалось более четко определить свое отношение к роли князя Варшавского в Восточной войне.

В исследованиях по истории дипломатии событиям восточного кризиса 1850-х гг. и Крымской войны уделялось значительное внимание, но особенностью такого рода литературы являлось изображение внешней политики России лишь как результата деятельности Министерства

⁴¹ Curtiss J.S. Russia's Crimean War. Durham, N. C., 1979.

⁴² Ibid. P. 333.

⁴³ Ibid. P. 247.

иностранных дел⁴⁴. На их фоне значительным шагом вперед выглядят работы профессора В.В. Дегоева⁴⁵. Опора на недавно введенные в научный оборот источники⁴⁶ и глубокое знание англо-американской литературы позволили ему существенно дополнить монографию Кертисса, создав целостное описание процесса неконтролируемого перерастания восточного кризиса в Крымскую войну. Значительным шагом вперед для отечественной историографии являлось также внимательное отношение Дегоева к проблеме исторической инерции Священного союза, которая во многом оказалась спасительной для России в обстановке международной изоляции. Желание австрийского правительства ограничить влияние России на Балканах, на фоне политических амбиций Берлина и Парижа, так и не смогло затмить фундаментальную потребность Габсбургов в сохранении мира с восточным соседом. Однако изучение

⁴⁴ Бухаров Д. Н. Россия и Турция. От возникновения политических между ними отношений до Лондонского трактата 13/25 марта 1871 года (включительно). СПб., 1878; Афанасьев Г.Е. Внешняя политика Наполеона III. Одесса, 1885; Татищев С.С. Внешняя политика императора Николая Первого. СПб., 1887; Бутковский Я.Н. Сто лет австрийской политике в Восточном вопросе. Т. 1-2. СПб., 1888; Татищев С.С. Император Николай и иностранные дворы. СПб., 1889; Татищев С.С. Дипломатический разрыв России с Турцией в 1853 г // Исторический Вестник. 1892. Т. 47. № 1. С. 153-176. № 2. С. 456-480. № 3. С. 720-751; Тарле Е.В. Англо-французская дипломатия и Крымская война // Военно-Исторический Журнал. 1940. № 4. С. 98-112; История дипломатии. Т. 1. М.-Л., 1941; Кухарский П.Ф. Франко-русские отношения накануне Крымской войны. Л., 1941; Дебидур А. Дипломатическая история Европы. От Венского до Берлинского конгресса (1814-1878). М., 1947; Тэйлор А.Д.П. Борьба за господство в Европе. 1848-1918. М., 1958; Полетика Н.П. Пруссия и Крымская война // Труды Ленинградского отделения Института истории СССР. Вып. 12. Исследования по социально-политической истории России. Сборник статей памяти Б.А. Романова. Л., 1971. С. 255-268; Виноградов В.Н. «Святые места» и земные дела. (Англо-русские отношения накануне Крымской войны) // Новая и Новейшая история. 1983. № 5. С. 136-152; Маринин О.В. Русско-английские отношения в первой половине 1855 года // История СССР. 1986. № 5. С. 147-157; Маринин О.В. Дипломатическая деятельность России на завершающем этапе Крымской войны. Парижский мирный конгресс 1856 г. Диссертация на соискание уч. ст. к. и. н. М., 1987; Виноградов В.Н. Николай I в «Крымской ловушке» // Новая и Новейшая история. 1992. № 4. С. 27-40; Маринин О.В. Много шума из ничего. Извлекли ли пользу из «нейтральной позиции» бывшие союзники России // Родина. 1995. № 3-4. С. 136-138; Россия и Черноморские проливы. (XVIII—XX столетия) М., 1999; История внешней политики России. Первая половина XIX в. М., 1999.

⁴⁵ Дегоев В.В. Внешняя политика России и международные системы: 1700-1918 гг. М., 2004. С. 269-300; Он же. Кавказ и великие державы. М., 2009. С. 169-362.

⁴⁶ См. например: Черкасов П.П. На тайном фронте Крымской войны // Новая и Новейшая история, 2007. № 6. С. 186-210.

стратегических проблем и анализ влияния военного планирования на внешнюю политику не входили в задачу автора.

В числе современных работ по истории военного строительства следует упомянуть неопубликованную диссертацию А.В. Кухарука⁴⁷. Объектом исследования в ней выступает Большая Действующая армия – ключевой инструмент военной политики Николая I в 1831-1853 гг. Используя материалы фондов Военно-исторического архива (РГВИА), автор последовательно раскрыл механизм развертывания вооруженных сил в ходе восточного кризиса 1833 г., опасного обострения противоречий с Францией в 1839 г. и революции 1848-1849 гг., а также рассмотрел участие Действующей армии в Венгерском походе и Крымской войне. Кухарук уделил внимание князю Варшавскому и пришел к ряду интересных выводов. С его точки зрения, специфические условия Крымского театра военных действий и осадной войны под Севастополем не позволяли русским войскам в полной мере проявить свои боевые возможности по ведению маневренной войны в поле, на которую была ориентирована их организация. Он также отмечал, что группировка русских сил, за исключением сравнительно короткого периода весной-летом 1855 г., отвечала целям сдерживания Австрии. То есть именно той задаче, которая имела первостепенную важность в обстановке навязанного России затяжного противостояния на измор. Однако специфика исследовательской работы заключалась в том, что предметом изучения выступала не роль князя Варшавского в стратегическом планировании, а эволюция структур Большой Действующей армии и практика их использования в конфликтах 1830-1850-х гг. Кухарук утверждал, что Россия проиграла Крымскую войну постольку, поскольку она просто не могла её выиграть. В одиночку сокрушить западноевропейскую коалицию было не под силу даже сильнейшей армии Европы.

⁴⁷ Кухарук А.В. Действующая армия в военных преобразованиях правительства Николая I. Диссертация на соискание уч. ст. к. и. н. М., 1999.

К похожему выводу о том, что в Восточной войне русская армия «добилась даже большего результата, чем от нее можно было ожидать» пришел в своем исследовании американский историк Ф. Кэган⁴⁸. В первую очередь, он изучал реформу институтов высшего военного управления николаевской России, предпринятую в 1830-1840-х гг. В центре его внимания находилось Военное министерство и фигура военного министра А.И. Чернышева. Паскевич, который не имел прямого отношения к реформам министерства в 1830-е годы, на страницах этой монографии упоминался лишь отрывочно. Важной чертой работы Кэгана, является его стремление показать, что проигрыш Россией Крымской войны не являлся следствием военного поражения, а был обусловлен изначальной безнадёжностью ее стратегического положения. Ни техническая отсталость, ни слабость военной администрации не имели на этом фоне принципиального значения. Исход борьбы был предрешен прочной дипломатической изоляцией России и географической разобщенностью потенциальных театров военных действий. Ставшая легендарной неэффективность николаевской военной бюрократии при ближайшем рассмотрении также оказывается, по его мнению, очень сильно преувеличенной. Не зря в заключении своей работы он указывал, что «развертывание армии в 2.500.000 чел. может считаться одним из наиболее впечатляющих достижений русского оружия в XIX в.»⁴⁹.

Примером отказа от рассмотрения истории международных отношений только как истории дипломатии служит работа О.Р. Айрапетова⁵⁰, в которой было уделено внимание Крымской войне как событию во внешней политике России, изучаемой с учетом её военно-стратегической составляющей. Не обращаясь специально к рассмотрению роли Паскевича, он стремился уточнить истинные и мнимые причины поражения России. Им был сделан важный вывод о том, что, сам по себе, исход противостояния изолированной России с

⁴⁸ Kagan F.W. The military reforms of Nicholas I. The origins of the modern Russian army. N.Y., 1999.

⁴⁹ Ibid. P. 243.

⁵⁰ Айрапетов О.Р. Внешняя политика Российской империи (1801-1914). М., 2006.

вражеской коалицией «отнюдь не свидетельствовал о слабости империи Николая I»⁵¹.

Последним на сегодняшний день историографическим событием, ценным для данной темы, является тематический сборник «Военная политика императора Николая I»⁵², который, в частности, содержит материалы, относящиеся к истории стратегии Крымской войны.

Итак, историография данной темы развивалась достаточно неравномерно. Биографические исследования, описания кампаний на различных театрах военных действий, изучение истории дипломатии, исследования проблем русского интендантства и тылового обеспечения продвигались в значительной степени изолированно друг от друга. При этом историография накопила, как устоявшиеся и глубокие суждения, так и явные противоречия в оценках личности фельдмаршала Паскевича и достижений военной политики при Николае I. Таким образом, её состояние подчеркивает необходимость специального монографического исследования по данной теме.

⁵¹ Там же. С. 219.

⁵² Русский сборник. Исследования по истории России. Т. 7. Военная политика императора Николая I. М., 2009.

Обзор источников

Опубликованные источники по истории русской стратегии в конце царствования Николая I можно разделить на официальные делопроизводственные документы, законодательные акты, периодику второй четверти XIX в. и материалы личного происхождения. К опубликованным и неопубликованным официальным делопроизводственным документам относится дипломатическая переписка, служебная переписка по военно-политическим вопросам и штабная документация русской армии. Источники личного происхождения представлены мемуарами, дневниками, письмами и воспоминаниями современников николаевской эпохи. Материалы военного законодательства и ведомственная периодика второй четверти XIX столетия рассмотрены в качестве самостоятельной подгруппы источников.

Материалы по истории внешней политики Российской империи представлены хорошо известными в отечественной литературе сборниками документов. Первая попытка опубликовать коллекцию источников, посвященную событиям Крымской войны, которая содержала некоторые документы по истории дипломатии, была предпринята уже через несколько лет после заключения мира⁵³.

В середине 1870-х годов Ф.Ф. Мартенс приступил к публикации 15-томного собрания документов, отражавших дипломатические отношения России с Англией, Австрией, Пруссией и Францией в Новое время⁵⁴. Приложения в работах А.М. Зайончковского и А.П. Щербатова также содержали ценные документы по истории внешней политики накануне и в ходе Крымской войны⁵⁵. Публикацию источников в приложениях Зайончковского

⁵³ Собрание донесений о военных действиях и дипломатических бумаг и актов, относящихся до войны 1853, 1854, 1855 и 1856 годов. СПб., 1858.

⁵⁴ *Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. 1-15. СПб., 1874-1909.

⁵⁵ *Зайончковский А.М.* Восточная война 1853-1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. Т.1-2. СПб., 1908-1913; *Щербатов А.П.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, его жизнь и деятельность. Т. 1-7. СПб., 1888-1904.

дополняла подборка документов в журнале «Красный Архив», специально посвященная работе русской дипломатии на Парижской мирной конференции⁵⁶.

Задача настоящего исследования представляется невыполнимой без обращения к широкому кругу до сих пор неиспользованных и малоиспользованных ранее источников, преимущественно архивных. Документы Российского Государственного Военно-Исторического Архива (РГВИА), посвященные истории стратегического планирования в 1830-1840-е гг., а также в период Крымской войны, подразделяются на несколько групп. Практически все важные решения военного характера в николаевской России принимал негласный «триумвират» в составе императора, военного министра и главнокомандующего Большой Действующей армией. Наибольший интерес в связи с этим представляют документы военного планирования и аналитические записки, составленные в личной канцелярии фельдмаршала Паскевича (Ф. 14013), штабе Большой Действующей армии (Ф. 14014) и Департаменте Генерального штаба Военного министерства (Ф. 38), а также личные комментарии к ним Николая I.

В период относительного спокойствия, царившего в 1831-1852 гг. на западных рубежах империи, подобные материалы появлялись на свет как результат глубокого изучения всей совокупности разведывательной информации. В них учитывались нюансы международной политики, мобилизационные и боевые возможности вооруженных сил России, её союзников и потенциальных противников.

Постепенно в ближайшем окружении императора наступило понимание того обстоятельства, что сохранение союза консервативных северных монархий, который обеспечивал выгодный для России политический статус-кво в Германии и в значительной степени устранял угрозу французского реваншизма, оказывалось неотделимо от проблемы развития военной инфраструктуры на западной границе и сохранения высокой боеготовности Большой Действующей Армии на Европейском театре войны.

⁵⁶ К истории Парижского мира 1856 г // Красный Архив. 1936. № 2 (75). С. 10-61.

Фонд Департамента Генерального Штаба (Ф. 38) содержит ценные документы по истории русско-прусского военного сотрудничества. Например, данные о личных переговорах генерал-квартирмейстера Большой Действующей армии А.И. Нейдгарта с генералом К.Ф. фон Кнезебеком в 1832 г.⁵⁷

Материалы Департамента Генштаба о стратегическом планировании дополняются документами Военно-ученого архива, который состоит из двух основных частей. Собственно фонда ВУА (Ф. 846) и фондов коллекции ВУА, где документы группируются по тематическому принципу. Ф. 428 посвящен Австрии и Австро-Венгрии, ф. 429 – Бельгии, ф. 431 – Великобритании, ф. 432 – Германии, ф. 437 – Италии, ф. 440 – Франции, ф. 442 – Швеции и Норвегии, ф. 450 – Турции, ф. 481 – Восточной войне 1853-1856 гг.

В коллекции Военно-ученого архива, посвященной Германии (Ф. 432), сохранились черновые варианты прусских планов войны против Франции, составленные немцами в ходе кризиса 1839-1841 гг.⁵⁸, которые впоследствии доверительно сообщались Николаю I прусским военным министром. В той же коллекции были обнаружены донесения, отражавшие оценку боевых возможностей королевских прусских войск в 1840-е гг., подготовленные русским военным корреспондентом в Берлине, известным профессором академии Генерального штаба генералом бароном Н.В. Медемом⁵⁹.

В самом же фонде Военно-ученого архива (Ф. 846) была обнаружена составленная для императора Николая прежде нигде не использовавшаяся записка фельдмаршала Паскевича от 11 мая 1845 г. «Сравнительное соображение сосредоточения русских и прусских войск», посвященная проблеме обороны Царства Польского, в случае вторжения прусской армии⁶⁰.

Эти источники проливают свет на сложную проблему функционирования русско-прусского союза, в котором беспрецедентное по меркам XIX века

⁵⁷ РГВИА. Ф. 38. Оп. 4. Д. 360.

⁵⁸ Там же. Ф. 432. Оп. 1. Д. 91.

⁵⁹ Там же. Д. 106.

⁶⁰ Там же. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16. Д. 1216.

военное сотрудничество сосуществовало с медленно набиравшей силу тенденцией к охлаждению отношений.

Там же в фонде ВУА находится основная масса практически неизвестных документов о военно-политическом совещании 1843 г., в ходе которого окончательно оформились приоритеты русской стратегии на Западном театре военных действий⁶¹. Из их числа лишь собственноручная записка Николая I, затрагивавшая тему строительства крепостей на западной границе, в начале XX в. была опубликована в приложении к «Восточной войне» А.М. Зайончковского⁶².

В комплекс документов, касавшихся секретного совещания 1843 г., входит более ранняя, написанная в 1836 г., записка министра финансов графа Е.Ф. Канкрин «Об оборонительном положении западной границы России по стратегическим видам» и различные соображения об укреплении западных границ империи, высказанные в ходе совещания всемирно известным военным теоретиком А.-А. Жomini, военным министром А.И. Чернышевым и фельдмаршалом Паскевичем.

С началом Восточной войны собственноручные записки и заметки князя Варшавского, выполненные для Николая I и Александра II, практически в законченном виде формулировали приоритеты русской стратегии, призванной вывести империю из навязанной ей борьбы на измор с наименьшими потерями. Основная масса этих документов была продиктована либо собственноручно написана Паскевичем в ходе месячного пребывания в Петербурге в феврале 1854 г., когда на практически ежедневных совещаниях Николая I с фельдмаршалом намечались пути выхода из опасного кризиса, вызванного международной изоляцией России на фоне внезапного перехода русско-турецкой войны в противоборство с западноевропейской коалицией.

⁶¹ Там же. Оп. 3. Д. 1.

⁶² Зайончковский А.М. Восточная война 1853-1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. Т. 1. Приложение. СПб., 1908. С. 561-564.

Ключевая записка от 28 (по другим данным от 27) февраля 1854 г. до революции публиковалась неоднократно⁶³, однако, по непонятной причине она до сих пор не привлекала внимания историков. Другие февральские записки, которые содержали сравнительную оценку опасности, угрожавшей России на различных театрах военных действий и затрагивали проблему обороны западной границы, черноморских берегов и Севастополя, вообще оставались неопубликованными⁶⁴.

В фонде канцелярии фельдмаршала (Ф. 14013) помещены также письма Паскевича к командующему Южной армией князю М.Д. Горчакову, раскрывающие точку зрения фельдмаршала на перспективы обороны базы Черноморского флота. Лишь незначительная часть этих документов использовалась А.П. Щербатовым при составлении последнего тома биографии князя Варшавского.

Документы коллекции ВУА, специально посвященной Крымской войне (Ф. 481), позволяют существенно расширить представления о причинах недооценки опасности высадки неприятеля в Крыму. Особенно важны соображения по обороне черноморских берегов, высказанные в 1853-1854 гг. командующим войсками на юге России М.Д. Горчаковым и командиром V-го пехотного корпуса А.Н. Лидерсом⁶⁵.

Фонд Военно-ученого архива (Ф. 846) содержит две записки: «Обзор последовательных изменений в плане действий на случай войны с Австрией» и «Соображение по некоторым новым предположениям на случай войны с Австрией», составленные 3 и 9 марта 1855 г. Д.А. Милютиным – в то время сотрудником военного министра. Генерал-майор Милютин по заданию

⁶³ *Зайончковский А.М.* Восточная война 1853-1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. Т. 2. Ч. 1. СПб., 1913. С. 609-611; *Степанов Н.П.* Князь Михаил Дмитриевич Горчаков в Севастополе. Записка фельдмаршала князя Паскевича 16 сентября 1855 г // *Русская Старина*. 1883. Т. 40. № 11. С. 378-380; *Степанов Н.П.* Мысли фельдмаршала Паскевича по поводу обороны и падения Севастополя. 16 сентября 1855 г // *Русская Старина*. 1872. Т. 6. № 10. С. 433-435; *Щербатов А.П.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, его жизнь и деятельность. Т. 7. СПб., 1904. С. 116-118.

⁶⁴ РГВИА. Ф. 14013. Оп. 1. Д. 3, Д. 4.

⁶⁵ Там же. Ф. 481. Оп. 1. Д. 5, 7.

военного министра В.А. Долгорукова систематизировал в своих записках предложения Николая I, Паскевича, Горчакова и Ридигера, касающиеся возможных действий русской армии в случае разрыва с Веней.

Документы коллекции ВУА, посвященной Крымской войне (Ф. 481), и фонда Департамента Генштаба (Ф. 38) содержат служебную переписку И.Ф. Паскевича, М.Д. Горчакова, А.Н. Лидерса, В.А. Долгорукова и В.Ф. Адлерберга, посвященную истории последнего общего развертывания русских армий в конце Восточной войны в преддверии несостоявшейся кампании 1856 года⁶⁶. Поскольку доклад Д.А. Милютина завершался мартом 1855 г., эти источники в значительной степени дополняют его данные и позволяют проследить изменения в русских планах на случай разрыва с Австрией во второй половине 1855 г.

Подробные боевые расписания русской армии в 1854, 1855 и 1856 гг. сохранились в фонде Департамента Генерального штаба⁶⁷. На основании этих источников можно делать выводы о сравнительной опасности угроз на различных театрах, а также проанализировать особенности нескольких последовательных боевых развертываний русских войск в 1853-1856 гг. В 1990-е гг. эти документы изучались А.В. Кухаруком, однако, в тексте его диссертации они использовались фрагментарно. Там же находится важная записка Ф.Ф. Берга «О военных действиях, возможных на севере в кампанию будущего 1856 года», а также соображения Ф.В. Ридигера по обороне Санкт-Петербурга.

В фонде № 481 сохранились личные воспоминания фельдмаршала об осаде Силистрии весной 1854 г.⁶⁸. Они прежде не публиковались и не упоминались даже в пересказе А.П. Щербатова, несмотря на то, что он подробно исследовал материалы семейного архива Паскевича.

Иначе взглянуть на тактические проблемы, с которыми столкнулось русское командование на Крымском полуострове, позволяет рапорт командира

⁶⁶ Там же. Ф. 481. Оп. 1. Д. 5, Д. 50. Ф. 38. Оп. 4. Д. 1212.

⁶⁷ Там же. Ф. 38. Оп. 4. Д. 1187, 1309, 1419. Ф. 14014. Оп. 2. Д. 48.

⁶⁸ Там же. Ф. 481. Оп. 1. Д. 13.

VI-го пехотного корпуса генерала П.П. Липранди от 17 февраля 1856 г.⁶⁹ Он был направлен генерал-квартирмейстеру Главного штаба В.К. Ливену с целью передачи в комиссию «Для улучшения по военной части», работавшей в 1855-1862 гг. Комиссия, первым председателем которой вплоть до своей смерти летом 1856 г являлся Ф.В. Ридигер, должна была устранить недостатки уставов и боевой подготовки русской армии, проявившиеся в ходе войны.

Не менее ценными для исследователя данной темы являются документы русской военной разведки, на основании которых Николай I и его ближайшие военные советники принимали решения. Они также до сих пор не привлекали внимания историков. Эти материалы условно можно разделить на три группы. Первая группа – высшая военно-политическая разведка – представлена донесениями русских военных корреспондентов, послов и консулов, которые направлялись в военно-ученое отделение Департамента Генерального штаба для последующего доклада военному министру и императору Николаю I. Копии большинства из них сообщались Паскевичу в Варшаву.

Военным корреспондентом в России в середине XIX в. назывался офицер или чиновник МИД, собиравший за границей сведения военного характера. Деятельность корреспондентов Военного министерства, в отличие от лазутчиков и тайной агентуры, носила подчеркнуто легальный характер. Донесения военных корреспондентов, наряду с дополнявшими их докладами из русских посольств и консульств, являлись для Департамента Генерального штаба в то время основным источником информации об иностранных армиях.

Основы централизованной системы сбора разведывательной информации складывались в России с начала 1820-х годов. Важную роль в этом деле играл действительный статский советник Ф.Ф. Берг, который в те годы временно находился на дипломатической службе, а в 1843 г., уже будучи генерал-лейтенантом, возглавил Департамент Генерального штаба. Осенью 1822 г. он составил первую систематическую инструкцию о методике сбора статистических сведений об иностранных армиях для офицеров и

⁶⁹ Там же. Ф. 38. Оп. 4. Д. 1604.

дипломатических чиновников⁷⁰. Она стала прообразом других инструкций, которыми впоследствии руководствовались русские военные корреспонденты при легальном сборе разведывательной информации в европейских столицах на протяжении 1830-1850-х гг.

Генерал Берг потратил много сил на улучшение работы военно-ученого отделения Департамента Генштаба, но считал, что она все еще далека от идеала. Замечания и предложения Берга, высказывавшиеся в служебной переписке с военным министром князем А.И. Чернышевым, проливают свет на многие достижения и проблемы русской военной разведки второй четверти XIX в., по сей день остающейся одним из наименее известных периодов её истории⁷¹.

Сведения, собранные военными корреспондентами об армиях великих европейских держав⁷², составленные ими таблицы с подробным указанием боевых расписаний войск служили теми источниками, на основании которых Николай I и фельдмаршал Паскевич делали выводы о боевых возможностях актуальных и потенциальных противников России накануне и в ходе Восточной войны.

К этой группе источников также можно отнести донесения тайного советника К.В. Кокошкина из Неаполя⁷³, где в годы войны он был чрезвычайным посланником и полномочным министром. Дипломат сообщал подробную информацию о морских перевозках союзников через Мессинский пролив в направлении Причерноморья.

Для понимания решений русской стороны одним из самых важных документов является перевод немецкой аналитической записки о состоянии французской армии к апрелю 1854 г.⁷⁴ Неизвестный немецкий автор доказывал, что возможности Франции по осуществлению заморской экспедиции на

⁷⁰ Там же. Оп. 5. Д. 1, 191, 202, 225, 534.

⁷¹ Там же. Д. 222, 273, 436, 594.

⁷² Там же. Ф. 428. Оп. 1. Д. 44; Ф. 431. Оп. 1. Д. 16; Ф. 432. Оп. 1. Д. 106, 112; Ф. 14014. Оп. 2. Д. 20, 39.

⁷³ Там же. Ф. 38. Оп. 5 Д. 673.

⁷⁴ Там же. Оп. 4. Д. 1042.

Черном море находились в прямой зависимости от её политических отношений с германскими государствами на западе.

Информация, сообщаемая русской агентурой на потенциальном театре войны, может быть отнесена ко второй группе документов военной разведки⁷⁵. Подобные донесения стекались в штаб Большой Действующей армии в Варшаве и попадали либо непосредственно на стол Паскевича, либо предварительно обрабатывались в ведомстве генерал-полицмейстера армии И. Абрамовича.

Третью группу материалов составляют сведения, добытые усилиями лазутчиков, которых засылали на австрийскую территорию командиры отдельных отрядов русских войск, размещенных в приграничной полосе⁷⁶. Итоговые сводки составлялись на основании анализа множества донесений, поступавших из различных источников, и докладывались командующему русскими войсками в Польше Ф.В. Ридигеру или самому Паскевичу.

Значение такого рода сведений резко возросло в начале 1854 г., когда военные приготовления Австрии и колебания Пруссии опасно осложнили положение России на фоне разрыва с Турцией и морскими державами. Точная информация о ходе мобилизации австрийской армии, её численности и боевых возможностях, о санитарном состоянии австрийских войск, умонастроениях солдат и офицеров приобретала для России исключительное значение.

Комплекс опубликованных источников личного происхождения проливает свет на многие проблемы русской стратегии 1840-1850-х гг. в ходе европейского революционного кризиса и Восточной войны.

Многолетняя переписка князя Паскевича с Николаем I и дневниковые записи из семейного архива фельдмаршала, введенные в научный оборот А.П. Щербатовым, в значительной степени раскрывали механизм принятия военно-политических решений в николаевской России. Эти материалы дополнялись публикациями переписки и записок императора Александра II, А.С.

⁷⁵ Там же. Оп. 5. Д. 673; Ф. 846 (ВУА). Оп. 16. Д. 5468; Ф. 14014. Оп. 2. Д. 51, 61.

⁷⁶ Там же. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16. Д. 5468; Ф. 14013. Оп. 1. Д. 14, 57; Ф. 14014. Оп. 2. Д. 63, 243, 251; Оп. 7. Д. 31, 33.

Меншикова, М.Д. Горчакова, В.А. Долгорукова в пореформенной русской периодике. В первую очередь, в журналах «Русская Старина» и «Русский Архив»⁷⁷.

Воспоминания генералов и младших офицеров, лично общавшихся с князем Варшавским либо принимавших участие в военных действиях, служили ценным источником дополнительных сведений о биографии Паскевича. Мемуары сотрудников аппарата Действующей армии В.А. Докудовского и А.Я. Стороженко в отечественной литературе использовались редко, хотя они

⁷⁷ Александр I, Николай I и Александр II. Исторические материалы к ним и их эпохам относящиеся, 1822-1855 // Русская старина. 1881. Т. 32. № 12. С. 881-906; *Баумгартен А.* Заметка к письмам А. С. Меншикова 1854-1855 гг // Русская Старина. 1875. Т. 13. № 5. С. 139-140; *Бартенев П.И.* Из записок князя Паскевича // Русский Архив. 1889. Кн. 1. № 3. С. 407-424; Война России с Турцией 1854-1855 гг // Русская Старина. 1877. Т. 18. № 1. С. 135-144; № 2. С. 325-336. Т. 19. № 5. С. 81-100; № 6. С. 331-340. Т. 20. № 9. 167-174; Войны России с Турцией 1828-1829 и 1853-1854 гг // Русская Старина. 1876. Т. 16. № 8. С. 671-708; Т. 17. № 9. С. 145-170; № 12. С. 811-830; Восточная война 1853-1856 гг. Письма князя И.Ф. Паскевича к князю М.Д. Горчакову // Русская Старина. 1876. Т. 15. № 1. С. 163-191. № 2. С. 388-401. № 3. С. 659-674; Выдержки из переписки князя Воронцова с императором Николаем // Русская Старина. 1875. Т. 13. С. 637-638; *Горчаков М.Д.* Сражение при Черной // Русская старина. 1876. Т. 16. № 5. С. 161-171; Император Александр II в Восточную войну. Переписка с князем И.Ф. Паскевичем и князем М.Д. Горчаковым. 1855 г // Русская Старина. 1881. Т. 32. № 12. С. 899-906; Император Николай Павлович в его военных распоряжениях 1849 и 1854 гг // Русская Старина. 1886. Т. 49. № 3. С. 571-576; Император Николай Павлович в его письмах к князю Паскевичу // Русский Архив. 1910. Кн. 1. № 3. С. 321-356; № 4. С. 481-513; Кн. 2. № 5. С. 5-45; № 6. С. 161-181; Император Николай Павлович и его время, 1831-1849 гг // Русская Старина. 1884. Т. 41. № 1. С. 135-139; *Степанов Н.П.* Князь Михаил Дмитриевич Горчаков в Севастополе. Записка фельдмаршала князя Паскевича 16 сентября 1855 г // Русская Старина. 1883. Т. 40. № 11. С. 369-380; *Степанов Н.П.* Мысли фельдмаршала Паскевича по поводу обороны и падения Севастополя. 16 сентября 1855 г // Русская Старина. 1872. Т. 6. № 10. С. 427-435; *Крылов А.Д.* Князь А.С. Меншиков. Документы (1853-1854) // Русская Старина. 1873. Т. 7. № 6. С. 843-854; Оборона Севастополя: Письма князя А.С. Меншикова к князю М.Д. Горчакову (1853-1855 гг.) // Русская Старина. 1875. Т. 12. № 1. С. 174-196; № 2. С. 298-328; Отношение императора Николая Павловича к Севастополю // Военный Сборник. 1873. Т. 91. № 5. С. 1-16; Переписка князя А.С. Меншикова с фельдмаршалом князем Варшавским до высадки союзников // Военный Сборник. 1902. № 3. С. 230-238; Письмо князя В. Долгорукова князю А.С. Меншикову. 13 июля 1855 г // Русская Старина. 1897. Т. 90. № 5. С. 270; Письмо А.С. Меншикова к М.С. Воронцову (Севастополь 8 ноября 1853 г.) и донесения императору Николаю (29 июня 1854 г.) // Русская Старина. 1873. Т. 7. № 6. С. 847-854; Собственноручная записка императора Николая о предстоящих военных действиях от 1 февраля 1855 г // Николай I и его время. Т. 1. М., 2000. С. 193-195. См. также: // Русская Старина. 1881. Т. 32. № 12. С. 896-899; *Шильдер Н.К.* Фельдмаршал Паскевич в Крымскую войну (перевод статьи берлинского военного журнала) // Русская Старина. 1875. Т. 13. С. 603-635; Южная армия и Крымская армия при князе Меншикове: Из бумаг Михаила Максимовича Попова // Русская Старина. 1893. Т. 79. № 9. С. 515-537.

содержат интересные попытки понять сложную и противоречивую натуру Паскевича, описывают повседневную жизнь фельдмаршала в Варшаве, раскрывают малоизвестные детали его взаимоотношений с подчиненными⁷⁸.

Другая группа мемуаров иллюстрирует механизм функционирования боевого командования Большой Действующей армии. Например, записки М.Д. Лихутина⁷⁹ полны интересных деталей о работе штаба Действующей армии в Венгерском походе. Тогда как воспоминания генерала Н.И. Ушакова и капитана Г. Пестова подробно описывают службу главной квартиры русской армии на Дунае в 1853-1854 гг.⁸⁰

Важными источниками по истории военного строительства являются законодательные акты и нормативные документы николаевского времени, опубликованные на страницах Полного Собрания Законов⁸¹ и таких сборников, как, например, «Свод военных постановлений»⁸².

Определенный интерес в качестве источника по истории военной теории и военной мысли представляет периодика николаевского времени, в первую очередь, представленная статьями «Военного журнала»⁸³. Их дополняют

⁷⁸ Докудовский В.А. Мои воспоминания. Рязань, 1898; Стороженко А.Я. Отрывки из воспоминаний // Стороженки. Фамильный архив. Т. 1. Киев, 1902. С. 351-429.

⁷⁹ Лихутин М.Д. Записки о походе в Венгрию в 1849 г. М., 1875.

⁸⁰ Пестов Г. Из воспоминаний о войне 1854 года // Военный Сборник. 1873. Т. 93. № 9. С. 25-29; Ушаков Н.И. Записки очевидца о войне России против Турции и западных держав // Деятельный Век. Исторический сборник. Кн. 2. М., 1872. О работе дивизионных штабов см.: К.Л.Н. Воспоминания о Дунайской кампании 1853-1854 годов // Военный Сборник. 1873. Т. 89. № 1. С. 169-191. № 2. С. 367-418.

⁸¹ ПСЗ II. Т. 11. Отд. 1. № 9038. Учреждение Военного министерства. 29 марта 1836 г.; ПСЗ II. Т. 20. №. 18687. О правах и власти главнокомандующего Отдельным Кавказским корпусом. 21 января 1845; ПСЗ II. Т. 21. Отд. 3. № 20670. Устав для управления армиями в мирное и военное время. 5 декабря 1846 г.; ПСЗ II. Т. 7. Т. 7. Отд. 2. Штаты и таблицы. Алфавитный указатель. Действующая армия; ПСЗ II. Т. 8 Отд. 1. № 6065. О переформировании армейской кавалерии. 21 марта 1833; ПСЗ II. Т. 8 Отд. 1. № 6676. О переформировании гвардейской и полевой артиллерии; ПСЗ II. Т. 8. Отд. 1. № 5943. О преобразовании армейской пехоты. 28 января 1833.

⁸² Свод военных постановлений. Т. 1-4. СПб., 1838-1842.

⁸³ О новых чугунных дорогах в Англии и Франции // Военный Журнал. 1834. № 1-3. С. 93-96; Последствия преобразований французской армии // Военный Журнал. 1835. № 1-3. С. 1-91; Состав Австрийской Армии // Военный Журнал. 1835. № 1-3; Состав Генерального штаба Франции // Военный Журнал. 1834. № 1-3. С. 82-104; Стратегическое исследование границ // Военный Журнал. 1834. № 1-3; Употребление артиллерии большими массами // Военный

официальные ведомственные публикации, обобщавшие достижения военных преобразований 1830-1840-х гг.⁸⁴, а также сборники, которые содержали данные о боевых расписаниях войск⁸⁵.

Таким образом, представляется, что доступный комплекс источников, который включает в себя неиспользованные и малоиспользованные в научной литературе архивные материалы, в целом позволяет решить исследовательскую задачу, поставленную в данной работе.

Журнал. 1833. № 4-6. С. 1-27; Числительный состав войск стран Европы // Военный Журнал. 1835. № 1-3. С. 121-160.

⁸⁴ Историческое обозрение военно-сухопутного управления 1825-1850. СПб., 1850.

⁸⁵ *Гизетти А.Л.* Хроника кавказских войск. Ч. 1-2. Тифлис, 1896; Расписание сухопутных войск. СПб., 1852; Хроника Российской Императорской армии. Ч. 1-7. СПб., 1852.

Глава 1. Военные преобразования 1830-1840-х гг.

Иван Федорович Паскевич родился 8 мая 1782 г. в семье богатого полтавского помещика Ф.Г. Паскевича и православной могилевской дворянки А.О. Карабановской. Его дед – Григорий Иванович – в чине коллежского советника служил под началом П.А. Румянцева-Задунайского в Малороссийской коллегии.

Мальчик получал домашнее воспитание для подготовки к учебному курсу Пажеского корпуса, в который и поступил в 1793 г. В октябре 1800 г. Паскевич окончил обучение и был произведен в поручики Преображенского полка с назначением флигель-адъютантом к императору Павлу I. С 1806 по 1810 гг. он принимал участие в русско-турецкой войне, отличился и в 28 лет был произведен в генерал-майоры.

Незадолго перед началом войны с Наполеоном, в январе 1812 г., Паскевич был назначен начальником 26-й пехотной дивизии, с которой он прошел Отечественную войну, отличившись в сражениях под Салтановкой, Смоленском, на Бородинском поле и под Малоярославцем. В ходе заграничного похода Паскевич в сражениях под Дрезденом и Лейпцигом также показал себя с лучшей стороны, за что был произведен в генерал-лейтенанты.

В 1814 г. Паскевич возглавил 2-ю гренадерскую дивизию, с которой штурмовал Париж. В поверженной столице Франции состоялось знакомство молодого генерал-лейтенанта с великим князем Николаем Павловичем, приехавшим в действующую армию. Между генералом и юным великим князем, в глазах которого Паскевич был представителем поколения героев отгремевшей войны, завязалась дружба, продолжавшаяся и после того, как победоносная армия вернулась в Россию.

Весной 1821 г. Паскевич был назначен командиром 1-й гвардейской пехотной дивизии, в которой командирами бригад стали великие князья Михаил и Николай. После службы в гвардии под начальством Паскевича

Николай I до самой смерти обращался к нему в переписке не иначе как «мой любезный отец-командир».

Близкое знакомство Паскевича с новым императором обещало благоприятные служебные перспективы. Летом 1826 г., во время коронационных торжеств в Москве, Паскевич вместе с И.И. Дибичем и К.Ф. Толем был произведен в полные генералы⁸⁶. Вскоре честолюбивый командир расквартированного в Митаве I-го пехотного корпуса получил возможность проявить себя как самостоятельный полководец. В августе 1826 г. Николай I отправил Паскевича на Кавказ, командовать отрядом Отдельного Кавказского корпуса в начавшейся войне с Персией. Уже в сентябре 1826 г. он нанес персам тяжелое поражение в сражении под Елизаветполем⁸⁷. В Грузии неуживчивый Паскевич вступил в конфликт с А.П. Ермоловым, который стремительно утрачивал доверие Николая I. Зимой 1826-1827 гг. на Кавказ был срочно командирован начальник Главного штаба И.И. Дибич, целью которого было составление плана кампании на следующий год, а также попытка примирения враждовавших военачальников. Дибич не стремился к удалению Ермолова с Кавказа⁸⁸, поэтому в переписке с императором он в значительной степени воздержался от критических оценок действий наместника, хотя на ошибки и нерешительность последнего в начале войны указывал в своих мемуарах даже Н.Н. Муравьев-Карский⁸⁹, который искренне симпатизировал Ермолову и недолго любил Паскевича.

В неудачной попытке примирения двух генералов Дибич сыграл достаточно противоречивую роль. Тайный советник Кириллов, состоявший при графе В.Ф. Адлерберге, отмечал, что «Дибич Ермолова не любил, но еще больше не любил Паскевича, зная к нему дружбу Государя»⁹⁰. Схожей точки

⁸⁶ *Неелов Н.Д.* Воспоминания о польской войне 1831 г. СПб., 1878. С. 207-208.

⁸⁷ *Симонич И.О.* Персидская война. Кампания 1826 г. Из записок графа Симонича // Кавказский Сборник. 1901. Т. 22. С. 40.

⁸⁸ *Щербатов А.П.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность. Т. 2. СПб., 1890. С. 185.

⁸⁹ *Муравьев Н.Н.* Записки Николая Николаевича Муравьева-Карского // Русский Архив. 1889. № 2. С. 195-196; № 4. С. 575-576, 586-590; № 8. С. 539, 542; № 11. С. 297.

⁹⁰ *Щербатов А.П.* Указ. соч. Т. 2. СПб., 1890. С. 185.

зрения относительно истинных мотивов поведения Дибича на Кавказе много лет спустя придерживался и сам Паскевич⁹¹.

В начале марта 1827 г. Николай I принял окончательное решение сместить Ермолова и заменить его Паскевичем в должности наместника и командующего Отдельным Кавказским корпусом.

В ходе Русско-Иранской (1826-1828 гг.) и Русско-Турецкой (1828-1829 гг.) войны положение нового командующего на Кавказском театре осложнялось проблемами тылового обеспечения и острой нехваткой войск. В начале войны с Турцией из 56 батальонов Кавказского корпуса он мог задействовать в поле лишь 15⁹², остальные несли гарнизонную службу в тылу или же ещё не были выведены с иранской территории. Тем не менее, обе войны в Закавказье завершились громкими победами.

Несмотря на частые ссоры с подчиненными ему офицерами и генералами, Паскевич, по словам британского военного наблюдателя инженерного полковника У. Монтейта, продемонстрировал «смелость и талант, достойные изучения любым военным человеком»⁹³. Успешный переход Кавказского корпуса через Саганлугский хребет британец сравнил с переходом Бонапарта через Альпы. Монтейт считал Паскевича выдающимся военачальником, а кампанию 1829 г. назвал одной из самых успешных и славных в русской истории⁹⁴.

Также в начале 1829 г. Паскевичу удалось с большим искусством предотвратить разрыв и возобновление войны с Персией. Разгром русского посольства в Тегеране и убийство А.С. Грибоедова вызвал напряженные переговоры между Паскевичем и наследным принцем Аббасом-Мирзой. Командующий проявил талант дипломата и с помощью письма, умело

⁹¹ Филиппов А. Ф. Воспоминания о князе И. Ф. Паскевиче-Эриванском // Древняя и Новая Россия, 1878. Т. 1. С. 84.

⁹² Бантыш-Каменский Д. Н. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. Ч. 4. СПб., 1840. С. 248-249.

⁹³ Monteith W. Kars and Erzeroum: with the campaigns of prince Paskiewitch in 1828 and 1829; and an account of the conquests of Russia beyond the Caucasus from the time of Peter the Great to the treaty of Turcoman Chie and Adrianople. L., 1856. P. 211.

⁹⁴ Ibid. P. 300.

сочетавшего откровенность, недвусмысленные угрозы и зрелые военно-стратегические доводы, вынудил наследного принца принести официальные извинения, отправив в Петербург посольство⁹⁵.

Три успешные кампании в 1827-1829 гг. принесли Паскевичу фельдмаршальский жезл и почетный титул графа Эриванского⁹⁶. В течение следующего года командующий предпринял несколько экспедиций против кавказских горцев, которые, однако, не имели решительных результатов.

В апреле 1831 г. фельдмаршал был срочно отозван в Петербург. Начавшаяся война против мятежной Польши недопустимо затягивалась, поэтому Николай I пришел к мысли о необходимости смены главнокомандующего.

17 ноября 1830 года в Варшаве началось восстание. Толпа, руководимая офицерами и воспитанниками военно-учебных заведений, ворвалась в Бельведерский дворец с намерением убить наместника великого князя Константина Павловича, которому удалось спастись. После безуспешных переговоров, в которых поляки выдвинули заведомо неприемлемые требования о передаче Царству Польскому территорий Правобережной Украины, Литвы и Белоруссии, Сейм объявил династию Романовых низложенной. Таким образом, в январе 1831 г. восстание переросло в Русско-Польскую войну⁹⁷.

Главным командующим Действующей армией, созданной для усмирения Царства Польского, был назначен И.И. Дибич, который оказался в сложном положении. Русская армия стояла на зимних квартирах и была измотана тяжелой войной 1828-1829 гг. на Дунае. Сосредоточение её на западной

⁹⁵ *Бантыш-Каменский Д.М.* Указ. соч. С. 292-294. См. также: *Потто В.А.* Кавказская война. Т. 4. Ставрополь, 1994. С. 286-288.

⁹⁶ См. например: *Валентини Г.В.* Обзорение главнейших действий генерал-фельдмаршала князя Варшавского графа Паскевича-Эриванского против турок в Азии. СПб., 1836; *Г-н Ив. (Гурьянов).* Знаменитые черты из жизни и военные подвиги фельдмаршала графа И.Ф. Паскевича-Эриванского и храбрых его сподвижников. М., 1831; *Ушаков А.К.* История военных действий в Азиатской Турции 1828-1829 гг. СПб., 1836; *Щербатов А.П.* Указ. соч. Т. 2-3. СПб., 1890-1891.

⁹⁷ *Смит Ф. фон.* История польского восстания и войны 1830 и 1831 гг. Т. 1-3. СПб., 1863-1864; *Пузыревский А.К.* Польско-русская война 1831 г. Т. 1-2. СПб., 1890; *Окунев Н.А.* История второй половины Польской войны 1831 года. СПб., 1835; *Отзывы и мнения военачальников о Польской войне 1831 г.* СПб., 1867.

границе потребовало нескольких месяцев⁹⁸. Положение усугублялось тем, что между 1815 и 1830 годами основой русских сил на западе империи были именно польские войска, которые теперь перешли на сторону мятежников.

Из района Петербурга и новгородских военных поселений в поход выступили Гвардия и Гренадерский корпус. Стоявший в Западном крае VI-й (бывший Литовский) корпус, до замены в нем офицеров-поляков русскими, считался не вполне надежным⁹⁹. I-й и II-й пехотные корпуса были переданы Дибичу из состава I-й армии фельдмаршала Ф.В. Остен-Сакена, штаб которой располагался в Киеве. Силы армейской пехоты дополняли III-й и V-й резервные кавалерийские корпуса.

Армия, собранная Россией для усмирения Польши, могла быть доведена до 183.000¹⁰⁰ человек, но сбор этих войск требовал более четырех месяцев. 25 января 1831 г., в день перехода русскими войсками административной границы Царства Польского, в строю Действующей армии числилось 113-114.000 чел¹⁰¹.

До начала революции польская армия включала в себя две пехотные и две кавалерийские дивизии с артиллерией. Общая численность польских войск простиралась до 28.000 чел. в пехоте, 7000 чел. в кавалерии при 106 полевых орудиях¹⁰². Хорошо обученная польская армия стала кадровой базой для развертывания новых полков и дивизий, набираемых из числа резервистов и новобранцев. К началу военных действий численность польских войск достигла 130-140.000 чел., из которых примерно 60.000 чел. считались наиболее пригодными для активных действий в поле¹⁰³.

Кампания 1831 г. проходила с переменным успехом, а разгром польской армии потребовал от России больших усилий. Первоначально Дибич не сомневался в быстрой и легкой победе¹⁰⁴. Но после ряда неудач русских войск

⁹⁸ *Смитт Ф. фон.* Указ. соч. С. 307-309.

⁹⁹ *Зеланд А.Л.* Воспоминания о польском восстании и войне. 1830-1831 // *Русская Старина.* 1892. Т. 75. № 9. С. 522.

¹⁰⁰ *Пузыревский А.К.* Указ соч. С. 33.

¹⁰¹ Там же. С. 67.

¹⁰² Там же. С. 25.

¹⁰³ Там же. С. 28.

¹⁰⁴ *Зеланд А.Л.* Указ. соч. С. 521-522.

весной 1831 г. у Николая I возникло недоверие не только к главнокомандующему, но и ко всему штабу Действующей армии, включая его начальника К.Ф. Толя и генерал-квартирмейстера А.И. Нейдгарта¹⁰⁵.

В мае 1831 г. Дибич неожиданно скончался от холеры, и в Действующую армию прибыл новый главнокомандующий – фельдмаршал граф И.Ф. Паскевич-Эриванский. В ходе Польской кампании Паскевич конфликтовал с начальником штаба Действующей армии генерал-адъютантом К.Ф. Толем¹⁰⁶, хотя, по словам очевидца, преобразования фельдмаршала в главной квартире армии в действительности были минимальны. С прежними сотрудниками Дибича новый главнокомандующий обошелся доброжелательно, «но (...) не имел уже ни с одним из них прямого сношения, а распоряжался через начальника главного штаба, генерал-квартирмейстера и начальника артиллерии. (...) С Толем, Нейдгартом и Горчаковым он обошелся ласково; но других лиц не удостоил ни одним словом. С Паскевичем приехал генерального штаба генерал-майор Окунев, состоявший при нем с самых малых чинов; все полагали, что Окунев заступит место генерал-квартирмейстера, но этого не случилось. Окунев ни во что не мешался и Паскевич постоянно оказывал расположение Нейдгарту, хотя как с ним, так и с Толем обходился менее фамильярно, нежели Дибич».¹⁰⁷ А.П. Щербатов предполагал, что Толь считал должность начальника штаба армии несоответствующей его высокому званию генерал-адъютанта¹⁰⁸.

Сравнивая достоинства Дибича и Паскевича как главнокомандующих, служивший в штабе Гренадерского корпуса будущий профессор Военной академии Н.Д. Неелов вспоминал: «Дибич был с высокими военными

¹⁰⁵ Щербатов А.П. Указ. соч. Т. 4. СПб., 1894. С. 13-19.

¹⁰⁶ Дюгамель А.О. Автобиография // Русский Архив. 1885. Кн. 1. № 4. С. 493; фон дер Лауниц В.Ф. Штурм Варшавы 25 и 26 августа 1831 г. Рассказ очевидца // Военный Сборник. 1873. Т. 93. №. 9. С. 5-24; Паскевич-Эриванский И.Ф. Очерки Польской кампании в 1831 г // Меньков П.К. Записки. Сб. статей. Т. 3. СПб., 1898. С. 85-98; Толь К.Ф. Краткий журнал пребывания моего в Действующей армии в минувшую польскую войну со времени прибытия фельдмаршала графа Паскевича-Эриванского к оной до отъезда моего в Санкт-Петербург. М., 1867.

¹⁰⁷ Неелов Н.Д. Указ. соч. С. 210.

¹⁰⁸ Щербатов А.П. Указ. соч. Т. 4. СПб., 1894. С. 32-33.

дарованиями, и как начальник штаба заслужил бы неувядаемую славу, но как главнокомандующий он был слишком добр, доверчив и не имел твердости в характере и настойчивости, необходимой для такого высокого звания; планы его носили на себе отпечаток высокого ума и соображения; но, как скоро дело доходило до исполнения, все эти планы рассеивались как дым от его нерешительности. Не таков был характер его преемника, как мы увидим впоследствии: он не мог похвалиться искусством составления планов, но зато, задумав какой-либо план, умел привести его в исполнение, несмотря ни на какие препятствия и не слушая ничьих убеждений; и его дела увенчались полным успехом»¹⁰⁹.

По словам генерал-адъютанта А.И. Нейдгарта бывшего генерал-квартирмейстера Действующей армии в Польской кампании, сказанным в беседе с Нееловым в 1837 г., «Дибич имел все дарования хорошего полководца, ум светлый, быстрый предприимчивый, но недостаток его состоял в горячности и нетерпеливости. Он вполне понимал и стратегию, и тактику, но провиантская часть была ему недоступна, потому что по нетерпеливости характера он не в состоянии был следить за всеми действиями провиантского ведомства. Он выходил из себя, что не мог поверить всех провиантских расчетов, звал даже несколько раз к себе интенданта, распекал его, требовал ясного отчета, но ясные отчеты были таковы, что отнимали всякую возможность проверки. Главнокомандующий опускал руки и отказывался что-нибудь распутать»¹¹⁰.

«Слава Дибича как полководца, – заключал Неелов, – как быстро возросла, так быстро и пала. Заслуги Дибича как начальника штаба забыты – на него смотрят и судят уже как главнокомандующего, и успех действий в Турции приписывают одной случайности»¹¹¹.

Записки генерала Неелова не были опубликованы при его жизни, и едва ли предпринятое на их страницах сравнение достоинств обоих главнокомандующих преследовало какую-либо конъюнктурную цель. Неелов

¹⁰⁹ Неелов Н.Д. Указ. соч. С. 207.

¹¹⁰ Там же. С. 196.

¹¹¹ Там же. С. 208.

критиковал Дибича за недооценку роли тылового обеспечения и за практику раздробления корпусов и дивизий на отдельные отряды¹¹², но он никогда не присоединялся к мнению о якобы случайном характере выдающихся успехов графа Забалканского в ходе Дунайской кампании 1829 г.

25-26 августа 1831 г. Паскевич штурмом взял варшавские укрепления и подавил восстание¹¹³. За успешное окончание войны и покорение Варшавы ему был присвоен титул Светлейшего князя Варшавского. После победы боевое управление Действующей армии было сохранено на постоянной основе. Вплоть до конца 1855 г. Паскевич оставался главнокомандующим Большой Действующей армией, одновременно являясь русским наместником в Царстве Польском.

Как полководец Паскевич достаточно рано понял ту роль, которую играли интендантство и правильно организованное тыловое обеспечение. «Кто о хлебе не думает, тому и победа не впрок»¹¹⁴ – часто повторял фельдмаршал в ходе Польской войны. Н.Н. Муравьев-Карский полагал, что огромную важность продовольственного обеспечения войск Паскевич стал понимать лишь на Кавказе¹¹⁵. Хотя сам фельдмаршал утверждал, что его школой в данном вопросе служили Наполеоновские войны. «По совести сказать, – писал Паскевич, – в войсках продовольствие армии самое трудное, и главнокомандующий хотя бы знал войну и был гениален в тактике, но если нет в нем понимания и распорядка в пропитании армии, какие бы битвы не выигрывал он – легко погубит и армию, и лучшие силы государства. От таких же порядков и французская империя пала, потому что никто из них, предпринимая движение, о хлебе серьезно не подумал»¹¹⁶.

К пятидесяти годам Паскевич достиг беспрецедентно высокого служебного положения и стал последним в русской истории полным кавалером

¹¹² Там же. С. 47-48, 199.

¹¹³ *Фелькнер В.И.* Из воспоминаний бывшего гвардейского сапера // *Русский Вестник*. 1867. Т. 67. № 2. С. 449-459.

¹¹⁴ *Щербатов А.П.* Указ. соч. Т. 4. СПб., 1894. С. 42.

¹¹⁵ *Муравьев Н.Н.* Указ. соч. 1889. № 11. С. 279.

¹¹⁶ *Щербатов А.П.* Указ. соч. Т. 1. СПб., 1888. С. 234.

ордена Св. Георгия. Князь Варшавский как ближайший сподвижник императора пользовался неограниченным его доверием. Положение фельдмаршала в правительственной иерархии России было практически уникальным. Император обсуждал с полководцем большинство вопросов, касавшихся внутренней, внешней и военной политики. Он был единственным человеком в окружении монарха, кому Николай позволял спорить с собой по факту уже принятых решений.

Войны первых пяти лет царствования Николая I показали как сильные стороны армии, доставшейся императору в наследство от старшего брата, так и серьезные её недостатки.

Если русско-иранская война 1826-1828 гг. в значительной степени оказалась локальной и потребовала перебросить на Кавказ из состава армии, расквартированной в европейской России, лишь две дивизии, то борьба с Турцией и Польшей сопровождалась общим боевым развертыванием русских сухопутных сил. При этом затруднения, с которыми столкнулась императорская армия, имели, скорее, не тактический, а организационный характер. Например, в 1829 г. только от болезней погибло 89.977 чел. Тогда как с 1826 по 1851 г. во всех регулярных войсках средние боевые потери и смертность от болезней составляли в среднем 43.723 чел. в год. Польская кампания, разворачивавшаяся на фоне общеевропейской эпидемии холеры, сопровождалась ещё большими небоевыми потерями. В 1831 г. погибло 113.655 чел. или 1/7 всей армии¹¹⁷.

Войны первых пяти лет царствования и в особенности затруднения в ходе кампании против Польши убедительно показали, что, несмотря на значительную численность армии, стратегическая проблема несоответствия военных потребностей имеющимся материальным ресурсам для России по-прежнему продолжала оставаться острой¹¹⁸. Такие факторы, как огромные

¹¹⁷ Кухарук А.В. Действующая армия в военных преобразованиях правительства Николая I. Диссертация на соискание уч. ст. к. и. н. М., 1999. С. 55.

¹¹⁸ Kagan F.W. The military reforms of Nicholas I. The origins of the modern Russian army. N.Y., 1999. P. 212-213.

пространства страны, её относительная бедность и хозяйственная слабость, низкая плотность населения сильно осложняли военно-стратегическое положение государства¹¹⁹.

Между 1801 и 1825 гг. численность вооруженных сил империи увеличилась вдвое: с 457.000 чел. до 910.000 чел¹²⁰. Вследствие разобщенности потенциальных театров военных действий Россия, несмотря на завершение Наполеоновских войн, была вынуждена содержать армию, значительно превосходившую по численности вооруженные силы соседей.

Количественный рост армии влек за собой тяжелую нагрузку на демографические ресурсы империи, поскольку решающего превосходства в численности населения на фоне своих европейских соседей Россия не имела. К 1850 г. в России, по расчетам Ф. Кэгана, на одну квадратную милю проживало всего лишь 647 чел. Тогда как в Австрии – 3203 чел., в Пруссии – 3313 чел. и во Франции – 3789 чел. Образно говоря, для России это означало необходимость защищать территорию всей Европы, располагая населением только одной Австрийской империи¹²¹. Кроме того, основная масса населения концентрировалась вдали от потенциальных театров военных действий. 9 млн. чел., то есть, примерно, половина от всего числа потенциальных рекрутов – проживало на расстоянии 600 и более миль от Варшавы¹²².

Несмотря на победоносное окончание Наполеоновских войн, необходимость обеспечивать за Россией положение верховного арбитра в Европе и понимание того обстоятельства, что военная мощь является по сути единственным гарантом великодержавного статуса империи, вынуждала Александра I и после 1815 г. сохранять так называемый «двухдержавный стандарт».

¹¹⁹ См. например: *Обручев Н.Н.* О вооруженной силе и её устройстве // Военный Сборник. 1858. Т. 1. № 1. С. 25.

¹²⁰ Столетие Военного министерства. Т. 1. *Данилов Н.А.* Исторический очерк развития военного управления в России. С. 283.

¹²¹ *Kagan F.W.* Op. cit. P. 221.

¹²² Ibid. P. 221, 322.

О необходимости «двухдержавного стандарта», то есть некоторого численного превосходства русских сухопутных сил над армиями Австрии и Пруссии вместе взятых, после 1815 г. император Александр I упоминал в разговоре с П.Д. Киселевым¹²³. Но поддержание его было связано с огромным финансовым напряжением. Расходы на содержание сухопутной армии в период 1827-1841 гг. никогда не опускались ниже 33% от общегосударственных¹²⁴.

Выход военных расходов за пределы естественных экономических возможностей России¹²⁵, а также тяжелая натуральная нагрузка на податные сословия в связи с необходимостью поставлять рекрутов становилась в последние годы царствования Александра непосильной¹²⁶. В связи с этим правительство решилось на эксперимент с развертыванием военных поселений, который предполагал создание замкнутого военно-земледельческого сословия, что по замыслу должно было снизить бремя военных расходов при сохранении существующей численности войск, а также в значительной степени избавить крестьянское население от тягот рекрутской повинности¹²⁷. В 1825 г. военные поселения насчитывали 375.000 чел. 9678 генералов и офицеров, 15.361 унтер-офицера, 139.000 солдат в составе 138 батальонов, 240 эскадронов и 36 специальных рот, разделенных на четыре корпуса в Новгородской, Харьковской, Екатеринославской и Херсонской губерниях¹²⁸.

Данная попытка окончилась неудачей. Николай I оказался вынужден вернуться к традиционной практике рекрутских наборов, в том числе и с тех же

¹²³ *Заблоцкий-Десятовский А.П.* Граф П.Д. Киселев и его время. Т. 1. СПб., 1882. С. 30.

¹²⁴ См.: *Daly J.C.K.* Russian seapower and «The Eastern question» (1827-1841). Annapolis, 1991. P. 191. О масштабах военных расходов в царствование императора Николая I см. также: *Бескровный Л.Г.* Русская армия и флот в XIX в. Военно-экономический потенциал России. М., 1973. С. 482-483; *Блиох И.С.* Финансы России XIX столетия (история, статистика). Т. 1. СПб., 1882. С. 186-189, 268-271.

¹²⁵ *Kagan F.W.* Op. cit. P. 96-99, 107-109.

¹²⁶ *Кухарук А.В.* Указ. соч. С. 50-53.

¹²⁷ Столетие Военного министерства. Т. 4. Ч. 1. Кн. 1. Отд. 2. *Щепетильников В.В.* Главный штаб. Исторический очерк комплектования войск в царствование императора Александра I. СПб., 1902. С. 93-119.

¹²⁸ *Ливчак Б.Ф.* Народное ополчение в вооруженных силах России // Свердловский юридический институт. Ученые труды. Т. 4. Серия "История государства и права". Свердловск, 1961. С. 195.

поселян, изменив первоначальный смысл военно-поселенной системы¹²⁹. Эксперимент по созданию замкнутого военно-земледельческого сословия был прекращен. Военные поселяне превратились в крестьян на балансе военного ведомства, главной задачей которых стало содержание расквартированных на их территории дивизий русской тяжелой кавалерии. Правовое положение военных поселян эволюционировало к статусу государственных крестьян, а пахотных солдат – к статусу удельных¹³⁰. Уровень развития экономики поселений превосходил экономический уровень помещичьей, государственной и удельной деревни этого периода и соответствующих регионов¹³¹. За четверть века военные поселения позволили казне сэкономить примерно 45,5 млн. рублей.

Новым рекрутским уставом от 28 июня 1831 г. Николай I стремился упорядочить правила набора и обеспечить надежное комплектование войск. Введение строгих мер позволило сократить административные злоупотребления и значительно снизить потери среди новобранцев.

При этом в 1830-1840-е гг. император Николай постепенно изменил характер системы комплектования русской армии. При формальном сохранении прежнего названия рекрутская повинность в действительности обрела многие черты, характерные для западноевропейской конскрипции, предполагавшей наличие общей очереди, а также жеребьевый порядок отбора и широкую систему льгот, отсрочек и заместительства¹³². Основных отличий от классической конскрипции в русской системе комплектования при Николае I было два. Во-первых, воинская повинность продолжала отбываться посословно, во-вторых, владельческие права помещиков позволяли им сдавать крестьян в солдаты в нарушение очереди. Очевидно, что полному введению в

¹²⁹ Столетие Военного министерства. Т. 4. Ч. 2. Кн. 1. Отд. 2. *Щепетильников В.В.* Главный штаб. Исторический очерк комплектования войск в царствование императора Николая I. СПб., 1902. С. 43-56.

¹³⁰ *Ячменихин К.М.* Армия и реформы: военные поселения в политике российского самодержавия. Чернигов, 2006. С. 186, 321.

¹³¹ Там же. С. 309-310, 322.

¹³² *В.Я.* Французская конскрипция // Военный Сборник. 1858. № 3. С. 57-79. См. также: РГВИА. Ф. 38. Оп. 5. Д. 436. Лл. 44-45.

Российской империи конскрипции мешало сохранение крепостного права, поэтому ее распространение началось с государственной деревни¹³³.

Войны начала XIX столетия показали опасность обескровливания полков в ходе боевых действий. Отсутствие в русской армии обученных резервов затрудняло процесс восстановления боеспособности понесших потери соединений, тогда как рекрутские наборы могли дать лишь совершенно необученное пополнение, которому требовалось минимум девять месяцев, чтобы встать в строй. По этой причине в 1834 г. срок службы в армии был сокращен с 25 до 20 лет. В Гвардии с 22 до 20 лет. 30 августа 1834 г. были приняты «Правила о бессрочноотпускных». Солдаты, отслужившие без взысканий 20 лет, по истечении этого срока увольнялись на 5 лет (на 2 года в Гвардии) в бессрочный отпуск. Правительство оставляло за собой право повторно призвать их в случае необходимости, чтобы они дослужили оставшийся срок. В 1834-1848 гг. в бессрочный отпуск было уволено 256.499 чел. К концу 1840-х гг. данная мера позволила накопить обученный резерв примерно в 200.000 чел¹³⁴. Бессрочноотпускные становились кадровой базой для формирования на случай войны резервных и запасных войск.

Полевые войска также подверглись реформированию. 194 полка были реорганизованы в 110. Количество дивизий сократилось с 33 до 30. Лишние бригадные, дивизионные, корпусные и армейские управления также оказались расформированы. Николаю I во многом удалось разрешить проблему хронического некомплекта людей в строю.

К 1835 г. императорская армия насчитывала двадцать одну армейскую, три гренадерские и три гвардейские пехотные дивизии, состоявшие каждая из четырех полков, сведенных в две бригады. Дивизии объединялись в корпуса. Три гренадерские и три гвардейские дивизии сводились, соответственно, в Гренадерский и Гвардейский корпус. Восемнадцать пехотных дивизий последовательно образовывали шесть пехотных корпусов, где в составе I-го

¹³³ Кухарук А.В. Указ. соч. С. 81.

¹³⁴ Kagan F.W. Op. cit. P. 233-234, 247.

пехотного корпуса числились 1-я, 2-я и 3-я пехотные дивизии, а в составе VI-го пехотного корпуса – 16-я, 17-я и 18-я¹³⁵.

19-я, 20-я и 21-я пехотные дивизии, вместе с отдельной Кавказской гренадерской бригадой составляли Отдельный Кавказский корпус. 22-я пехотная дивизия постоянно находилась в Финляндии. 23-я пехотная дивизия образовывала Отдельный Оренбургский корпус, а 24-я пехотная дивизия – Отдельный Сибирский корпус. 22-24 дивизии не имели полковой структуры, они состояли из линейных батальонов¹³⁶. По сути, управления этих дивизий являлись территориальными органами, руководившими местными войсками.

Переформированию подверглась и кавалерия. Легкие кавалерийские дивизии состояли теперь из двух бригад, где первую формировали 2 уланских, а вторую 2 гусарских полка. Организационно они входили в состав пехотных корпусов и получали их номера (с «1» по «6»). В мирное время образовывался также Сводный кавалерийский корпус из 5-й и 6-й легких кавалерийских дивизий, считавшихся «от V и VI пехотных корпусов в командировке»¹³⁷. 7-я легкая кавалерийская дивизия была придана Гренадерскому корпусу¹³⁸. Из тяжелой кавалерии создавались «резервные» кавалерийские корпуса, которые могли играть самостоятельную роль не только на полях сражений, но и на театре войны в целом (понятия «резервный» и «стратегический» использовались в данном случае как синонимы). В состав I-го корпуса вошли 1-я кирасирская и 1-я уланская дивизии, II-й корпус включал 2-ю кирасирскую и 2-ю уланскую дивизии, III-й резервный кавалерийский корпус составляли 1-я и 2-я драгунские дивизии. Кроме того, был сформирован Гвардейский Резервный кавалерийский корпус.

В декабре 1851 г. незадолго до начала Восточной войны в организации русской резервной кавалерии произошли некоторые изменения. Бюджетный

¹³⁵ ПСЗ II. Т. 8. Отд. 1. № 5943. О преобразовании армейской пехоты. 28 января 1833.

¹³⁶ Подробнее о составе пехотных дивизий см.: *Зайончковский А. М.* Восточная война 1853-1856 гг., в связи с современной ей политической обстановкой. Т. 1 (Приложение). СПб., 1908. С. 462.

¹³⁷ ПСЗ II. Т. 8. Отд. 1. № 6065. С. 156. § 6.

¹³⁸ Там же. № 6065.

дефицит вынудил Николая I расформировать боевое управление одного из трех резервных кавалерийских корпусов. 20 декабря 1851 г. император писал князю Варшавскому: «(...) Кончили мы смету не без труда. (...) Несмотря на все прибавки доходов и на убавки в расходах, 7 миллионов дефицита! Вынужден расформировать четыре уланских полка, два 1-й уланской и два 6-й легкой кавалерийской дивизии, соединив кирасирские и бывшую 2-ю уланскую в один корпус и причислив два уланских полка к 6-й легкой...»¹³⁹.

Таким образом, в ходе Восточной войны 1-й резервный кавалерийский корпус состоял из одной уланской и двух кирасирских дивизий, а 2-й резервный кавалерийский корпус – из двух драгунских.

В ходе реорганизации артиллерии пехотным корпусам придавались артиллерийские дивизии из четырех бригад, в которых имелись батареи, легкие и конные батареи. Номер артиллерийской бригады соответствовал номеру пехотной дивизии. Кавалерийские дивизии резервных кавалерийских корпусов комплектовали конноартиллерийскими бригадами¹⁴⁰.

Таким образом, к середине 1830-х годов сбалансированные и постоянные по своему составу пехотные (армейские) корпуса, сформированные из трех родов войск, стали основой военной организации. Численность каждого из шести пехотных корпусов доходила до 50.000 чел. Каждому корпусу, кроме того, полагалось иметь резервную пехотную дивизию соответствующего номера, которые состояли из 12 батальонов половинного штата. Корпус становился полностью автономным боевым соединением, возможности которого позволяли ему самостоятельно действовать на отдельном направлении. Наличие в составе корпуса резервных и запасных войск позволяло поддерживать штатную численность полков в условиях неизбежных боевых и санитарных потерь. Сами же резервные дивизии для прямого использования на полях сражений не предназначались, им ставились менее

¹³⁹ Зайончковский А.М. Восточная война 1853-1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. Т. 1. СПб., 1908. С. 474.

¹⁴⁰ ПСЗ II. Т. 8. Отд. 1. № 6676.

ответственные задачи по несению гарнизонной службы в городах и крепостях западных провинций империи.

Большая Действующая армия фельдмаршала Паскевича состояла из I-го, II-го, III-го и IV-го пехотных корпусов. Штаб армии располагался в Варшаве. Находившееся прежде в Киеве боевое управление I-й армии фельдмаршала Ф.В. Остен-Сакена в 1835 г. было расформировано.

Большая Действующая армия стала крупнейшим объединением полевых войск империи. Она играла ключевую роль в военной политике Николая I. На армию, бессменным главнокомандующим которой в 1831-1855 гг. был князь Паскевич, возлагался комплекс важнейших взаимосвязанных задач. Во-первых, на основе Действующей армии в случае начала серьезной войны в Европе предполагалось боевое развертывание русских военно-сухопутных сил. Во-вторых, Действующая армия напрямую отвечала за внутреннюю безопасность в Царстве Польском и несла на его территории гарнизонную службу. В-третьих, Действующая армия, получив подкрепления в виде пехотных и резервных кавалерийских корпусов второй линии, должна была стать главной ударной силой на театре войны.

Главный штаб армии был одновременно органом строевого, местного и полевого управления войсками существующим на постоянной основе в мирное время¹⁴¹, а входившие в его состав офицеры и генералы нередко занимали должности в администрации наместничества.

В Польше, Литве, Остзейском крае и на Волыни дислоцировалось, соответственно, по одному из четырех корпусов Действующей армии. Усилить армию Паскевича, помимо резервных и запасных войск, могли корпуса, в мирное время располагавшиеся в глубине страны: Гвардейский и Гренадерский – в районе С. Петербурга и Новгорода, VI-й пехотный – в центральной России в районе Москвы и Смоленска, три резервных кавалерийских корпуса – в районе военных поселений юга империи. Использование V-го пехотного корпуса для

¹⁴¹ Столетие Военного Министерства. Т. 1. Данилов Н.А. Исторический очерк развития военного управления в России. С. 242, 358.

войны в Европе считалось маловероятным, этот корпус отвечал за турецкое направление, располагаясь в Крыму и Бессарабии. В связи с резким обострением обстановки на Кавказе, в 1841-1846 гг. войска V-го корпуса под командованием генерала А.Н. Лидерса участвовали в войне против горцев¹⁴².

Гвардия и Гренадеры подчинялись отдельному главнокомандующему, которым в рассматриваемый период являлся младший брат императора великий князь Михаил Павлович. V-й и VI-й пехотные корпуса находились в ведении военного министра А.И. Чернышева. Резервная кавалерия подчинялась своему инспектору.

Гибкое сочетание централизации и децентрализации стало отличительной особенностью подхода к военному управлению при Николае I. Командование войсками на местах находилось в руках организационно независимых армейских штабов, что обеспечивало оперативность, существенную экономию финансовых средств и ускоряло принятие решений. Постепенное накопление кадра обученных резервистов давало в руки правительства гибкий инструмент приведения войск на военное положение без таких экстраординарных мероприятий как рекрутский набор.

Смертность в войсках значительно сократилась, хотя и продолжала оставаться сравнительно высокой. В год от болезней погибало примерно по 37 чел. из 1000 человек списочного состава. Численность умерших в русской армии в мирное время в два раза превышала число умерших в европейских армиях. Однако и среди гражданского населения России смертность от болезней была в среднем на четверть выше, чем в Европе¹⁴³.

Дезертирство также не являлось массовым явлением. В 1842 г. на 45.000 взятых в армию рекрут произошло 34 случая побегов. Незначительным оно было и среди солдат. В среднем значительно меньше 1%. В вольнонаемных

¹⁴² Гизетти А.Л. Хроника кавказских войск. Ч. 1. Тифлис, 1896. С.90, 94-97, 102.

¹⁴³ Наумова Ю.А. Ранение, болезнь и смерть: русская медицинская служба в Крымскую войну 1853-1856 гг. М., 2010. С. 77-78. См. также: Ильяшевич Л. Статистическое исследование смертности нашей армии // Военный Сборник. 1863. № 2. С. 364.

армиях Британской империи и США оно в те годы не падало ниже 5%, доходя иногда до 20-25%¹⁴⁴.

Структуры высшего военного управления – Военное министерство и Главный штаб – в 1830-е гг. также были реорганизованы. Ф. Кэган в своем монографическом исследовании подробно исследовал предпосылки данной реформы и процесс её осуществления под руководством графа А.И. Чернышева. В ходе преобразования центрального аппарата военного ведомства функции по строевому управлению войсками из упраздненного в мирное время Главного штаба были переданы в Военное министерство. Административно-хозяйственные функции оказались сосредоточены в коллегиальном Военном совете под председательством военного министра¹⁴⁵.

На протяжении 1830-х годов силами, как центрального аппарата Военного министерства, так и самого штаба Действующей армии готовился «Устав для управления армиями в мирное и военное время»¹⁴⁶. Он был принят в 1846 г. и заменил «Учреждение для управления Большой Действующей армии» 1812 г.

«Устав» устранял противоречия, обнаруженные в «Учреждении» в ходе Наполеоновских войн и кампаний 1826-1831 гг. Во-первых, он исключил саму возможность появления на одном театре войны двух главнокомандующих, наделенных равными полномочиями, что по опыту войны 1812 г. должно было провоцировать неизбежные конфликты в главной квартире армии. Во-вторых, с целью предотвращения злоупотреблений строго разграничивалась ответственность военных и гражданских властей в губерниях, объявленных на военном положении. В-третьих, новый нормативный акт четко регламентировал взаимоотношения главнокомандующего и монарха, в случае

¹⁴⁴ Кухарук А.В. Указ. соч. С. 81; Столетие Военного министерства. Т. 4. Ч. 2. Кн. 1. Отд. 2. Щепетильников В.В. Главный штаб. Исторический очерк комплектования войск в царствование императора Николая I. СПб., 1902 С.222-231.

¹⁴⁵ ПСЗ II. Т. 11. Отд. 1. № 9038. Учреждение Военного министерства 29 марта 1836 г. Kagan F.W. Op. cit. P. 164-171.

¹⁴⁶ ПСЗ II. Т. 21. Отд. 3. № 20670. Устав для управления армиями в мирное и военное время. 5 декабря 1846 г.

появления императора на театре войны, то есть был призван не допустить повторения того положения, в котором оказались фельдмаршал П.Х. Витгенштейн и штаб Дунайской армии в ходе кампании 1828 г.

Поскольку в соответствии с «Уставом» главнокомандующий наделялся над Действующей армией «властью Государя Императора», монарх получал право непосредственно распоряжаться войсками лишь после принятия на себя ответственности именным указом. При этом бывший главнокомандующий автоматически становился начальником штаба армии, а бывший начальник штаба, соответственно, генерал-квартирмейстером. До издания именного указа главнокомандующий сохранял все свои права, за исключением отдачи ему императорских почестей. Особое положение Главнокомандующего подтверждалось тем, что дипломатические представители России за границей были обязаны направлять ему копии своих донесений, посылаемых в Министерство Иностранных Дел¹⁴⁷.

В случае необходимости на базе Большой Действующей армии могло быть развернуто несколько отдельных армий, при этом их командующие оставались в подчинении главнокомандующего, а штабы функционировали на правах корпусных штабов.

В новом «Уставе» нашел отражение организационный опыт, накопленный русской армией в первой половине века. Именно на его основе в ходе Венгерского похода и Крымской войны осуществлялось управление сухопутными войсками империи.

Первая половина XIX столетия в армиях крупнейших европейских держав прошла под знаком возрастающей профессионализации штабной службы. Стремительный количественный рост сухопутных армий неизбежно повышал требования к уровню штабного управления войсками. Организация боевой работы больших войсковых масс на театре войны становилась невозможной без хорошо отлаженной интендантской и квартирмейстерской части.

¹⁴⁷ ПСЗ II. Т. 21. Отд. 3. № 20670. §. 174-175.

Высокие требования, предъявляемые в новых условиях офицерам службы генерального штаба, сделали необходимым создание специализированного учебного заведения, ответственного за их углубленную общеобразовательную и военно-теоретическую подготовку. Открытие в 1832 г. Военной Академии (будущей академии Генерального штаба) стало важным событием в русской военной истории¹⁴⁸. Академия создавалась по предложению и с участием Антуана-Анри Жомини – всемирно известного военного теоретика, перешедшего в 1813 г. на русскую службу.

Классической моделью высшего военного управления, при которой Генеральный штаб вырастает в независимый военно-политический институт – орган стратегического планирования, приобретающий огромную, порой, ведущую роль в формировании военной и внешней политики государства, считается прусско-германский Большой Генеральный штаб. Появление данной модели окажется возможным в результате войн второй половины XIX в., связанных с деятельностью Г. фон Мольтке Старшего. Синтез строевой практики, зрелой военной теории и высокой штабной культуры обеспечит прусско-германской военной машине профессиональное превосходство над каждой из её соперниц.

Однако в период, предшествовавший приходу Мольтке на должность начальника Большого Генерального штаба в 1858 г., потенциал прусской Военной Академии как военно-учебного заведения в значительной степени оставался нереализованным. Сам же прусский Генеральный штаб являлся в те годы, скорее, учебным бюро, нежели органом стратегического планирования и подготовки мобилизации¹⁴⁹.

В николаевской и особенно в пореформенной России наблюдались схожие по смыслу процессы, связанные с поиском Главным штабом места функции стратегического планирования в рамках высшего военного

¹⁴⁸ Глиноецкий Н.П. Исторический очерк Николаевской академии Генерального штаба СПб., 1882. *Он же*. История русского генерального штаба. Т. 2. 1826-1855. СПб., 1894. С. 77-138.

¹⁴⁹ Bucholz A. Moltke, Schlieffen and Prussian war planning. Oxford, 1993. P. 38.

управления¹⁵⁰, и, как следствие, с определением роли Военной Академии в системе профессиональной подготовки офицерского корпуса¹⁵¹.

За 25 лет было осуществлено полное перевооружение сухопутных войск. В начале царствования Николая I армия по-прежнему была вооружена различными вариантами гладкоствольного кремневого мушкета образца 1808 г., который в свою очередь являлся версией знаменитого французского Шарлевильского мушкета 1777 г. Разнотипность и разнокалиберность оружия отрицательно сказывалась на огневой производительности русской пехоты в годы Наполеоновских войн. На Бородинском поле встречались полки, использовавшие ружья до 20 различных типов и калибров. Проблема стандартизации и унификации стрелкового вооружения в первые годы николаевского царствования продолжала оставаться неразрешенной. В 1826-1828 гг. ствол ставшего для армии основным ружья образца 1808 г. с целью облегчения был несколько укорочен¹⁵². Окончательная стандартизация кремневых ружей была осуществлена лишь в 1839 г¹⁵³.

Однако вскоре была развернута массовая переделка кремневых ружей в ударные капсюльные, которые стали именоваться «образец 1844 г.»¹⁵⁴. Поскольку переделка кремневых ружей не удовлетворяла потребность армии в современном скорострельном гладкоствольном вооружении, уже в 1845 г. был начат выпуск нового капсюльного ружья. Русское ружье образца 1845 г. калибром 7.1 линии создавалось на основе французского¹⁵⁵, и было одним из самых удачных на фоне современных ему европейских капсюльных ружей. Оно полностью отвечало общепринятым в Европе того времени тактическим

¹⁵⁰ См.: *Айрапетов О.Р.* Забытая карьера русского Мольтке. Н.Н.Обручев (1830-1904). СПб., 1998.

¹⁵¹ См., например: *Ганин А.В.* Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917-1922 гг. Справочные материалы. М., 2009. С. 15-16.

¹⁵² *Федоров В.Г.* Вооружение русской армии за XIX столетие. СПб., 1911. С. 38-39.

¹⁵³ Там же. С. 52.

¹⁵⁴ Там же. С. 56.

¹⁵⁵ Там же. С. 57-58.

представлениям о применении линейной пехоты в маневренной войне, которые провозглашали приоритет скорострельности ружья над его дальностью¹⁵⁶.

Крупнейшие сражения Польской кампании 1831 г. подтвердили решающее тактическое значение сомкнутой батальонной колонны, проявившееся на полях сражений Наполеоновских войн. Достаточно низкие возможности стрелкового оружия того времени делали её малочувствительной к огневому воздействию противника. В ходе штурма варшавских укреплений русская пехота брала редуты в основном в штыки, хотя максимальный тактический эффект достигался при тесном взаимодействии сомкнутых колонн с передовой цепью застрельщиков¹⁵⁷.

Для действий в рассыпном строю в русской армии с 1834 г. стали создавать отдельные стрелковые батальоны корпусного подчинения. Номера их соответствовали номеру пехотного корпуса. Поначалу гладкоствольные ударные ружья поступали именно на их вооружение¹⁵⁸.

Однако с 1842 г. стрелковые батальоны и застрельщики в линейной пехоте стали получать нарезные штуцера. В 1840-е гг. основным стал 7-линейный Литтихский штуцер образца 1843 г. Его дополняли штуцера системы Гартунга и Эрнрота, соответственно, образцов 1848 и 1851 гг.¹⁵⁹.

Если говорить об общей численности войск, которые Россия по завершении боевого развертывания Действующей армии могла выставить в поле на первом этапе возможной войны на западе, то цифра, по меркам того времени, оказывалась внушительной – около 400.000 чел.

Так, например, зимой 1839 г. в обстановке военной тревоги, связанной с бельгийским кризисом, развернувшимся вокруг проблемы международного признания Бельгии и территориальных претензий со стороны Франции, на 25 февраля ведомость о состоянии действующих войск Гвардейского,

¹⁵⁶ War in the age of technology: Myriad faces of modern armed conflict. N.Y.,-L., 2001. P. 23-27. Свечин А.А. Эволюция военного искусства с древнейших времен до наших дней. Т. 2. М.-Л., 1928.С. 25.

¹⁵⁷ Окунев Н.А. Указ. соч. С. 118.

¹⁵⁸ Мещеряков Г.П. Русская военная мысль в XIX в. М., 1973. С. 124.

¹⁵⁹ Федоров В.Г. Эволюция стрелкового оружия. Т. 1. М., 1938. С. 37-45.

Гренадерского, I-го, II-го, III-го, IV-го пехотных, а также I-го и III-го резервных кавалерийских корпусов показывала: по штатам военного времени 390.831 чел. Из них налицо имелось – 303.346 чел. С учетом подготовленных пополнений в виде рекрут и бессрочноотпускных некомплект значительно сокращался и составлял всего 23.425 чел¹⁶⁰. В полевой артиллерии предполагалось развернуть около 800 орудий.

Тот факт, что Россия в мирное время содержала под ружьем более 800.000 чел., не был для Европы секретом, хотя и вызывал у неё определенные сомнения. К примеру, австрийцы по собственному опыту необоснованно предполагали в русских рядах значительный некомплект. В феврале 1828 г. посол в Вене Д.П. Татищев доносил в Петербург об оценках численности русских сухопутных сил, бытовавших среди австрийского генералитета. Тогда австрийцы насчитали в русской армии 838.981 чел. по спискам, но лишь 470.518 в строю¹⁶¹.

Для сравнения, по данным русской военной разведки, на сентябрь 1847 г. вся вообще французская армия, рассредоточенная по стране в виде 21 территориальной дивизии, за вычетом войск, командированных в Алжир, на сентябрь 1847 г. насчитывала 225.580 чел. и 46.016 лошадей¹⁶², на декабрь – 230.183 чел. и 46.722 лошади¹⁶³. В артиллерии имелось 1236 орудий, для которой, правда, остро не хватало лошадей. Ситуация с лошадьми в артиллерии и кавалерии была у французов настолько критической, что, по расчетам собиравшего во Франции военные сведения генерал-лейтенанта барона Н.В. Медема, они вряд ли были способны развернуть в поле более 222 орудий¹⁶⁴.

Спустя четыре года в мае 1851 г. численность французской армии в Европе и Алжире достигла 382.355 чел., из которых 288.433 чел. было в пехоте, 61.600 чел. в кавалерии, 32.300 чел. в артиллерии, инженерных и

¹⁶⁰ РГВИА. Ф. 38. Оп. 4. Д. 359. Лл. 171-190.

¹⁶¹ Там же. Оп. 5. Д. 1. Л. 84.

¹⁶² Там же. Д. 436. Лл. 42 об. – 43.

¹⁶³ Там же. Л. 54 об.

¹⁶⁴ Там же. Лл. 37 – 54 об.

вспомогательных войсках при 1336 орудиях¹⁶⁵. По другим данным во французских войсках в 1851 г. состояло 384.240 чел¹⁶⁶. Из них в Европе: 309.240 чел. пехоты и 69.278 чел. кавалерии. В Алжире – 75.000 чел. пехоты и 16.422 чел. кавалерии¹⁶⁷. То есть в середине 1840-х годов численность русской группировки, предполагавшейся Николаем I и Паскевичем для участия в войне на западе, была сравнима с общей численностью вообще всех сухопутных сил Франции.

Австрия – крупнейшая из германских держав, на рубеже 1820-1830-х гг. также значительно уступала 47-миллионной России в силах. При населении в 1831 г. в 33.630.381 чел. империя Габсбургов содержала в мирное время армию, насчитывавшую 272.204 чел. В случае войны, ее численность теоретически возрастала до 527.224 чел¹⁶⁸. Записка о военных силах Австрии, составленная из сведений архива 2-го отделения Департамента Генерального Штаба, определяла состав австрийской армии мирного времени на 1837 г. в 272.204 чел. Состав военного времени – 527.224 чел¹⁶⁹. На вооруженных силах Дунайской монархии сказывался хронический бюджетный дефицит, не позволявший содержать полки в требуемом по штатам комплекте. Накануне революции 1848 г. реальный состав её армии мирного времени насчитывал, по данным русской разведки, вместо 399.899 чел., всего лишь 231.410 чел. и 145 орудий¹⁷⁰. В случае войны австрийская армия опять же теоретически должна была развернуться, увеличившись в несколько раз, – до 628.124 чел. и примерно 1200 орудий¹⁷¹.

Наличие в рядах австрийской армии серьезного некомплекта и отсутствие обученных резервов, позволявших при мобилизации увеличить её численность более чем на одну треть, подтвердилось в ходе Австро-Итало-Французской

¹⁶⁵ Там же. Ф. 14014. Оп. 2. Д. 39. Лл. 159-159 об.

¹⁶⁶ Там же. Л. 128 об.

¹⁶⁷ Там же. Л. 135 об.

¹⁶⁸ Числительный состав войск стран Европы // Военный Журнал. 1835. № 1-3. С. 121-160.

¹⁶⁹ РГВИА. Ф. 428. Оп. 1. Д. 44. Л. 14.

¹⁷⁰ Там же. Ф. 14014. Оп. 2. Д. 20. Лл. 5 об.-6.

¹⁷¹ Там же.

войны 1859 г. Тогда по предвоенным расчетам к армии мирного времени, насчитывавшей 350.000 чел. должно было присоединиться около 300.000 чел. обученных бессрочноотпускных и резервистов. В реальности же из 375.000 чел., призванных в армию по мобилизации, примерно 255.000 чел. вообще не умели стрелять¹⁷².

Пруссия в 1831 г. была единственной страной в Европе, использовавшей систему всеобщей воинской повинности. По предварительным расчетам офицеров русского Генерального штаба, при населении в 12.993.826 чел. королевство содержало в мирное время под ружьем 121.916 чел., но после мобилизации пруссаки в принципе могли бы выставить 529.916 чел. с учетом ландштурма и ландвера обеих очередей¹⁷³. Накануне Мартовской революции 1848 г. прусская армия в действующих войсках мирного времени насчитывала 118.343 чел. и 324 орудия. В военное время с ландверами первой и второй очереди – 499.768 чел. и 864 орудия¹⁷⁴. Барон Н.В. Медем в марте 1848 г. сообщал в Департамент Генерального штаба Военного министерства похожие сведения. По его расчетам, постоянная армия королевства достигала 190.000 чел. и 57.000 лошадей, при мобилизации же (но без ландштурма) – 439.000 чел. и 95.000 лошадей¹⁷⁵.

Сухопутные войска Великобритании значительно уступали по силам первоклассным континентальным армиям, хотя их численность постепенно увеличивалась. В 1835 г. – 100.991 чел¹⁷⁶., в 1846 г. – 139.105 чел¹⁷⁷., в 1848-1849 гг. – 138.769 чел¹⁷⁸., в 1851 г. – 155.986 чел¹⁷⁹.

Вооруженные силы второстепенных европейских государств также принимались в расчет. Войска Германского союза, состояли из контингентов 34-х малых германских государств. Крупнейшими считались армии Баварии,

¹⁷² McElwee W. The art of war Waterloo to Mons. L., 1974. P. 50-52.

¹⁷³ Числительный состав войск стран Европы // Военный Журнал. 1835. № 1-3. С. 121-160.

¹⁷⁴ РГВИА. Ф 14014. Оп. 2. Д. 20. Лл. 5 об.-6.

¹⁷⁵ Там же. Ф. 432. Оп. 1. Д. 106. Лл. 4 об. – 6 об.

¹⁷⁶ Там же. Ф. 431. Оп. 1. Д. 16. Л. 52.

¹⁷⁷ Там же. Л. 53 об.

¹⁷⁸ Там же. Лл. 10 об. – 11.

¹⁷⁹ Там же. Л. 88.

Саксонии, Ганновера, Вюртемберга и Бадена. Объединенные силы германцев, за вычетом первоклассных армий Пруссии и Австрии, насчитывали по данным 1848 г. 126.651 чел., 26.991 лошадь и 234 орудия. В военное время их можно было пополнить до 189.978 чел., 40.435 лошадей и 351 орудия¹⁸⁰. По данным начала 1850-х гг. изменения произошли незначительные. В составе армии мирного времени числилось 155.549 чел., 16.300 лошадей и 440 орудий. По штатам военного времени, соответственно, 181.348 чел, 20.386 лошадей и 502 орудия¹⁸¹.

Армия Сардинского королевства на 1847 г. по данным русской военной разведки по штатам мирного времени должна была иметь 36.818 чел., 5970 лошадей и 56 полевых орудий. По штатам военного времени: 217.260 чел., 19.099 лошадей и 96 полевых орудий¹⁸². Однако впоследствии семикратное увеличение численности армии мирного времени при мобилизации на практике не подтвердилось. В ходе Австро-Итало-Французской войны 1859 г. Пьемонт смог выставить в поле лишь 87.000 чел., объединенных в пять пехотных дивизий и одну дивизию кавалерии¹⁸³. Армия Королевства Обеих Сицилий – второго крупного итальянского государства – по данным на 1852 г. без указания в донесении различий между составами мирного и военного времени насчитывала 91.487 чел¹⁸⁴.

В объединенном королевстве Швеции и Норвегии даже после окончания Наполеоновских войн ядро армии продолжали составлять поселенные войска, набираемые в соответствие с возникшей в результате реформ короля Карла XI (1655-1697) системой индельты¹⁸⁵. В середине XIX в. данная система комплектования постепенно начала дополняться конскрипцией. Число поселенных солдат практически не увеличивалось. В 1815 г. их насчитывалось 33.232 чел., по таблице 1826 г. – 33.481 чел., по сведениям, доставленным в

¹⁸⁰ Там же. Ф. 432. Оп. 1. Д. 112. Лл. 1 об. – 3 об.

¹⁸¹ Там же. Ф. 14014. Оп. 2. Д. 39. Лл. 156 об. – 158 об.

¹⁸² Там же. Ф. 38. Оп. 5. Д. 534. Лл. 25-34.

¹⁸³ McElwee W. Op. cit. P. 69.

¹⁸⁴ РГВИА. Ф. 437. Оп. 1. Д. 28. Л. 6.

¹⁸⁵ От швед. *indelningsverket*.

Петербург в 1835 г. – 32.814 чел¹⁸⁶. Конскриптов же по данным 1851 г. было уже 102.898 чел¹⁸⁷. Объединенные силы Швеции и Норвегии в начале 1850-х гг. составляли 131.586 чел¹⁸⁸.

Рассуждая о соотношении сил в Европе, необходимо принять в расчет то, что учет военно-политическим руководством России особенностей стратегического положения европейских держав вносил определенные коррективы в сухие данные о численности иностранных армий, сообщаемые разведкой.

Французская армия не располагала в мирное время не только корпусами, но даже дивизиями постоянного состава. Территориальные дивизии являлись в ней административными единицами. Самым большим тактическим соединением в мирное время оставался полк. В отличие от Пруссии, во французской армии практически отсутствовали обученные резервы¹⁸⁹. По данным русской военной разведки за 1847 г. число обученных солдат, уволенных в бессрочный отпуск, составляло примерно 60.000 чел. Ещё 80.000 чел., формально числившихся в запасе, являлись излишками конскрипции предыдущих лет и оставались совершенно необученными¹⁹⁰. Военная система Июльской монархии была способна на сравнительно быструю организацию крупных заморских экспедиций, однако, её эффективность в условиях большой европейской война вызывала обоснованные сомнения.

Армия Австрийской империи была единственной, где, как и в России, в мирное время практиковалось содержание армейских боевых управлений на постоянной основе. Если в европейской части России после 1835 г. крупнейшими структурами такого рода оставались Большая Действующая армия и объединенное командование Гвардии и Гренадер, то в Австрии

¹⁸⁶ РГВИА. Ф. 442. Оп. 1. Д. 44. Л. 4.

¹⁸⁷ Там же. Д. 61. Л. 1-2 об.

¹⁸⁸ Там же. Д. 66. Л. 1-2.

¹⁸⁹ McElwee W. Op. cit. P. 35. См. также: В.Я. Указ соч. С. 63.

¹⁹⁰ РГВИА. Ф. 38. Оп. 5. Д. 436. Лл. 44-45.

существовала необходимость в содержании пяти армейских управлений практически по всему периметру достаточно протяженных границ империи¹⁹¹.

I-я армия в коронных землях Австрии, а также Штирии, Богемии, Моравии и Северном Тироле была развернута на потенциальном театре военных действий с Пруссией. В её состав входили I-й, II-й, III-й и IV-й армейские корпуса.

II-я армия в 1830-1840-е гг. была самой мощной по своему составу. Она дислоцировалась в Ломбардо-Венецианском королевстве, на потенциальном театре военных действий с Пьемонтом и Францией. В состав II-й армии входили V-й, VI-й, VII-й, VIII-й и IX-й армейские корпуса. В 1831-1858 гг. её бессменным главнокомандующим был выдающийся австрийский полководец фельдмаршал Й. Радецкий.

На восточном стратегическом направлении, то есть на границах с Россией, находилось еще две армии. III-я армия отвечала за оборону и поддержание порядка в Венгрии и Трансильвании. Армию образовывали X-й, XI-й, XII-й и XIII-й корпуса. IV-я армия в Галиции и на Буковине состояла из одного единственного XIV-го армейского корпуса, что говорит о том, насколько маловероятной считала Вена угрозу войны с Россией.

Войска австрийской «военной границы», развернутые в Хорватии, Славонии, Банате и Далмации, не имели корпусной организации.

Вооруженные силы империи Габсбургов представляли для России серьезную потенциальную угрозу, однако, стратегическое положение Австрии осложнялось наличием общей границы с Пруссией, Пьемонтом и Францией. Австрийскому правительству было бы весьма сложно сосредоточить большую часть армии на каком-то одном театре, и даже при самых благоприятных внешнеполитических обстоятельствах оно не могло оставить без войск свои беспокойные провинции: Венгрию и Северную Италию.

Пруссия занимала в Европе центральное положение. На западе она граничила с Францией, на юге – с Австрией, на востоке – с Россией.

¹⁹¹ *McElwee W. Op. cit. P. 47-48, 50.*

Исторический опыт показывал, что, несмотря на тесный союз с Петербургом, потенциальная военная угроза могла ожидать Пруссию вдоль всех её сухопутных границ. В 1840-е годы королевская армия была разделена на Гвардейский и 8 армейских корпусов со штабами, соответственно, в Кёнигсберге, Штеттине, Берлине, Магдебурге, Познани, Бреслау, Мюнстере и Кобленце, которые и в мирное время функционировали на постоянной основе. Каждый корпус насчитывал две дивизии из одной пехотной кадровой, одной пехотной ландверной и одной кавалерийской бригады. В корпусе также состояли по штату: артиллерийский полк, пионерный (то есть саперный) дивизион, егерский батальон, а также резервные полки и батальоны вместе с нестроевыми нижними чинами.

Эффективность прусской армии снижалась низкими боевыми качествами ландштурма и ландвера¹⁹². Генерал Н.В. Медем незадолго до Мартовской революции 1848 г. довольно сдержанно оценивал наступательные возможности Пруссии. Кроме того, даже в военное время часть регулярных войск пришлось бы оставить внутри королевства. На основании данных фактов Медем приходил к выводу, что, во-первых, «Пруссия не в состоянии употребить из числа постоянной своей армии для продолжительных наступательных действий вне своих границ более 120.000, и при величайшем усилии – 140.000 войска, и что, следовательно, она слаба для наступательной войны». Во-вторых, «Пруссия не в состоянии соединить более 200.000 чел.» на одном стратегическом направлении. И, в-третьих, «главная сила настоящей военной организации Пруссии заключается в возможности сильной постоянной обороны государства, потому что при отступлении, армия может быть с каждым шагом усиливаема ландвером и даже ландштурмом тех провинций, в которые она отступает»¹⁹³.

Франция после 1815 г. уже не имела демографических ресурсов, чтобы оставаться крупнейшей военной державой Европы, каковой она являлась на

¹⁹² Ibid. P. 34.

¹⁹³ РГВИА. Ф.432. Оп. 1. Д. 106. Лл. 4 об.–6 об.

протяжении XVII-XVIII веков. Примерно на полстолетия её место заняла Россия, которой, несмотря на серьезную военную репутацию, ранее не удавалось достичь этого положения на протяжении всего XVIII в. Затем, во второй половине XIX в. лидерство в военной области прочно перейдет к объединенной Германской империи.

Вооруженные силы Австрии и Пруссии имели ряд преимуществ на фоне испытывавшей организационные проблемы французской армии. Однако неблагоприятные стратегические факторы, связанные с территориальной разобщенностью возможных театров войны, пусть и в меньшей степени, чем в России, оказывали влияние и на германские державы.

Таким образом, в результате преобразований 1830-1840-х гг. боевые возможности русской армии существенно возросли. Унифицированные по своему составу корпуса стали основой военной организации империи. Армия Николая I, по признанию авторитетного европейского наблюдателя, превратилась в первую по своей мощи боевую силу на европейском континенте¹⁹⁴.

¹⁹⁴ *Haxthausen A. von Die Kriegsmacht Rußlands in ihrer historischen, statistischen, ethnographischen und politischen Beziehung. Berlin, 1852. S. 9-10, 24, 36-41.*

Глава 2. Проблема сохранения баланса сил в Европе в 1830-1840-е гг.

После окончания Русско-польской войны 1831 г. на западных границах России наступил период длительного мира, который, однако, имел относительный характер, поскольку обстановка в Европе сопровождалась частыми международными кризисами. Уже в 1832-1833 гг. очередное обострение Восточного вопроса потребовало некоторых мобилизационных приготовлений, хотя и не сопровождалось общим развертыванием Действующей армии. II-й пехотный корпус был передвинут к прусской границе, уступом на юг за ним расположился III-й корпус¹⁹⁵.

Летом 1833 г. Россия подписала с Османской империей Ункяр-Искелесийский договор, который закрыл Черное море для иностранных флотов, обеспечив, таким образом, безопасность южного стратегического направления. Осенью 1833 г. в результате переговоров в Мюнхенгрее и Берлине был восстановлен союз трех консервативных континентальных монархий России, Австрии и Пруссии, направленный на сохранение политического status quo в Европе и недопущение реваншистских устремлений со стороны Франции.

В 1830-х гг. отношения России с Австрией не отличались такой теплотой, как с Пруссией. Король Фридрих-Вильгельм III был тестем Николая I, вступивший на престол в 1840 г. Фридрих-Вильгельм IV приходился русскому императору шурином. Пруссия по Рейну непосредственно граничила с Францией и рассчитывала на русскую военную помощь в случае угрозы со стороны своего беспокойного западного соседа. Сотрудничество обеих армий имело исключительно тесный характер. Например, будущий военный министр Пруссии генерал И. фон Раух «совмещал инспектирование русских крепостей с аналогичной деятельностью в Пруссии»¹⁹⁶. В 1835 г. у города Калиш в

¹⁹⁵ Кухарук А.В. Действующая армия в военных преобразованиях правительства Николая I. Диссертация на соискание уч. ст. к. и. н. М., 1999. С. 132.

¹⁹⁶ Гёрлиц В. Германский Генеральный штаб. История и структура. 1657-1945. М., 2005. С. 57.

присутствии Николая I и Фридриха-Вильгельма III состоялись совместные военные маневры.

Самые секретные сведения, включая военные планы, решением короля доверительно сообщались Николаю I. В свою очередь, русская армия оговаривала не просто сроки, но точные маршруты и численность выдвигаемых на соединение с союзниками подкреплений. В личных совещаниях с прусским генералитетом, касавшихся маршрутов выдвижения русских корпусов на Одер и Рейн, в 1830 г. участвовал фельдмаршал И.И. Дибич – бывший начальник императорского Главного штаба, а в 1832 г. с генералом К.Ф. фон Кнезебеком встречался генерал-адъютант А.И. Нейдгарт – генерал-квартирмейстер Действующей армии¹⁹⁷.

По результатам своей поездки в Берлин в 1830 г. Дибич представил Николаю секретную записку о маршруте выдвижения русских войск в Пруссию. Пунктом соединения колонн был назначен город Кроссен. К письму прилагались маршруты выдвижения войск до Одера и далее – до Рейна¹⁹⁸.

Спустя два года, Нейдгарт обсуждал с Кнезебеком вопрос сосредоточения у Калиша 200-тысячной русской армии для содействия пруссакам и австрийцам, в случае разрыва с Францией. Войска должны были следовать к Одеру через Торн¹⁹⁹. Однако, в отличие от записки Дибича, донесение Нейдгарта не содержало точных маршрутов выдвижения русских корпусов на запад. В поход на территорию Пруссии через Царство Польское предполагалось отправить Гвардейский и I-й пехотный корпус, однако составление детальных планов решено было отложить до возникновения необходимости прямого использования русских войск в Германии²⁰⁰.

Создание сети крепостей и строительство тыловой инфраструктуры на территории Царства Польского, наряду с усилением боевого состава

¹⁹⁷ История внешней политики России. Первая половина XIX в. М., 1999. С. 298.

¹⁹⁸ РГВИА. Ф. 38. Оп. 4. Д. 360. Л. 1, 3.

¹⁹⁹ Там же. Д. 359. Лл. 22 об., 28 – 28 об.

²⁰⁰ Там же. Д. 360. Л. 3 - 4.

Действующей армии играло решающую роль в укреплении стратегического положения России на западной границе.

Театр войны в Царстве Польском представлял собой обширную равнину, сильно пересеченную реками, болотами и лесами. Висла и ее притоки делили его на несколько изолированных секторов. Функции русских крепостей в Польше были разнообразны. Они служили одновременно опорными пунктами для войск, расквартированных в крае, предмостными укреплениями и опорными пунктами на коммуникационных линиях.

В первом эшелоне находились крепости Новогеоргиевск, Ивангород и Варшавская Александровская цитадель. В русской фортификации середины XIX в. было принято разделение крепостей на 1-й, 2-й и 3-й классы, отличавшиеся друг от друга по степени своих оборонительных возможностей, а именно: мощностью и протяженностью верков, численностью гарнизона и артиллерии. Характерно, что русская военная мысль николаевского времени признавала возможность несоответствия между величиной крепости и её стратегической важностью²⁰¹.

Первоклассный Новогеоргиевск (до 1834 г. – Модлин) был возведен в 1832–1841 гг. у слияния Вислы и Буга. К середине 1840-х гг. он заслуженно считался одной из сильнейших крепостей Европы²⁰². Крепость не только обеспечивала переправы через Вислу и Буг, но и являлась основой всего операционного базиса русской армии в направлении на Восточную Пруссию и Померанию. Новогеоргиевск стал главной твердыней того треугольника, который Наполеон считал ключом к Польше, поскольку, по мнению Корсиканца, страной владел тот, кто контролировал Варшаву, Модлин и Сероцк, а, следовательно, и основные речные переправы через Вислу, Буг и Нарев²⁰³.

Относительно небольшая Александровская цитадель, строившаяся с 1832 г., с одной стороны, могла служить укрытием для русского гарнизона в случае очередного мятежа в польской столице, а с другой стороны, прикрывала

²⁰¹ См.: например: Военный энциклопедический лексикон. Т. 8. СПб., 1855. С. 532.

²⁰² Яковлев В.В. История крепостей. М., 2000. С. 145–146.

²⁰³ Пузыревский А.К. Польско-русская война 1831 г. Т. 1. СПб., 1890. С. 50.

важную переправу через Вислу. Названная в честь Паскевича, крепость 2-го класса Ивангород (нынешний Демблин) сооружалась, начиная с 1837 г., при слиянии рек Вислы и Вепржа. Она прикрывала австрийское направление, обеспечивала переправы на Висле и служила базой для развертывания русских сил в южных воеводствах Польши²⁰⁴.

Следующий эшелон крепостей включал Динабург, Брест-Литовск и Замостье. Динабург был крепостью 2-го класса и, в первую очередь, играл роль укрепленной переправы на Западной Двине, а также прикрывал шоссе, идущее из Варшавы на Петербург. Возведение первоклассного Брест-Литовска началось в 1832 г. одновременно с Новогеоргиевском и Александровской цитаделью. Крепость строилась при слиянии рек Буг и Мухавец и обеспечивала безопасность сухопутного пути вглубь России к северу от Полесья. Второклассное Замостье на правом берегу Вислы в Люблинском воеводстве прикрывало со стороны Австрии стратегическое шоссе Варшава–Брест–Киев, связывавшее Царство Польское и Волынь и проходившее через опасное дефиле вдоль Припятских болот.

Таким образом, правый фланг русского крепостного района обеспечивали Новогеоргиевск и Динабург, левый – Ивангород и Замостье, в центре располагались Александровская цитадель и Брест-Литовск. В третьем эшелоне, служившим тылом для выдвинутой на запад передовой стратегической позиции, соответственно, к северу и югу от практически непроходимого для регулярных войск Полесья, находились крепости Бобруйск и Киев.

Коммуникации на западном стратегическом направлении также сходились к Польскому выступу. На Варшаву с востока вели четыре основных маршрута (шоссе из Ковно, Белостока, Брест-Литовска и Люблина). А из центрального района Варшава–Новогеоргиевск расходились дороги на Краков и Ивангород (на юг), на Калиш, Познань и Торн (на запад), на Млаву и Кёнигсберг (на север).

²⁰⁴ Яковлев В.В. Указ. соч. С. 147.

Часть этих шоссе появилась еще до войны 1830–1831 гг.²⁰⁵. Однако основные работы по созданию дорожной сети между крепостями Динабург, Новогеоргиевск, Ивангород, Замостье, Брест-Литовск и Варшавской цитаделью были проведены в 1832–1839 гг. под руководством генерал-майора Х.Х. Христиани²⁰⁶. Восемь важнейших дорог общей протяженностью в 2000 верст строились за счет средств польского банка, а также шарварковой повинности местных жителей, предполагавшей использование крестьян на работах по ремонту дорог, плотин и мостов.

19 января 1836 г. от министра финансов графа Е.Ф. Канкрин императору Николаю I поступила особо секретная 60-страничная записка, имевшая название: «Об оборонительном положении западной границы России по стратегическим видам». Составлению доклада предшествовал личный разговор императора с министром финансов, после чего последний получил разрешение на изложение своих мыслей в письменном виде²⁰⁷.

Доклад Канкрин представляет особенный интерес в том числе и по той причине, что роль Егора Францевича как военного деятеля не получила широкого освещения в отечественной литературе²⁰⁸. Хотя в годы войны с Наполеоном именно успешная служба будущего министра финансов в качестве генерал-интенданта русской армии обеспечила стремительный взлет его карьеры. В годы николаевского царствования Канкрин вошел в узкий круг ближайших доверенных лиц и советников императора.

Вследствие традиционной ограниченности финансовых ресурсов России военное планирование было неразрывно связано с ясным определением места, значения и роли крепостей в русской стратегии. Постепенно в ближайшем

²⁰⁵ Пузыревский А.К. Указ соч. Т. 1. С. 46. См. также: Политковский В.Г. Походные и путевые записки, веденные во время польской кампании в 1831 г. СПб., 1832. С. 17–18.

²⁰⁶ Щербатов А.П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность. Т. 5. СПб., 1896. С. 203–208, 301. См. также: Кухарук А.В. Указ. соч. С. 136–137.

²⁰⁷ РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 3. Д. 1. Л. 1.

²⁰⁸ Божерянов И.Н. Граф Егор Францевич Канкрин, его жизнь, литературные труды и двадцатилетняя деятельность управления Министерством финансов. СПб., 1897; Лебедев В.А. Граф Егор Францевич Канкрин: Очерк жизни и деятельности. СПб., 1896; Сементковский Р.И. Е.Ф. Канкрин. Его жизнь и государственная деятельность. СПб., 1893; Шипов А.П. Очерк жизни и государственной деятельности графа Канкрин. СПб., 1864.

окружении императора Николая I на данный вопрос сформировались две основные точки зрения.

Сторонники первой исходили из перспективы маневренной войны в Европе, и потому считали создание мощной и боеспособной армейской группировки наиболее гибким, политически целесообразным и наименее затратным решением. В случае наступательной войны, боевое управление Большой Действующей армии должно было в максимально сжатые сроки обеспечить мобилизационное развертывание русских корпусов и выдвижение войск на запад с целью последующего соединения с германскими союзниками. В случае оборонительной войны, быстрая мобилизация Действующей армии и концентрация её сил на западной границе позволяла сокрушить противника в полевом сражении и не допустить его прорыва в центральные районы России.

В обоих случаях немногочисленные крепости должны были сыграть вспомогательную стратегическую роль. Они были призваны служить опорными пунктами на коммуникационных линиях, быть укрепленными складами и исходными базами, как для наступательных, так и для оборонительных операций.

Число их должно было быть строго ограничено, строить их сторонники данной концепции предполагали лишь на наиболее важных стратегических направлениях.

Другая точка зрения высказывалась всемирно известным военным теоретиком и историком А.-А. Жомини²⁰⁹, который рекомендовал придерживаться русской версии системы выдающегося французского инженера-фортификатора С.П. де Вобана, то есть ратовал за создание мощного и хорошо продуманного крепостного района, обеспечивавшего западную границу от внешнего вторжения. Эта идея не нашла поддержки в высших военно-политических кругах России.

В 1843 г. в ходе секретного совещания, участие в котором приняли император, Паскевич, военный министр князь А.И. Чернышев, генерал-

²⁰⁹ РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 3. Д. 1. Л. 36-58 об.

адъютант А.-А. Жомини и Наследник престола великий князь Александр Николаевич, проект выдающегося швейцарского теоретика был отвергнут. Из текста записки Канкрин, представленной Николаю I семью годами ранее, очевидно следует, что министр финансов полностью поддержал бы такое решение.

Записка министра финансов затрагивала, в первую очередь, теорию и практику крепостного строительства. На пороге великих реформ, оглядываясь на николаевское время, Д.А. Милютин, военный министр Александра II, в своем программном докладе от 15 января 1862 г. убеждал императора в том, что долговременные фортификационные сооружения, стоившие России десятки миллионов рублей, на западной границе возводились фактически без какого-либо четкого плана. Что строительство это имело под собой лишь «живое впечатление 1830 г.»²¹⁰. Таким образом, ставилась под сомнение сама возможность увидеть преемственность между военно-стратегическими проблемами пореформенной эпохи и николаевским тридцатилетием. К сожалению, в отечественной историографии развернувшаяся в 1830-1840-е годы широкая полемика по данному вопросу практически не изучалась.

Канкрин представил последовательный очерк всех крупных русских крепостей на западе, при этом он специально подчеркивал, что не стал описывать крепости на турецкой границе, на Кавказе и в Финляндии. Опустил он также соображения, касавшиеся обороны на Белом, Балтийском и Черном морях.

Оценка Польши и Западного края как потенциального театра военных действий привела графа Канкрин к тому выводу, что «собственно для защиты не нужно нам крепостей». Министр полагал, что крепости на западе «могут быть полезны только для подкрепления операций или по видам внутреннего спокойствия»²¹¹.

²¹⁰ Цит. по. *Зайончковский П.А.* Военные реформы 1860-1870 годов в России. М., 1952. С. 61.

²¹¹ РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 3. Д. 1. Л. 26.

В основе этого мнения, безусловно, лежали соображения финансового характера. 1834-1835 гг. прошли в жарких спорах министра с Паскевичем и императором Николаем относительно сокращения бюджета армии в Польше. Николай поддержал Паскевича, доказывавшего невозможность этого шага. Не сумев урезать расходы на содержание сухопутных войск, Канкрин попытался изыскать возможность экономии за счет сокращения крепостного строительства. Отчасти игнорируя политические и военно-стратегические обстоятельства в угоду своим ведомственным интересам, министр финансов заявлял, что «строить против поляков еще крепости это уже не соответственно действительным потребностям»²¹².

Спустя год, когда страсти несколько улеглись, автор записки стремился обосновать свое мнение более обстоятельно, умело сочетая финансово-экономические и военно-политические доводы.

Возведение долговременных фортификационных сооружений являлось наиболее затратным элементом военной инфраструктуры на западе. Граф Канкрин жаловался, что для покрытия военного бюджета он постоянно был вынужден прибегать к экстраординарным средствам. С 1827 по 1835 год сумма расходов по нему возросла более чем на 50 млн. руб. Настойчивое желание министра финансов перенести расходы по содержанию Большой Действующей армии на баланс Царства Польского вызвали решительное противодействие князя Варшавского. Разоренная войной Польша при всем желании победителей была не в состоянии содержать расквартированные в ней русские войска. В записке от 8 марта 1834 г. Паскевич доказывал абсолютную невозможность содержать Действующую армию за счет одних лишь доходов Царства²¹³.

Канкрин с трудом соглашался с этими доводами, настаивая на необходимости перевести на бюджет Царства Польского наибольшую сумму расходов по содержанию расположенных там войск. Не дали положительных результатов и другие меры Канкрин по урезанию смет министерств и главных

²¹² Щербатов А.П. Указ. соч. Т. 5. СПб., 1896. С. 130-131.

²¹³ Он же. Т. 5. Приложения. СПб., 1896. С. 277-283.

управлений, несмотря на то, что эти предложения были поддержаны в Государственном Совете²¹⁴.

Не могли найти отклика у Николая I и пожелания министра относительно совершенного прекращения войны на Кавказе либо немедленного усмирения восставших горцев, высказанные им в 1839-1840 и накануне отставки в мае 1844 года²¹⁵.

По тем же причинам, связанным с невозможностью преодолеть дефицит бюджета империи без внешних заимствований, противился министр финансов расширению крепостного строительства на западе в первой половине 1830-х гг.

Таким образом, победа взглядов Канкрин, Паскевича и Чернышева была вполне объяснима. Строительство и содержание предложенного Жomini крепостного района, состоявшего по его замыслу из 14-16 расположенных в шахматном порядке крепостей, легло бы на русские финансы непосильным бременем. Необходимость выделять большое количество крепостных гарнизонов ослабляла Действующую армию как минимум на 60.000 чел., то есть практически на четверть её боевого состава²¹⁶. Но снижение возможностей русской армии по ведению полевой войны было недопустимо, вследствие обязательств России перед её германскими союзниками и необходимости гибко реагировать на изменение внешнеполитической обстановки в Европе.

В докладе от 22 апреля 1843 г. военный министр князь А.И. Чернышев призывал сосредоточиться на строительстве рокадных, то есть проложенных параллельно границе, дорог через Полесье, обеспечивавших локтевую связь между Украиной и Литвой. Из предложенных Жomini 14-16 крепостей, Чернышев признавал действительно необходимыми лишь четыре: Минск, Пинск, Острог и Житомир. При этом крепости в Гродно и Брацлаве, которые были бы также расположены к северу и югу от Полесья на предполагаемых выходах из болотных дефиле, обозначались Чернышевым как желательные, но не требовавшие незамедлительного строительства. Таким образом, речь шла не

²¹⁴ Он же. Т. 5. СПб., 1896. С. 132-133. См. также: Божерянов И.Н. Указ. соч. С.170-171.

²¹⁵ Божерянов И.Н. Указ. соч. С. 222, 238.

²¹⁶ РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 3. Д. 1. Л. 59-64 об.

о крепостном районе, а лишь об опорных пунктах на предполагаемых коммуникационных линиях через Припятские болота²¹⁷.

Тогда же, в апреле 1843 г., император Николай подвел своеобразный итог совещанию, согласившись с мнением военного министра практически по всем пунктам. Выдвинутую на запад передовую стратегическую позицию в Царстве Польском, опиравшуюся к тому времени на крепости Новогеоргиевск, Варшавскую Александровскую цитадель, Ивангород, Замостье и Брест-Литовск, Николай I предложил дополнить несколькими опорными пунктами и стратегическими шоссе в тылу по обеим сторонам Полесья²¹⁸.

Во второй четверти XIX в. стратегические проблемы России имели неизбежную преемственность с более ранней эпохой, и опыт Наполеоновских войн мог убедительно это доказать. В 1805-1807 гг. военные неудачи России во многом стали следствием объективного стечения обстоятельств лишь отчасти дополнявшихся таким субъективным фактором, как полководческий гений французского императора.

В ходе кампании 1805 г. Россия и Австрия выступили против Франции, не заручившись поддержкой Пруссии. Квартирные районы русской армии находились далеко на востоке, следовательно, ей потребовалось несколько месяцев, чтобы прибыть на театр войны. К тому времени, когда русские войска сосредоточились в Богемии, австрийцы под Ульмом уже потерпели сокрушительное поражение, что во многом предопределяло общую неудачу всей кампании. Катастрофические итоги аустерлицкой операции, в которой русские действовали лишь при ограниченной помощи остатков австрийской армии, увеличили масштабы первоначального поражения.

В 1806-1807 гг. ситуация практически зеркальным образом повторилась. Потерпевшая поражение Австрия не могла поддержать Пруссию и Россию. Снова, как и в прошлом году, возникла проблема запоздалого соединения русских войск с союзниками вследствие удаленности исходных районов их

²¹⁷ Там же. Л. 63-64 об.

²¹⁸ Зайончковский А.М. Восточная война 1853-1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. Т. 1. Приложение. СПб., 1908. С. 561-564.

квартирования. Соображения престижа не позволяли прусскому командованию без боя отступить на восток для соединения с армией Александра I. Через неделю после начала наполеоновского вторжения, 14 октября 1806 г., прусская армия была наголову разбита в двойном сражении у Йены и Ауэрштедта к западу от рубежа реки Эльбы, тогда как русские находились еще за Вислой, в Литве и Белоруссии. На втором этапе кампании вплоть до поражения под Фридландом в июне 1807 г. русская армия противостояла Наполеону, полагаясь лишь на собственные силы, поскольку от довоенной 200-тысячной прусской армии уцелел и сохранил боеспособность лишь небольшой корпус генерала А.В. фон Лестока.

Опыт двух неудачных кампаний подсказывал, что успешная борьба с наполеоновским господством в Европе требовала предварительного исполнения двух условий. Во-первых, три северных монархии должны были выступать единым фронтом. Во-вторых, к началу кампании русским войскам уже следовало находиться на театре военных действий.

Когда, спустя шесть лет, эти условия были выполнены, даже полководческий гений не позволил Наполеону избежать поражения. С декабря 1812 по апрель 1813, пользуясь тем, что гибель Великой армии вынудила Наполеона воссоздавать её практически с нуля, Россия и присоединившаяся к ней Пруссия получили значительный выигрыш времени. Союзные войска успели занять Германию вплоть до рубежа реки Эльбы, и блокировать разрозненные французские гарнизоны у себя в тылу. В августе 1813 г. на стороне союзников выступила Австрия. Несмотря на переменчивость военного счастья и частые тактические успехи Наполеона, совокупное выступление против него армий трех континентальных держав позволило им в конечном итоге одержать победу под Лейпцигом. К концу 1813 г. с французской гегемонией в Германии было покончено.

На протяжении всего царствования Николая I высшей государственной политикой России, а также её вооруженными силами, руководило поколение

ветеранов Наполеоновских войн, для которого драматический опыт поражений и побед русской армии являлся личным и потому крайне важным.

Неудивительно, что на рубеже 1830-1840-х гг. в рамках союза с Австрией и Пруссией перед Николаем I возникла традиционная задача сокращения сроков развертывания русских войск в Европе. Однако в отличие от ситуации начала века, наличие передовой стратегической позиции в Царстве Польском серьезно укрепляло положение России. Благодаря выдвинутому на запад операционному базису и сокращению сроков мобилизационного развертывания Действующая армия под командованием князя Варшавского могла поддержать прусских союзников до того, как их положение станет угрожающим.

Зимой 1839 г. из-за кризиса вокруг Бельгии Франция вновь стала рассматриваться как вероятный военный противник. Николай I решительно выступил против нарушения гарантированного международными договорами суверенитета Бельгии.

Оценивая возможность мобилизации Действующей армии, Паскевич пришел к выводу, что в случае европейской войны в неё должны войти примерно 175 батальонов, 400 эскадронов и 800 орудий. С прибавлением к этим частям вспомогательных войск, доведением полков до штатов военного времени и увеличением числа казачьих полков до 20 численность русской полевой армии на западном направлении должна была возрасти до 210-215.000 чел.

По мнению Николая I её примерный состав должен был включать Гвардейский, Гренадерский, I-й, II-й и III-й пехотные корпуса, а также II-й и III-й резервные кавалерийские корпуса²¹⁹. Списочный состав данных сил доходил бы до 299.210 чел. При этом налицо имелось 276.050 чел²²⁰.

Чтобы ускорить время перехода войск через границы, Паскевич предложил выдвинуть войска в пределах России на запад. При этом движение

²¹⁹ РГВИА. Ф. 38. Оп. 4. Д. 304. Л. 2 об.

²²⁰ Там же. Лл. 17-21.

частей не должно было отличаться от ежегодного перемещения войск для занятий и работ²²¹.

После уточнения расчетов князь Варшавский был готов использовать для похода 223 батальона, 394 эскадрона и 648 орудий – общей численностью 257.633 строевых нижних чинов. Для пополнения войск до штатов военного времени призывалось 12.815 бессрочноотпускных²²², приписанных непосредственно к Действующей армии. Этим строевой состав увеличивался до 270.228 чел. Регулярные войска усиливались 22 казачьими полками²²³. За спиной Действующей готовилась примерно 200-тысячная Резервная армия. Ее составляли IV-й, V-й и VI-й пехотные корпуса, резервная кавалерия и запасные войска. Эта армия должна была занять квартиры Действующей армии после ее ухода на запад. В случае крайней необходимости Действующая армия могла быть усилена IV-м пехотным корпусом. Несмотря на сравнительно высокую готовность, войска, находясь в своих квартирных районах, не могли перейти границу раньше, чем через 19 недель после получения приказа. Если приказ был бы отдан в начале марта, то прусскую границу армия могла перейти в начале августа. Николай запрещал дробление войск на марше, чтобы исключить даже временное подчинение русских войск иностранным начальникам²²⁴.

В сентябре 1840 г. фельдмаршал Паскевич отправился в Берлин для личных переговоров с недавно вступившим на престол королем Фридрихом-Вильгельмом IV. Поводом для встречи послужил постепенно обострявшийся международный кризис, связанный с англо-французским соперничеством в Египте и обозначившейся угрозой французского реваншизма в Европе. Поскольку Австрия после смерти в 1835 г. императора Франца I и перехода реальной власти в руки регентского совета вступила в полосу относительной

²²¹ Кухарук А.В. Указ. соч. С. 150-151.

²²² РГВИА. Ф. 38. Оп. 4. Д. 304. Л. 25.

²²³ Там же. Л. 27.

²²⁴ Кухарук А.В. Указ. соч. С. 151-153.

внутриполитической нестабильности, в Петербурге постепенно нарастали сомнения в её союзоспособности.

Положение, при котором Россия и Пруссия в случае войны оказались бы вынужденными действовать против Франции без поддержки Вены, вызывало неприятные ассоциации с 1806 годом и начальным периодом кампании 1813 г., даже несмотря на то, что великий Корсиканец давно лежал в могиле.

В те дни Паскевич писал Николаю, пересказывая ему содержание собственной беседы с королем: «(...) Вашему Величеству, – сказал фельдмаршал королю, – надобно резерв, но нужно, чтобы он был близко к Вам. Всю армию, мною командуемую, поставить на военную ногу, когда еще неизвестно состоится ли война, дорого. (...) Неизвестность насчет австрийцев, которые до сих пор ничего не предпринимают, их теперешнее странное правление (...) можно ли отдать одну Пруссию на первый натиск французов? Я боюсь Йенского сражения. Я знаю, что великого человека нету уже на челе французов; но многолюдством может быть заменен талант, а линия прусская очень растянута будет. В таком положении 80-тысячный резерв, который форсированным маршем может быть скоро около Лейпцига, не только не лишний, но может быть спасением и с другими прусскими корпусами действовать»²²⁵.

В условиях, когда Австрия явно не спешила с военными приготовлениями, Паскевич 24 сентября 1840 г. предложил передвинуть русские корпуса на запад, чтобы поддержать Пруссию, в случае угрозы её Рейнским провинциям со стороны Франции. Фельдмаршал предложил перевести на военное положение I-й пехотный корпус, 6-ю пехотную и 2-ю легкую кавалерийскую дивизии II-го корпуса с таким расчетом, чтобы иметь возможность в течение 48 часов перейти границу. Свой передовой отряд Паскевич планировал усилить пятью донскими полками (с оставлением шестого в Царстве), иррегулярной бригадой и тремя донскими батареями. Всего это составило бы 67.000 чел., а с укомплектованием по штатам военного

²²⁵ Щербатов А.П. Указ. соч. Т. 5. СПб., 1896. С. 231-232.

времени – 90.000 чел. и 184 орудия. Фридрих-Вильгельм IV одобрил предложения русского главнокомандующего²²⁶. Создание такого передового отряда позволило бы в течение 48 часов двинуть в поход 66 батальонов, 64 эскадрона, 40 сотен и 184 орудия для первого подкрепления пруссаков.

Остальные силы II-го и III-го пехотных корпусов после передислокации их дивизий на запад также могли выступить в поход быстрее, чем по расчетам предыдущего года. Русский экспедиционный корпус должен был следовать не только до Одера, но и далее – к Лейпцигу, составляя резерв пруссаков. При этом 11-я пехотная и 4-я легкая кавалерийская дивизии IV-го корпуса по плану Паскевича должны были занять квартиры в Царстве Польском. Предполагалось, что Франция, узнав о русских военных приготовлениях, начнет действовать осторожнее²²⁷.

Император Николай, со своей стороны, отнесся к идее создания передового отряда неодобрительно. Как и в 1839 г. он полагал, что эффект от появления русских войск в Германии должен быть сокрушительным, поэтому в его планах было двинуть в Германию три армейских пехотных корпуса, а также корпуса Гвардии и Гренадер, что должно было потребовать дополнительных переговоров с прусским правительством²²⁸.

Военный министр А.И. Чернышев в записке от 29 сентября 1840 г. указывал, что военное министерство заблаговременно подготовило документы, необходимые для приведения на военное положение пяти пехотных и трех резервных кавалерийских корпусов вместе с Гвардией. Параллельно готовились планы выдвижения всех этих сил в Царство Польское и западные провинции²²⁹. Таким образом, речь шла о подготовке мобилизационного развертывания практически всех русских войск на западном стратегическом направлении.

Император решил отложить приведение войск в боевую готовность до декабря, то есть до прояснения внешнеполитической обстановки. Паскевич же,

²²⁶ РГВИА. Ф. 38. Оп. 4. Д. 359. Лл. 1-2 об.

²²⁷ Там же. Л. 4-5.

²²⁸ Там же. Л. 11, 21 – 21 об.

²²⁹ Там же. Л. 12 – 13 об.

несмотря на нежелание Николая дробить русские войска, получил разрешение заготовить продовольствие для предполагаемого передового отряда. Ему отпускались необходимые 315.000 руб. серебром. Запрашиваемую Паскевичем сумму провели в счет сметы интендантства Действующей армии, дабы скрыть ее истинное предназначение²³⁰.

Николай I считал неразумным лишний раз провоцировать французское правительство экстраординарными военными приготовлениями, но, с его точки зрения, кабинет Луи Филиппа в любом случае не должен был ставить под сомнение высокую готовность русской армии к войне²³¹.

В октябре 1840 г. в Департамент Генштаба поступило донесение военной разведки, извещавшее русское командование о начале широкомасштабных строительных работ по укреплению столицы Франции. Для русско-прусского союза важность данных сведений заключалась в том, что превращение Парижа в мощную крепость, делало невозможным повторение быстрой и решительной кампании по примеру 1814 г. Аналитическая записка утверждала, что укрепление Парижа увеличит риск войны, поскольку повысит уверенность французов в собственной неуязвимости²³².

В конечном итоге, Николай I принял решение воздержаться от выдвижения корпусов вплотную к западной границе. Помимо внешнеполитических соображений, данный шаг был продиктован тем, что подготовку к выступлению в поход корпусам Действующей армии было бы удобнее проводить в своих постоянных квартирных районах. Поскольку, в случае войны, выдвижение на запад практически всей армии потребовало бы огромных продовольственных запасов, император просил Паскевича ускорить разработку конкретного плана проведения реквизиций²³³.

С целью сокращения времени перехода корпусов через западную границу Николай приказал разработать план ускоренного выдвижения II-го корпуса

²³⁰ Там же. Л. 11 об. – 12, 14.

²³¹ Там же. Л. 17.

²³² Там же. Ф. 440. Оп. 1. Д. 98. Лл. 9-27.

²³³ Там же. Ф. 38. Оп. 4. Д. 359. Л. 18 – 18 об.

через Торн, при этом за основу принимались маршруты и графики движения, составленные в ходе миссий Дибича и Нейдгарта в начале 1830-х гг., хотя признавалось, что точные пути следования войск «теперь еще не могут быть определены»²³⁴.

1 октября 1840 г. Паскевич констатировал, что в этом году Россия готова к войне лучше, чем была в 1839 г. Удалось пополнить парки и подготовить для них лошадей²³⁵. Различие планов общего развертывания весной 1839 г. и осенью 1840 г. заключалась, главным образом, в характере использования IV-го пехотного корпуса. Если расчеты 1839 г. предполагали его расквартирование в Польше, то в 1840 г. корпус оставлялся на турецкой границе ввиду возможных внешнеполитических осложнений по причине Второй Турецко-Египетской войны 1839-1841 гг.

О том, какими войсками заменить данный корпус, предложений не поступало. «Впрочем, – писал Чернышев в докладе Николаю I, – вопрос этот, зависящий от повременных обстоятельств и положения дел, неотлагательного разрешения не требует»²³⁶.

С подписанием Лондонской конвенции 1841 г. международный кризис был преодолен и опасность большой войны временно отступила. Однако задача быстрого соединения с прусскими войсками в Германии оставалась в центре внимания русского военного планирования на протяжении 1840-х гг., также как и 1830-х.

После Июльской революции 1830 г. отношения России с Францией складывались в целом неприязненно. Ответом на возобновление союза России, Австрии и Пруссии в 1833 г. стал союзный договор Великобритании, Франции, Испании и Португалии от 22 апреля 1834 г.

Потенциально опасный для России англо-французский альянс в 1830-1840-х гг. в силу инерции двухвекового соперничества Лондона и Парижа не казался прочной политической конструкцией. В ходе Русско-Польской войны

²³⁴ Там же. Л. 21, 122 об. – 123.

²³⁵ Там же. Л. 24 об.

²³⁶ Там же. Л. 140 об. – 141.

1830-1831 гг., при начале завоевания Францией Алжира в 1830 г., во время восточного кризиса 1833 г., Второй Турецко-Египетской войны 1839-1841 гг. и марокканского кризиса 1844 г. в отношениях Лондона и Парижа попеременно наблюдались признаки как потепления, так и охлаждения. Вопрос о том, какая из этих двух тенденций международной политики одержит верх долгое время оставался открытым.

В отношениях России с Великобританией опасные кризисы и военные тревоги, периодически возникавшие в 1830-е гг. в связи с соперничеством в Азии, например, известная английская провокация, связанная с направлением к кавказским берегам шхуны «Виксен» в 1836-1837 гг.²³⁷, сменились после заключения Лондонской конвенции 1841 г. тенденцией к некоторому сближению.

Вторая Турецко-Египетская война 1839-1841 гг., в ходе которой Великобритания поддерживала турецкого султана, а Франция своего давнего союзника правителя Египта Мухаммеда Али, спровоцировала резкое обострение франко-британских отношений. В этом противостоянии Париж столкнулся с угрозой международной изоляции, поскольку не смог заручиться поддержкой со стороны других континентальных держав. Первая Лондонская конвенция была подписана Великобританией, Россией, Пруссией, Австрией и Турцией 15 июля 1840 г. без участия Франции. Помимо условий урегулирования турецко-египетского конфликта конвенция содержала принятую по инициативе российской стороны статью о закрытии Черноморских проливов для всех иностранных флотов в мирное время. Спустя год, 13 июля 1841 г. Вторая Лондонская конвенция, на этот раз заключенная с участием Франции, подтвердила принцип закрытия Проливов в мирное время.

Лондонские конвенции 1840-1841 гг. фактически отменяли преимущественное положение России на Проливах и в акватории Черного моря, установленное Ункяр-Искелесийским договором 1833 г. Двусторонний

²³⁷ Подробнее см.: *Айрапетов О.Р.* Внешняя политика Российской империи (1801-1914). М., 2006. С. 150-153; *Дегоев В.В.* Кавказ и великие державы. М., 2009. С. 69-102.

русско-турецкий договор оказался пересмотрен в пользу международного трактата, провозглашавшего принцип закрытия проливов для прохода боевых кораблей всех держав в мирное время.

В историографии не существует единого мнения относительно результатов Лондонских конвенций, с точки зрения государственных интересов России. В работах С.С. Татищева, С. Горяинова и В.А. Георгиева Вторая Лондонская конвенция 1841 г. представлялась важнейшей вехой на пути последовательного снижения русского влияния в Константинополе²³⁸. Также обоснованным выглядит указание О.Р. Айрапетова на то, что принцип закрытия Проливов для прохода боевых кораблей в реальности защищал черноморское побережье России лишь в мирное время, становясь бесполезным в условиях войны²³⁹.

Однако в пользу более осторожной оценки краткосрочных и долгосрочных последствий Лондонских конвенций²⁴⁰, которой придерживался в своей работе В.В. Дегоев, говорит то обстоятельство, что с учетом реального соотношения морских сил в регионе, решение пересмотреть двухсторонний русско-турецкий договор в пользу международного дипломатического соглашения, как утверждал историк Дж. Дейли, имело для николаевского правительства в значительной степени вынужденный характер²⁴¹.

К концу 1830-х гг. для России значение прежнего Ункяр-Искелесийского договора в военное время становилось всё более сомнительным²⁴². Не случайно уже в январе 1834 г., менее чем через год после подписания соглашения, Николай I считал вероятным отказ турок от исполнения своих обязательств по договору, в случае разрыва России с морскими державами²⁴³.

²³⁸ Татищев С.С. Внешняя политика императора Николая Первого. СПб., 1887. С. 545-552; Горяинов С. Босфор и Дарданеллы. СПб., 1907; Георгиев В.А. Внешняя политика России на Ближнем Востоке в конце 30 - начале 40-х годов XIX в. М., 1975.

²³⁹ Айрапетов О.Р. Указ. соч. С. 163-164.

²⁴⁰ Дегоев В.В. Указ. соч. С. 131-133, 156.

²⁴¹ Daly J.C.K. Russian Seapower and The Eastern Question, 1827-41. Annapolis, 1991. P. 187.

²⁴² История внешней политики России. Первая половина XIX в. С. 327-340.

²⁴³ Щербатов А.П. Указ. соч. Т. 5 (Приложения). СПб., 1896. С. 229.

Во второй четверти XIX в. союз России с Австрией и Пруссией, с одной стороны, имел изрядный запас прочности, поскольку базировался на идее выгодного для всех трех консервативных держав сохранения политического status quo в центральной и восточной Европе. С другой стороны, спланивавшая союзников память о совместной борьбе против французской экспансии едва ли могла остановить медленное, но неуклонное развитие центробежной тенденции внутри союза, связанной с ростом германского национального движения.

Австрия после смерти императора Франца I в 1835 г. оказалась временно ослаблена тем, что реальная власть перешла в руки регентского совета, в котором исключительное положение князя Меттерниха было подорвано конкурирующими придворными партиями.

В Пруссии испытанный союзник России, король Фридрих-Вильгельм III, несмотря на создание под эгидой Берлина Германского таможенного союза, практически не сочувствовал идее политического объединения немцев.²⁴⁴

Однако при его наследнике постепенный рост в общественном мнении Германии враждебных России настроений мог обернуться для Петербурга крупными неприятностями. Также сохранялся риск того, что однажды Франция найдет возможность предложить Берлину более выгодные условия союза, под прикрытием которого задача политического объединения немцев в глазах либеральных кругов в Пруссии могла показаться легче осуществимой.

Постепенно в русско-пруссских отношениях стали возникать едва заметные трещины. Король оказался вынужден лавировать между конституционными ожиданиями либералов, стремившихся к объединению Германии, и консервативными настроениями придворных кругов и генералитета.

Николая I раздражала непоследовательность и нерешительность шурина, а также его попытки перехватить у «демагогов» опасное оружие германского национализма²⁴⁵. В письмах 1840–1845 гг. император не раз делился с

²⁴⁴ История внешней политики России. Первая половина XIX в. С. 305-306.

²⁴⁵ Там же. С. 343–345, 351.

Паскевичем своими опасениями относительно последствий такой политики для прусской монархии²⁴⁶. Впрочем, вплоть до марта 1848 г. прусский союзник ни разу не давал России действительно серьезных поводов для недовольства.

Как отмечал герой войны 1812 г., двоюродный брат императора Николая и один из самых преданных сторонников России в Европе герцог Евгений Вюртембергский: «Объединение Германии всегда будет иметь надобность во внешнем пугале. Ненависть к французам слишком устарела и потому необходимо возбудить мысль об опасности со стороны России, хотя все убеждены в противном»²⁴⁷.

Исторический опыт также вынуждал считаться с собой. Всего несколькими десятилетиями ранее совместное участие трех северных монархий в антифранцузских коалициях не помешало Пруссии и Австрии в определенный момент подчиниться Бонапарту и выставить в 1812 г. против России экспедиционные корпуса общей численностью 50.000 чел. Прусский корпус генерала Л. Йорка фон Вартенбурга вступил на территорию Курляндии и Ковенской губернии, австрийские же войска князя К.Ф. фон Шварценберга вторглись на Волынь, хотя в соответствии с секретным соглашением и воздержались от активных боевых действий²⁴⁸.

Недружественную по отношению к России позицию австрийский кабинет занял и во время Русско-Турецкой войны 1828–1829 гг. Перед ее началом нейтралитет Австрии не был гарантирован. Австрийские войска под предлогом маневров были сосредоточены в Трансильвании. Уверенности в том, что эти маневры не закончатся вторжением в Валахию, не было. Общая численность войск, собранных в Венгрии и Галиции к началу 1828 г. доходила до 70.000 чел²⁴⁹. Для обеспечения тыла русской Дунайской армии потребовалось

²⁴⁶ Щербатов А.П. Указ. соч. Т. 5. Приложение. СПб., 1896. С. 477–478, 495, 497–498, 501, 504, 509, 516, 522, 529.

²⁴⁷ Ветеран. Россия и западные державы в марте 1855 года. Военно-политическая дума герцога Евгения Вюртембергского // Военный Сборник. 1869. № 1. С. 8.

²⁴⁸ Михайловский-Данилевский А.И. Описание Отечественной войны 1812 года. Ч. 1. СПб., 1843. С. 69, 79.

²⁴⁹ Kagan F.W. The military reforms of Nicholas I. N.Y., 1999. P. 90.

сформировать в Царстве Польском наблюдательную армию под командованием великого князя Константина Павловича. В ее состав вошли польские войска, два пехотных армейских корпуса, гвардейская пехота, два сводных и два резервных кавалерийских корпуса²⁵⁰.

Отсутствие решительных успехов в ходе кампании 1828 г. на Дунае, концентрация австрийских сил в Трансильвании и Галиции, а также начавшаяся подготовка к мобилизации прусских войск в Познани открывали перед Россией весьма неблагоприятную перспективу. В Вене положение русской армии на Балканах сравнивали с катастрофическим отступлением французов из России в 1812 г²⁵¹. В случае поддержки Пруссией возможного австрийского вторжения в Польшу, расквартированные там русские войска могли оказаться в большой опасности. Великий князь Константин сообщал Николаю I, что донесения разведки свидетельствуют о мобилизации Пруссией V-го и VI-го армейских корпусов. Однако цель этих приготовлений не была до конца ясна, поскольку 100-тысячная прусская армия в Силезии, Познани и Саксонии равным образом могла угрожать и Царству Польскому, и австрийской Богемии²⁵².

В 1828–1829 гг. Пруссия и Франция категорически отказались поддержать планы Меттерниха, рассчитывавшего втянуть в русско-турецкий конфликт нейтральные государства²⁵³. Король Карл X заявил своему послу в Лондоне князю Ж.-О.-А.-М де Полиньяку, что объявит Австрии войну в случае ее нападения на Россию²⁵⁴. При таких обстоятельствах Вена уже не могла позволить себе активные действия, и вынуждена была отступить.

По этой причине даже возобновление союза континентальных монархий осенью 1833 г. не позволяло России полностью исключить возможность враждебных действий со стороны германских соседей.

²⁵⁰ Епанчин Н.А. Очерк похода 1829 г. в европейской Турции. Ч. 1. Подготовка к походу. СПб., 1905. С. 62.

²⁵¹ Kagan F.W. Op. cit. P. 94.

²⁵² Ibid. P. 90–92.

²⁵³ Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. 8. Трактаты с Германиею. 1825–1888. СПб., 1888. С. 118.

²⁵⁴ Татищев С.С. Император Николай и иностранные Дворы. Исторические очерки. СПб., 1889. С. 135.

В ходе военно-политических совещаний 1836 и 1843 гг., при практически полном согласии Николая I, Паскевича, Чернышева и Канкрин в вопросах крепостного строительства, подобного единства взглядов между ними уже не было, когда речь заходила об оценке Польского театра, с точки зрения перспективы оборонительных операций.

Если император и Чернышев в апреле 1843 г. полагали, что передовая позиция на Висле представляет огромную выгоду как при наступательной, так и при оборонительной войне, то Канкрин и Паскевич не во всем разделяли их оптимизм. Князь Варшавский в записке «Сравнительное соображение сосредоточения русских и прусских войск», составленной в штабе Действующей армии 11 мая 1845 г., центральное место уделил рассмотрению факторов, осложнявших, по его мнению, положение русских войск в Польше.

Русский главнокомандующий размышлял на её страницах над теми обстоятельствами, которые могли бы его вынудить к отступлению с передового театра, в случае неудачной войны с Пруссией – с ближайшей в те годы союзницей России²⁵⁵.

Записка начиналась с анализа соотношения сил на потенциальном театре войны. При этом вопрос о сроках боевого развертывания русских войск был для Паскевича неотделим от проблемы обеспечения передового театра войны в инженерном отношении.

Положение России осложнялось длительным сроком сосредоточения ее войск в Царстве Польском, что на первых порах могло дать пруссакам значительное численное превосходство. «Полагается, – писал фельдмаршал, – что для обращения войск обоих государств на военное положение нужно сроку, примерно, от 6 до 8 недель, и что немедленно по истечении оно, войска выступят из настоящих квартир своих»²⁵⁶.

²⁵⁵ РГВИА. Ф. ВУА (846). Оп. 16. Д. 1216. Лл. 1–17. Анализ этой записки и комментарии к ней см.: *Кривопапов А.А.* Царство Польское в стратегических взглядах фельдмаршала И.Ф. Паскевича в середине 1840-х годов // *Российская история*. 2012. № 4. С. 88-100.

²⁵⁶ РГВИА, Ф.846 (ВУА). Оп. 16. Д. 1216. Л. 1.

Паскевич предполагал, что «через 26 дней после выступления из постоянных квартир пруссаки могут двинуть к Новогеоргиевску (...) 149.000 чел. и 560 орудий»²⁵⁷. Таблицы, прилагавшиеся к записке, показывали, что первые 76 дней (то есть почти 11 недель) с момента выступления противоборствующих армий из своих квартир прусская армия сохраняла бы над русской значительное численное превосходство, и лишь с 77-го дня соотношение сил изменилось бы в пользу России. Между тем предварительное приведение войск на военное положение непосредственно в районах расквартирования заняло бы еще 6–8 недель.

В своих расчетах сроков прусской мобилизации штаб Большой Действующей армии ориентировался на официальные данные, поступавшие из Берлина. Так, в конце 1840 г. по поручению короля прусский военный министр генерал-майор И. фон Раух доверительно сообщил Николаю I о планах, составлявшихся на случай войны с Францией. С их содержанием был ознакомлен и князь Варшавский. Из этих материалов следовало, что для сосредоточения на Рейне шести армейских корпусов Пруссии необходимо два месяца. Сосредоточение девяти корпусов (то есть практически всей тогдашней прусской армии) требовало дополнительно еще трех недель²⁵⁸.

Масштабное использование противником железных дорог для ускорения мобилизации в 1840-е гг. еще не предусматривалось, хотя в России уже с середины 1830-х гг. проявляли интерес к возможностям нового вида транспорта. Первая железная дорога Берлин-Потсдам была построена в Пруссии в 1838 г., на год позже, чем в России, но затем Пруссия значительно обогнала её по темпам железнодорожного строительства.

Развитие техники значительно опережало накопление опыта её практического использования в военных целях. Мобилизации, проходившие в Пруссии в 1848–1850 и 1859 гг., фактически оказались сорваны по срокам. Оба раза, вследствие организационных промахов в использовании

²⁵⁷ Там же. Лл. 1 об.–2.

²⁵⁸ Там же. Ф. 432. Оп. 1. Д. 91. Лл. 10 об.–12, 29.

железнодорожного транспорта, пополнение действующих войск до штатов военного времени, а также развертывание резервных и ландверных частей не было своевременно обеспечено²⁵⁹.

По-видимому, опасения Паскевича насчет возможного запаздывания сосредоточения русских войск в Польше были все же несколько преувеличены. Но, тем не менее, расчеты фельдмаршала относительно времени, необходимого пруссакам, чтобы собрать армию на своих восточных границах, а также оценка им возможной численности этих войск, если и не являлись абсолютно точными, то, как минимум, были серьезно обоснованными.

Оценив силы и примерные сроки развертывания противоборствующих армий, русский главнокомандующий переходил в своей записке к анализу возможного хода боевых действий. Прусское наступление представлялось Паскевичу в виде сходящегося движения двух неравных по численности группировок с севера и запада. Относительно немногочисленные войска прусского правого крыла (34.000 чел. с 192 орудиями) могли перейти в наступление с запада, нанося удар от Познани в направлении Новогеоргиевска и Варшавы. Левое крыло, втрое с лишним превосходя по силе правое (115.000 чел. человек с 368 орудиями), нанесло бы главный удар из Восточной Пруссии от Торна через Млаву на Сероцк и Новогеоргиевск²⁶⁰.

С точки зрения основ оперативного искусства, или, как его именовали в середине XIX в., высшей тактики, принимать сражение в таких условиях не представлялось возможным. Положение русской армии в Царстве Польском на протяжении первого месяца войны практически исключало успешную оборону края. Даже пользуясь выгодным расположением у крепости Новогеоргиевск, то есть находясь в центре между выполнявшими охват прусскими армиями, русская сторона «в первые 24 дня после выступления пруссаков из Торна и Познани» могла собрать лишь 77.000 чел. и 248 орудий против 149.000 чел. и 560 орудий у противника.

²⁵⁹ Свечин А.А. Эволюция военного искусства. Т. 2. М.; Л., 1928. С. 185. McElwee W. The art of war Waterloo to Mons. L., 1974. P. 30.

²⁶⁰ РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16. Д. 1216. Лл. 1 об. – 2.

Затруднения русской армии, по мнению Паскевича, проистекали из-за того, что «у пруссаков постоянное расквартирование войск гораздо более сосредоточено, нежели у нас»²⁶¹. «Столь неравная борьба, признавал он, – подвергнула бы помянутые войска наши величайшей опасности: неприятелю было бы легко припереть их к Новогеоргиевску и совершенно отрезать от России, или, по крайней мере, отбросить с величайшей потерей на Волынь, тогда как главные подкрепления должно нам ожидать через Литву»²⁶².

В начале войны, таким образом, русская армия не смогла бы сравняться с противником и по численности полученных подкреплений. Неприятель сохранял бы превосходство в силах на протяжении месяца, даже если бы не отправил на театр войны VII-й и VIII-й армейские корпуса, расположенные в мирное время на Рейне, и более двух месяцев, если бы эти корпуса все же появились на театре войны.

В подобных обстоятельствах, считал Паскевич, не было иного выхода, кроме сдерживания противника и организованного отступления. То есть «нам ничего бы не оставалось делать другого, – утверждал Паскевич, – как стараться замедлять их следование авангардами, действующими против обеих колонн их, и с приближением первой к Сероцку, оставив гарнизоны в Новогеоргиевске, Александровской Цитадели, Замостье и Ивангороде, отступать к Литве»²⁶³. Из контекста записки следует, что, в случае вторжения прусских войск, неоднократно упоминавшийся Паскевичем и Николаем I «авангард» развернутой под Новогеоргиевском русской армии после перемены фронта и начала организованного отступления из польского выступа по существу должен был стать арьергардом.

Крепости Царства Польского следовало обеспечить достаточными для надежной обороны гарнизонами. Крупнейшая из них – Новогеоргиевск – требовала, по расчетам фельдмаршала, не менее 14.000 чел. для защиты верхов в случае осады. Располагаясь на узловых коммуникационных пунктах, крепости

²⁶¹ Там же. Л. 4.

²⁶² Там же. Лл. 3 – 3 об.

²⁶³ Там же. Лл. 2 об. – 3.

должны были замедлить темпы неприятельского наступления. Судя по замечаниям, оставленным на полях записки, Николай I полностью согласился с мнением фельдмаршала.

Признавая, что прусское наступление вынудит его «временно отступить из Царства Польского», навстречу выдвигавшимся с востока резервам, князь Варшавский вместе с тем намечал шесть конкретных мер, призванных улучшить положение русской армии в начале войны²⁶⁴.

Прежде всего, главнокомандующий предлагал «провести новое шоссе по левому берегу Буга до окрестностей Нура, а оттуда до места, где шоссе из Бреста в Бобруйск пересекается рекой Щарой»²⁶⁵. Кроме того, он считал необходимым, при неизбежности войны, возвести на месте пересечения нового шоссе с р. Буг два мощных полевых предмостных укрепления. Опасения фельдмаршала за операционную линию русских войск в Царстве Польском нельзя не признать основательными. В случае вторжения неприятельских войск из Восточной Пруссии, сообщение с Литвой по шоссе Белосток–Гродно–Вильна–Динабург становилось ненадежным. Отступление же русских войск по шоссе Варшава–Брест, как и отступление на Волынь, означали бы добровольное очищение Царства Польского, и потому были крайне нежелательны. Наконец, движение в любом направлении, кроме литовского, отдаляло соединение с резервами. Предпочтительным, по мнению Паскевича, являлось направление Варшава–Нур–Бобруйск. Преимущество этого маршрута заключалось в наличии прикрытого с севера рекой Буг пути отступления на восток.

Мысль о строительстве предмостного укрепления на Буге в районе Нура, скорее всего, была навеяна опытом последней кампании против поляков. Именно у Нура и Брока в январе 1831 г. армия Дибича форсировала Буг, вынудив мятежников отступать до самой Варшавы²⁶⁶. Таким образом,

²⁶⁴ Там же. Л. 4.

²⁶⁵ Там же. Лл. 4 – 4 об.

²⁶⁶ Пузыревский А.К. Указ. соч. Т. 1. С. 73.

предложение фельдмаршала существенно повышало устойчивость всей операционной линии в случае войны с Пруссией.

Паскевич рекомендовал также «увеличить несколько число артиллерии в корпусах Действующей армии»²⁶⁷. Сравнительная таблица, помещенная в конце его записки, показывала, что на протяжении первых двух месяцев войны «мы будем иметь только 248 орудий, а пруссаки сперва 560, а потом 656»²⁶⁸. Поэтому следовало заблаговременно создать артиллерийский резерв, разместив в районе Бреста 96 батарейных и легких орудий. Число лошадей при батареях могло быть ограничено нормами мирного времени. В военной обстановке Паскевич брался снабдить батареи конским составом за счет Царства Польского. При этом главнокомандующий считал необходимым иметь не менее 40 орудий на каждую пехотную дивизию. «Опыт 1812 г. и последующих годов, – напоминал он, – может почитаться доказательством, сколь полезно иметь много артиллерии при войсках. При дивизиях из 12 слабых батальонов мы имели тогда по 36 орудий; и можно сказать, что это превосходство в артиллерии доставило нам одно из главнейших средств к удачному отступлению, а потом и к успехам нашим»²⁶⁹.

Третье предложение касалось изменений в расквартировании войск на Украине, а именно передислокации двух дивизий с их артиллерией от Днепра на запад Волынской губернии и одной артиллерийской бригады – на запад Подольской губернии. Благодаря этому, рассчитывал Паскевич, «при первых действиях наших около Вислы, нам можно будет противопоставить неприятелю целую пехотную дивизию и 64 орудия более, чем при настоящем расквартировании помянутых войск»²⁷⁰.

Восполнять неизбежные в ходе боевых действий потери князь Варшавский советовал за счет сверхкомплектных невооруженных рядовых, «по примеру того, как было в 1815 г. при выступлении нашей армии во

²⁶⁷ РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16. Д. 1216. Лл. 5 об.–6.

²⁶⁸ Там же. Л. 5 об.

²⁶⁹ Там же. Л. 6.

²⁷⁰ Там же. Лл. 6 об – 7.

Францию»²⁷¹. Подобное решение он признавал рациональным и не слишком затратным, так как для этих солдат «не потребуется ни штабов, ни офицеров, ни унтер-офицеров». Соответственно, в каждой из шести пехотных дивизий, расположенных в Царстве Польском, предлагалось дополнительно содержать по 50 человек в роте. Оружие для них хранилось бы в Новогеоргиевске и Бресте. В результате, русские войска, столкнувшись с противником на Висле, получили бы еще 18.000 чел. подготовленных солдат. Вместе с тем, отмечал Паскевич, такая мера не влекла «за собой огласки, могущей возродить в Пруссии опасение, что мы против нее вооружаемся, чего, кажется, необходимо сколь можно более избегать»²⁷².

Пятое и шестое предложения фельдмаршала касались гарнизонов крепостей. Князь Варшавский настаивал на том, чтобы гарнизонные батальоны в Новогеоргиевске и Замостье содержались в полном комплекте, и желал, по примеру пехотных дивизий, «равномерно иметь в них на каждую роту по 50 сверхкомплектных рядовых»²⁷³. Он также просил увеличить в Новогеоргиевске число гарнизонных артиллерийских рот, поскольку надежная защита этой крепости имела ключевое значение для обороны Царства Польского.

Паскевич надеялся, что после реализации данной программы «число войск, с коими нам можно будет первоначально встретить неприятеля близ Новогеоргиевска усилится, во-первых, целой пехотной дивизией и 64 орудиями по случаю перемены дислокации на Волыни; во-вторых, 18.000 рядовых, которые получатся от сверхкомплектно содержащихся 50 человек в ротах шести пехотных дивизий, и, в-третьих, 96-ю орудиями предполагаемого особого артиллерийского резерва»²⁷⁴. Превосходство в силах, в случае начала предполагаемой войны, оставаясь на стороне прусской армии, становилось уже не столь безнадежным. Русская армия получала возможность

²⁷¹ Там же. Л. 7.

²⁷² Там же. Л. 7 об.

²⁷³ Там же. Лл. 7 об. – 8.

²⁷⁴ Там же. Лл. 8 – 8 об.

«противопоставить первоначально 149.000 чел. пруссаков с 560 орудиями 108.000 чел. с 408 орудиями»²⁷⁵.

Все предложения главнокомандующего Большой Действующей армией были одобрены императором. Однако на практике в дислокации русских войск серьезных изменений не произошло. Планы строительства нового шоссе и создания артиллерийского резерва в районе Бреста остались нереализованными.

Сказывалась действительно низкая вероятность русско-прусского конфликта в середине 1840-х гг. Расчеты Паскевича исходили из наихудшего для России сценария. Фельдмаршал готовился к борьбе практически со всей прусской армией (его записка предполагала вторжение в Польшу всех девяти армейских корпусов, включая гвардию). Учитывая натянутые отношения Берлина и Парижа в 1840-е гг., подобное оголение западной границы Пруссии было практически невероятно. Таким образом, майская записка 1845 г. осталась лишь памятником русской стратегической мысли, основные положения которой не могли быть осуществлены немедленно.

Очевидные выгоды Польши как плацдарма для будущего наступления русских войск в Европе были столь значительны, что, по всей видимости, перевешивали в глазах фельдмаршала все риски, связанные с крайне маловероятной угрозой наступления прусской армии на Висле. Когда же, как и предполагалось в соответствии с реальными военными планами 1830-1840-х гг., Австрия и Пруссия выступали в качестве союзников, Царство Польское давало русской армии очевидные преимущества в качестве передовой позиции.

²⁷⁵ Там же. Л. 8 об.

Глава 3. Преодоление военно-политического кризиса 1848-1850 гг. в Европе как проблема русской стратегии

Изучение характера русского военного планирования и анализ стратегических приоритетов, сложившихся в результате как дискуссий 1836, 1843, 1845, так и кризиса 1839-1841 гг., связанного с событиями в Бельгии и Второй Турецко-Египетской войной, позволяет лучше понять реакцию правительства Николая I на европейские революционные события 1848-1849 гг.

Принимая решения в области стратегии, император Николай I и фельдмаршал Паскевич могли опираться на серьезные достижения русской военной разведки. Получаемые с её помощью данные играли значительную роль в военном планировании 1830-1840-х гг.

Несмотря на впечатляющие результаты своей работы в эпоху Наполеоновских войн²⁷⁶, русская разведка, как и аналогичные военно-дипломатические службы других великих держав, всё ещё не была институционально оформлена и не имела четкого места в структуре высшего военного управления. Высшая военно-политическая разведка России в европейских столицах, а также тактическая разведка в приграничной полосе на потенциальном театре войны, были созданы лишь на время кризиса, вызванного борьбой с наполеоновским господством в Европе.

Сложный процесс создания постоянно действующей централизованной военной разведки, начавшийся приблизительно в 1820-е гг. до настоящего времени не привлекал внимания историков. Значительную роль в её становлении сыграл будущий фельдмаршал Ф.Ф. Берг, который в чине действительного тайного советника временно находился в те годы на дипломатической службе. Осенью 1822 г. по указанию начальника Главного штаба князя П.М. Волконского им была написана инструкция по сбору военно-

²⁷⁶ См.: *Безотосный В.М.* Разведка и планы сторон в 1812 году. М., 2005.

статистических сведений, предназначенная для русских офицеров и дипломатов, командированных за границу²⁷⁷.

По всей видимости, эта инструкция вскоре затерялась в коридорах Министерства иностранных дел. В августе 1825 г., когда она срочно потребовалась в Главном штабе, отыскать её не смогли. Тогда специально для отправлявшегося в Европу полковника гвардейского генерального штаба А.М. Голицына, по приказу начальника Главного штаба И.И. Дибича, была написана новая инструкция²⁷⁸. Составить её начальник штаба Гвардейского корпуса генерал-адъютант А.И. Нейдгарт поручил генерал-майору А.А. Адеркасу.

Данная инструкция включала четырнадцать основных пунктов, которые должны были служить основой для систематизации сведений военного характера, собираемых за границей военным корреспондентом. Деятельность корреспондентов Военного министерства, в отличие от лазутчиков и тайной агентуры, носила подчеркнуто легальный характер. Поскольку служба их протекала в основном при посольствах и консульствах, по своему служебному положению они приближались к современным военным атташе. Донесения военных корреспондентов, наряду с дополнявшими их докладами из русских посольств и консульств, являлись для Департамента Генерального штаба в то время основным источником информации об иностранных армиях.

Инструкция 1825 г. ориентировала корреспондента на сбор не только военно-статистических, но и военно-исторических сведений. В первую очередь, от него ждали информации о численности, организации и квартирном расположении войск, подробностей интендантского, провиантского и госпитального обеспечения иностранной армии. Отдельное внимание уделялось изучению системы комплектования войск личным составом. В задачу корреспондента входил сбор данных о крепостях, арсеналах, пороховых, оружейных и литейных заводах, об основных дорогах и речных коммуникациях. Военный агент должен был составлять статистические

²⁷⁷ РГВИА. Ф. 38. Оп. 5. Д. 1. Лл. 1а – 30 об.

²⁷⁸ Там же. Лл. 34-38 об.

таблицы о хозяйстве страны, а также стараться найти «исторические записки о бывших в том краю войнах», топографические описания, карты и планы.

В 1828 г. Министерство иностранных дел при циркулярном предписании разослало инструкции Генштаба во все русские посольства²⁷⁹. Однако кадровые сотрудники посольств, в отличие от корреспондентов, не отличались расторопностью в исполнении поручений военного ведомства. Во всяком случае, в 1852 г. генерал-квартирмейстер Главного штаба Ф.Ф. Берг жаловался военному министру князю А.И. Чернышеву на то, что, несмотря на обращения военного министра к канцлеру К.В. Нессельроде в 1828 и 1843 гг. оба раза с одной и той же просьбой «о поручении посольствам нашим доставлять военные сведения (...) ни одно посольство таковых сведений не доставило, по крайней мере, Генеральный Штаб не получал оных»²⁸⁰.

На протяжении 1830-х гг. характер инструкций для корреспондентов практически не изменился. В основе своей они повторяли наставления, подготовленные Ф.Ф. Бергом и А.А. Адеркасом. Например, 8 февраля 1836 г. служивший в русском посольстве в Лондоне коллежский асессор А.Ф. Берг получил от генерал-лейтенанта Ф.Ф. Шуберта, исправляющего должность генерал-квартирмейстера Главного штаба, записку «О предметах, кои для Генерального штаба могут быть полезны»²⁸¹.

Записка состояла из одиннадцати пунктов, повторявших в общих чертах документ 1825 г. Новыми были лишь требования, относительно сбора сведений о военно-учебных заведениях, а также «об устройстве Генерального штаба и о степени познания офицеров оный составляющих».

В 1839 г. Николай I собственноручно утвердил «синоптическую таблицу», которая в будущем должна была стать основой для составления записок о военных силах иностранных государств. «Синоптическая таблица»²⁸² состояла из четырех основных разделов: военно-сухопутной силы, военно-

²⁷⁹ Там же. Д. 222. Лл. 25 – 25 об.

²⁸⁰ Там же. Д. 594. Лл. 250 – 257 об.

²⁸¹ Там же. Д. 202. Лл. 11 – 11 об.

²⁸² Там же. Д. 273. Лл. 5-6.

морской силы, военных вспомогательных средств и общего взгляда на страну в военном отношении.

Поскольку военные корреспонденты работали легально, генерал Шуберт прямо предписывал А.Ф. Бергу воздерживаться от «каких-либо особых мер, могущих возбудить подозрения английского правительства»²⁸³. Но такой подход был возможен лишь в столицах великих европейских держав, где в распоряжении корреспондента имела пресса, а также военная литература и периодика.

Труд офицеров Генерального штаба, направляемых в Османскую империю, Иран, Африку или Китай был значительно опаснее и тяжелее. В составленном генералом М.Л. Фонтон-де-Веррайоном «Отчете о деятельности Генерального штаба по части военно-ученой с 1828 по 1838 год»²⁸⁴ перечислялись основные командировки такого рода.

В 1830 г. полковник А.А. Скалон был послан в Грецию, где должен был уточнить её границу с Турцией. После своего возвращения в 1836 г. им была представлена карта Греции. В это же время полковник А.И. Философов путешествовал по Алжиру, собирая сведения о состоянии страны и французских экспедициях в северную Африку. Полковник П.Е. Коцебу, подполковник А.Г. Розалион-Сошальский и штабс-капитан Эссен отправились в Сербию. Офицеры представили карту, военно-статистическое описание страны и астрономические наблюдения. В 1832 г. из Китая вернулся подполковник М.В. Ладыженский. Он осмотрел часть русско-китайской границы и окрестности Пекина, составил записки о Забайкальском крае и политическом положении Поднебесной «с приложением исторического обзора происшествий относительно падения двух царствовавших до того времени династий». Служивший в МИДе коллежский асессор Г.С. Карелин возглавил две экспедиции к восточным берегам Каспия. Он исследовал побережье, заложил Новоалександровское укрепление, составил атлас осмотренных

²⁸³ Там же. Д. 202. Л. 10 об.

²⁸⁴ Там же. Д. 222. Л. 26 – 30 об.

территорий и этнографическую записку о туркменских племенах. В 1832 г. полковник А.О. Дюгамель отправился с миссией в Константинополь, а в дальнейшем был назначен генеральным консулом в Египте при дворе Мухаммеда-Али. В 1833-1836 г. полковники М.П. Вронченко и П.П. Львов исследовали Малую Азию и Сирию. Ими были составлены карты Анатолии, а также описание Малой Азии в военно-статистическом, этнографическом и коммерческом отношении. В 1834 г. полковник Э.В. фон Руге выполнил военно-статистическое описание княжеств Молдавии и Валахии. В 1837 г. капитан И.Ф. Бларамберг, адъютант русского посланника в Персии генерал-майора графа И.О. Симонича, исследовал Иран и государства Средней Азии. Тогда же в Алеппо для сбора сведений о крае и углубленного изучения арабского и турецкого языка был командирован капитан И.Ф. Дайнезе, адъютант генерал-квартирмейстера Действующей армии.

В 1843 г. генерал-адъютант Ф.Ф. Берг занял должность генерал-квартирмейстера Главного штаба. С его точки зрения, несмотря на значительные успехи, работа русской военной разведки всё еще оставляла желать много лучшего. Главный недостаток Берг видел в малом числе военных корреспондентов и нерегулярном поступлении от них соответствующих донесений²⁸⁵. Это приводило к тому, что Генштаб не всегда располагал точными данными об армиях Австрии, Великобритании и Османской империи. Лишь сведения о вооруженных силах Франции и Пруссии, игравших решающую роль в русском стратегическом планировании, не содержали серьезных пробелов.

В числе корреспондентов, бывших в Департаменте Генштаба на хорошем счету, можно выделить барона П.К. Мейендорфа, который служил в Вене и Штутгарте, а также статского советника Кудрявского, который, затем, сменил Мейендорфа в Вене. Русский генеральный консул в Гамбурге статский советник Р.И. Бахерахт попутно также исполнял обязанности корреспондента. Хорошо себя зарекомендовали служившие в Париже в разное время: статский

²⁸⁵ Там же. Д. 436. Лл. 1 – 1 об.

советник Шпик, полковник К.В. Чевкин, полковник Ю.В. Сливацкий, штабс-капитан Б.Г. Глинка и генерал-майор А.М. Голицын. Сведения о прусской армии собирали статский советник барон Э.Р. Унгерн-Штернберг и служивший в Берлине с 1831 по 1847 гг. полковник А.П. Мансуров.

Но даже на фоне таких профессионалов значительно выделялся генерал барон Н.В. Медем – крупный военный ученый, профессор Академии и автор учебника по тактике²⁸⁶. Он работал в Париже и Берлине в разгар кризиса 1848-1849 гг. Во многом под влиянием подробных и точных донесений Медема, содержащих анализ боевых возможностей французской и прусской армии, фельдмаршал Паскевич и Николай I вырабатывали военно-политический курс России.

Летом 1848 г. в донесении на имя Берга он раскрыл те принципы, которыми руководствовался при поиске достоверных данных о французской армии. По мнению Медема, боевые расписания практически всегда можно было найти в специальных периодических изданиях. Сведения о перемещении войск внутри страны отражались в парижских и провинциальных газетах. Однако они нуждались в постоянной взаимопроверке, поскольку журналисты, зачастую, допускали в своих публикациях грубые ошибки. Сложнее обстояло дело с поиском информации о реальной численности людей в строю полков и батальонов. Это требовало от корреспондента постоянных разъездов, присутствия на учениях и маневрах, заведения знакомств среди офицеров и личных бесед с ними²⁸⁷.

Естественно, что материалы, стекавшиеся в Департамент Генштаба, составляли в России высшую государственную тайну. Однако Николай I и военный министр князь А.И. Чернышев сознавали необходимость ознакомления с ними не только членов узкого круга советников императора, но и слушателей Военной академии, то есть будущих офицеров Генерального штаба. С соблюдением строгой секретности сведения о вооруженных силах

²⁸⁶ Медем Н.В. Тактика. Ч. 1-2. СПб., 1837.

²⁸⁷ РГВИА. Ф. 38. Оп. 5. Д. 436. Лл. 112 – 114 об.

иностранных государств сообщались преподавателям военной географии для последующего составления учебных курсов²⁸⁸. Одним из таких офицеров стал подполковник П.А. Языков, автор первого в России учебника по военной географии²⁸⁹.

Важным элементом в системе подготовки офицеров Генерального штаба стали полевые поездки, которые начали внедряться в русской армии временно занимавшим должность генерал-квартирмейстера Главного штаба генерал-лейтенантом Ф.Ф. Шубертом, начиная с 1834 г. в одно время с Пруссией²⁹⁰.

Если говорить о разведке в масштабах потенциального театра военных действий, то результаты её работы обрабатывались штабом Большой Действующей армии в Варшаве. «Устав для управления армиями в мирное и военное время» 1846 г. возлагал разведывательные функции на квартирмейстерскую часть армии. В её обязанность входило собирать «общий свод сведений, доходящих о неприятеле из рекогносцировок, из рапортов начальников передовых частей войск, расспросов пленных, донесений лазутчиков». Те же функции возлагались на генерал-полицимейстера Действующей армии, который был обязан докладывать полученные сведения начальнику Главного штаба армии, а тот, в свою очередь, передавать их для обработки в управление генерал-квартирмейстера²⁹¹.

Но в целом, в отличие от высшей военно-политической разведки, в мирное время роль тактической разведки была не слишком велика. Однако с переходом армии на военное положение командиры русских частей и соединений, размещенных в приграничной полосе, должны были самостоятельно приступить к отправке шпионов и лазутчиков на территорию сопредельных государств.

По состоянию на 1847 г. I-й пехотный корпус занимал квартиры на Украине и частично в Белоруссии под крепостью Бобруйск, II-й корпус

²⁸⁸ Там же. Д. 273. Лл. 4 – 4 об.

²⁸⁹ См.: Языков П.А. Опыт теории военной географии. Ч. 1-2. СПб., 1838.

²⁹⁰ РГВИА. Ф. 38. Оп. 5. Д. 222. 46.

²⁹¹ ПСЗ II. Т. 21. Отд. 3. № 20670. Устав для управления армиями в мирное и военное время. 5 декабря 1846 г. № 168-169, 274-276.

дислоцировался в Остзейском крае, III-й корпус нес гарнизонную службу непосредственно на территории Царства Польского, IV-й корпус находился на маневрах под Винницей²⁹².

Если война, начавшаяся 23 марта 1848 г. между Пьемонтом и Австрией на территории северной Италии, не слишком обеспокоила российского императора, то революция в Париже немедленно вызвала ответные меры. 22-23 февраля 1848 г. было приказано привести в боевой состав войска Гвардейского, II-го и III-го резервных кавалерийских корпусов, а также 7-й легкой кавалерийской дивизии.

В штаты военного времени приводились также запасные батареи 1-й, 2-й, 3-й, 4-й и 7-й конноартиллерийских бригад. Мероприятия планировалось завершить к 15 апреля²⁹³. Мобилизация, в первую очередь, затронула кавалерию, поскольку ее развертывание обходилось значительно дороже развертывания пехоты.

2 марта 1848 г. на военное положение были переведены II-й и III-й пехотные корпуса. Начался сбор приписанных к ним отпускных. Батареи развертывались из 8-и в 12-и орудийный состав, что, в свою очередь, требовало покупки значительного числа лошадей. 6 марта 3-я гренадерская дивизия получила приказ выступить к западной границе. В тот же день для пополнения некомплекта в рядах Действующей армии начали формироваться маршевые батальоны. Приведение в боевую готовность войск III-го пехотного корпуса планировалось завершить к 15 апреля. I-й, IV-й пехотные и II-й резервный кавалерийский корпуса завершали подготовку к 1 мая²⁹⁴.

На запад выдвигались 7-я легкая кавалерийская и 2-я гренадерская дивизии. С Поволжья началось выдвижение батальонов 1-й, 2-й, 3-й и 4-й резервных пехотных дивизий.

²⁹² Там же. Ф. 14014. Оп. 2. Д. 112.

²⁹³ Кухарук А.В. Указ. соч. С. 157.

²⁹⁴ Там же. С. 158.

Подчиненный в мирное время военному министру V-й пехотный корпус был предоставлен в распоряжение морскому министру А.С. Меншикову²⁹⁵ и подготовлен для быстрого занятия Придунайских княжеств. В отличие от ситуации 1839 г. на сей раз пришлось прибегнуть к усиленному рекрутскому набору. В солдаты было взято по 7 чел. с 1000 душ. Рекруты поступали в резервные части, замещая солдат, уходивших в маршевые батальоны. Ими же пополнили кадр запасных частей.

К осени 1848 г. Действующая армия находилась в полной боевой готовности. II-й и III-й пехотные корпуса сосредоточились в Царстве Польском. I-й пехотный корпус разместился на западе Литвы и Белоруссии. IV-й пехотный корпус и резервная кавалерия сосредоточились на Волыни и западе Подольской губернии. Гренадерский и VI-й пехотный корпуса вместе с резервными дивизиями образовывали Запасную армию в тылу Действующей²⁹⁶.

Опасения насчет возможных агрессивных действий Франции на этот раз не оправдались, но революция вызвала цепную реакцию в европейских столицах. 13 марта 1848 г. восстала Вена, через неделю революционное выступление охватило Берлин, и король Фридрих-Вильгельм IV был вынужден согласиться на введение конституции. 3 марта 1848 г. в Будапеште сторонники Л. Кошута взяли курс на строительство национального венгерского государства, а 10 апреля 1848 г. восстание немецкого населения Шлезвига и Гольштейна вызвало войну между Пруссией и Данией.

Николая I всерьез обеспокоила непоследовательность прусского короля, который, по мнению императора, совершенно напрасно питал надежды на политическое объединение немцев²⁹⁷. В условиях начавшейся Прусско-Датской войны это привело к резкому ухудшению отношений с некогда ближайшим союзником. Уже летом 1848 г. Николай I оказался вынужден прибегнуть к военной демонстрации, выслав к берегам Дании эскадру под командованием вице-адмирала И.П. Епанчина. Действия России были поддержаны Швецией,

²⁹⁵ Там же. С. 161.

²⁹⁶ Там же. С. 161-162.

²⁹⁷ История внешней политики России. Первая половина XIX в. М., 1999. С. 343–345, 351.

предложившей 15-тысячный экспедиционный корпус в качестве помощи датчанам. Великий князь Константин Николаевич отправился в Стокгольм, где предложил перевезти шведские войска в Данию силами Балтийского флота. Наконец, под давлением русских ультиматумов пруссаки уступили и в августе 1848 г. подписали с Данией перемирие.

Несмотря на сложные отношения с Берлином, император Николай и фельдмаршал Паскевич все же составляли планы военной помощи Фридриху-Вильгельму IV на случай непосредственной угрозы династии со стороны немецких республиканцев. Для обеспечения коммуникационной линии в крепость Торн планировалось ввести русский гарнизон. При необходимости прусскую границу должны были перейти I-й и II-й пехотные корпуса, следом за ними выдвигались Гвардия и Гренадеры. V-й корпус должен был остаться в Бессарабии, одной дивизии IV-го корпуса следовало расположиться на Волыни, а двум другим занять Царство Польское и Варшаву. III-й корпус предполагалось использовать для прикрытия западной границы со стороны Силезии и Познани²⁹⁸.

К осени 1848 г. на западной границе России в полной боевой готовности стояла мощная армия, однако, вопрос о вступлении в войну не мог быть решен немедленно. Необходимость содержать войска в штатах военного времени означала тяжелую финансовую нагрузку, и бюджетная смета, по собственному выражению императора, повергала его в ужас²⁹⁹.

К концу года стали заметны признаки общего улучшения военно-политической обстановки. V-й пехотный корпус под командованием генерал-адъютанта Лидерса занял Придунайские княжества. Война Пруссии с Данией прекратилась, прусский король Фридрих-Вильгельм IV сохранил престол, в северной Италии австрийские войска фельдмаршала Й. Радецкого нанесли сардинцам тяжелое поражение. Подводя итог прошедшим событиям, император Николай не случайно сравнил Большую Действующую армию со «стеной», за

²⁹⁸ *Щербатов А.П.* Указ. соч. Т. 6. СПб., 1899. С. 235.

²⁹⁹ Там же. С. 270-271.

которой Россия сравнительно спокойно смогла прожить минувший год. В письме от 2 января 1849 г. князь Варшавский был назван «зодчим и блюстителем» этой «стены»³⁰⁰.

Лишь положение в Венгрии, несмотря на некоторые успехи австрийских войск, продолжало вселять тревогу. С конца 1848 г. австрийское правительство вело переговоры на предмет получения от России военной помощи, однако, прямой просьбы вмешаться в борьбу с восставшей Венгрией от него не поступало.

Решение поддержать Австрию не выглядит спонтанным, необдуманном или противоречащим интересам России. Во-первых, территориальный распад империи Габсбургов мог вызвать нежелательные волнения польского населения Галиции, во-вторых, перспектива построения венгерского национального государства на территориях, где этнические мадьяры в общей сложности составляли едва ли половину населения³⁰¹, угрожала дестабилизировать обстановку не только в Венгрии, но и на Балканах. Наконец, без участия Австрии становилось невозможным сохранить докризисное положение в Германии, что в ближайшем будущем угрожало превратить центральную Европу в арену жестокой войны с неизбежным участием России.

В обстановке 1849 г., не зная будущего, Николай I выбирал между локальной операцией в Венгрии и непредсказуемой по своим последствиям большой войной, которая по опыту прошлого неизбежно должна была сопровождать слом европейского равновесия³⁰². Схожего мнения придерживался и князь Варшавский. Спустя полтора года после окончания Венгерского похода он писал Николаю: «Я всегда был того убеждения, что венгерская кампания необходимо должна быть закончена не далее как в три месяца, и притом с возможным сохранением нашей армии, так как дела Европы были тогда в таком положении, что война в Венгрии могла быть только

³⁰⁰ Там же. 267-268.

³⁰¹ Айрапетов О.Р. Внешняя политика Российской империи (1801-1914). М., 2006. С. 173. История внешней политики России. Первая половина XIX в. М., 1999. С. 358.

³⁰² История внешней политики России. Первая половина XIX в. М., 1999. С. 357.

началом большой Европейской войны. Я должен был с той же армией быть готовым двинуться в Германию»³⁰³.

Весной положение австрийских войск на театре войны осложнилось. В апреле противник занял Будапешт и стал угрожать Вене. Австрийский кабинет был вынужден просить помощи у Николая I. Некоторое время оставался нерешенным лишь вопрос о масштабах будущей военной акции. В случае использования в Венгрии сил одного корпуса, наиболее подходящей кандидатурой на роль командующего фельдмаршалу и Николаю I казался генерал-адъютант Ф.В. Ридигер³⁰⁴. Но постепенно необходимость решительной демонстрации силы побудила Николая I задействовать главные силы Действующей армии под личным руководством Паскевича.

Уже в начале 1849 г. неудача двух небольших русских отрядов, направленных командующим V-м пехотным корпусом генерал-адъютантом Лидерсом в Трансильванию для оказания помощи блокированным австрийским гарнизонам, окончательно убедила Николая I в необходимости действовать «всеми соединенными силами»³⁰⁵. К тому времени I-й пехотный корпус занимал квартиры в Литве и Белоруссии, II-й корпус находился в районе Варшавы и на прусской границе, III-й корпус располагался в южных воеводствах Царства Польского, а IV-й сосредоточился на Волыни. В Польшу также стягивались дивизии Гренадерского корпуса. В апреле 1849 г. русские войска вступили в австрийскую Галицию и заняли карпатские перевалы, предотвратив, таким образом, инфильтрацию революционных отрядов на территорию Галиции³⁰⁶.

Поход требовал серьезной предварительной подготовки. Для многочисленной и хорошо организованной Действующей армии разгром венгерского гонведа непосредственно на поле боя не мог вызвать серьезных затруднений. Основной проблемой должно было стать тыловое обеспечение.

³⁰³ *Меньков П.К.* Материалы для истории Венгерской войны // Военный Сборник. 1875. № 6. С. 205.

³⁰⁴ РГВИА. Ф. 14014. Оп. 1. Д. 64. Л. 1 об.

³⁰⁵ *Щербатов А.П.* Указ. соч. Т. 6. СПб., 1899. С. 277.

³⁰⁶ РГВИА. Ф. 14014. Оп. 1. Д. 64. Лл. 6-16.

Местные ресурсы не позволяли снабжать крупные массы русских войск в ходе их марша через Карпаты. А лежавшая за горными перевалами венгерская равнина в значительной степени была опустошена войной. По этой причине интендантство Действующей армии приступило к созданию сети промежуточных провиантских складов вдоль границы и сформировало огромный обоз. Уже тогда Паскевич особенно отмечал заслуги генерал-провиантмейстера армии полковника Ф.К. Затлера. По результатам кампании Затлер был произведен в генерал-майоры и в дальнейшем «постоянно пользовался лестным доверием» фельдмаршала³⁰⁷.

23 апреля 1849 г. австрийский канцлер князь Ф. Шварценберг обратился к Паскевичу с просьбой срочно прислать войска для защиты Вены. Не дожидаясь разрешения от Николая I, Паскевич направил по железной дороге в Вену сводную дивизию генерал-лейтенанта Ф.С. Панютина в составе одного полка 8-й, трех полков 9-й пехотной дивизии и 48 орудий. Это был первый опыт переброски русских войск по железной дороге. Панютину была дана строгая инструкция, запрещавшая дробить дивизию после того, как она поступит в состав австрийской армии.

Через несколько лет в разговоре с подполковником Генерального штаба П.К. Меньковым, который занимался написанием официальной истории Венгерского похода, фельдмаршал рассказывал, как в 1850 г. в Варшаве Николай I вспомнил данный эпизод в присутствии Паскевича и австрийского императора Франца Иосифа.

«Австрийский император говорил о влиянии не только на жителей Вены, но на население целой Германии, которое произвело появление русской дивизии у Градиша». Паскевич отвечал, что «посылая дивизию Панютина, я имел в виду спасение Вены и достижение нравственного влияния на мятежников и Германию, совершенно сознавая, что при обстоятельствах более несчастных дивизия могла погибнуть». Услышав это, Николай I взял Паскевича

³⁰⁷ Поливанов А.А. Очерк устройства продовольствия русской армии на придунайском театре в кампании 1853-1854 и 1877 гг. СПб., 1894. С. 51-52, 124.

за голову и произнес: «(...) Если бы дивизия погибла, то эта седая голова дорого бы поплатилась мне за риск самовольной отправки и за потерю 16.000 человек»³⁰⁸.

Венгерская полевая армия насчитывала, примерно, 135.000 чел. и 400 орудий, из которых 50.000 чел. и 209 орудий находились в главной армии под командованием генерала А. Гергея. В южной Венгрии против войск хорватского бана Й. Елачича действовали отряды генерала Г. Дембинского общей численностью примерно 30.000 чел. Трансильванию занимали силы Ю. Бема, доходившие до 32.000 чел.

Против венгерского гонведа выступили II-й, III-й и IV-й пехотные корпуса Действующей армии под непосредственным командованием Паскевича. Главные силы русских войск прошли карпатские перевалы и вторглись в Венгрию с севера. Войска V-го корпуса Лидерса из Молдавии и Валахии вступили на территорию Трансильвании с востока. Общая численность русских войск на театре войны доходила до 190.000 чел., из которых 175.000 чел. составляли боевые части. Гренадерский и I-й пехотный корпус остались на своих квартирах в Царстве Польском. Дивизии резервной кавалерии занимали Галицию. С запада венграм угрожала 90-тысячная австрийская армия, усиленная сводной дивизией Панютина. Общая численность русско-австрийских войск доходила до 260.000 чел. и 1200 орудий, что делало положение венгров практически безнадежным³⁰⁹.

3 июня 1849 г. русский авангард проследовал через перевал Дукла. Для облегчения марша по горным дорогам русские войска были разделены на несколько самостоятельных колонн, которые по сходящимся направлениям устремились на юг к городам Бартфельд, Эперьеш и Кашау.

«Князь Паскевич, – утверждала официальная история Венгерской кампании, – руководствовался мыслью, устремив значительные массы войск на важнейшие

³⁰⁸ Зайончковский А.М. Воспоминания о князе Варшавском графе Паскевиче-Эриванском (отрывок из дневника П.К. Менькова) // Русская Старина. 1897. Т. 89. № 2. С. 252.

³⁰⁹ Д.У. Поход в Венгрию в 1849 г. Три главы из записок офицера генерального штаба // Военный Сборник. 1860. Т. 14. № 7. С. 23.

стратегические пункты, подавить мятеж, отняв у неприятеля надежду на успех и по возможности решить участь войны без кровопролития»³¹⁰.

14 июня IV-й пехотный корпус под командованием генерала М.И. Чеодаева с целью уничтожения тыловой базы мятежников отделился от главных сил и двинулся на Токай и Дебрецен. Войскам Чеодаева было предписано ликвидировать в данных районах власть революционного правительства, а также заготовить на месте большие запасы продовольствия. В это время II-й и III-й корпуса выполняли серпообразное движение в направлении венгерской столицы и заняли Мишкольц, в котором задержались до 26 июня, поджидая отставшие обозы с провиантом.

Когда Гергей узнал о появлении русских войск на театре войны, он предпринял попытку оторваться от австрийцев и, уклоняясь от решительного сражения с армией Паскевича, отступить на юго-восток для соединения с отрядами Бема и Дембинского. Путь его лежал вдоль Дуная от крепости Коморн к г. Вайцен.

К 1 июля главные силы Паскевича сосредоточились у городка Хатван, в двух переходах от Будапешта и Вайцена, отрезав Гергею наиболее удобный путь отступления. Фельдмаршал рассчитывал полностью окружить Гергея, но не смог исполнить свой замысел. Австрийская армия, сосредоточенная под Коморном, вопреки обещанию, не преследовала венгров. Русский авангард под командованием генерала Г.Х. Засса также совершил ошибку. Вместо того чтобы навести противника на главные силы русской армии, он сам перешел в наступление и решительно атаковал неприятеля под Вайценом 3 и 5 июля 1849 г.

В результате Гергей прекратил марш на юг, избежал безнадежного для него генерального сражения и смог отступить через горные комитаты в направлении Мишкольца, то есть вышел на коммуникационную линию русской армии. Не сумев окончить войну одним сокрушительным ударом, Паскевич в дальнейшем действовал осторожно и методично. Цель фельдмаршала

³¹⁰ Очерк Венгерской войны 1848-1849 годов. СПб., 1850. С. 163.

заклучалась в том, чтобы добиться успеха гарантированно и с минимальными потерями. По свидетельству очевидца, Паскевич несколько переоценивал боевые качества венгерского гонведа³¹¹, поэтому он стремился избежать решительного боя при условии, когда бы главным силам Гергея противостоял лишь один русский корпус³¹². Но поскольку многочисленные обозы снижали подвижность русской армии, фельдмаршалу долгое время не удавалось сосредоточить против венгров более одного корпуса.

В донесении Николаю I главнокомандующий указывал, что Гергей «знает войну», и его можно уничтожить только «маневрируя, а не сражаясь», поскольку, по мнению фельдмаршала, «драться он не будет, сознавая свою слабость». И, как бы предвосхищая исход кампании, добавлял: «Я запрю его в кольцо, хотя мне трудно маневрировать, имея за собой 4000 повозок»³¹³.

В результате успешного марша через горные комитаты Венгрии Гергей вышел на сообщения русской армии под Мишкольцем. Попытки IV-го корпуса Чеодаева 11 и 12 июля опрокинуть противника не имели полного успеха. Гергей был вынужден уйти с русских коммуникаций, но смог избежать разгрома и отступить за р. Сайо.

По мнению М.Д. Лихутина, офицера генерального штаба, служившего в IV-м корпусе, невозможность зажать венгров в клещи объяснялась не одной лишь перегруженностью русской армии обозами. Несмотря на высокую оценку Лихутиным способностей Паскевича как главнокомандующего, он считал, что в действиях фельдмаршала прослеживалась не столько нерешительность, в которой его, впоследствии, часто обвиняла русская пореформенная историография³¹⁴, сколько стремление одновременно решить сразу две задачи: очистить от венгров

³¹¹ Лихутин М.Д. Записки о походе в Венгрию в 1849 г. М., 1875. С. 81. См. также: Николаи Л.П. Дневник, веденный им во время Венгерской кампании 1849 г. // Русская Старина. 1877. Т. 20. № 9. С. 120, № 10. 236-237

³¹² Там же. С. 156.

³¹³ Щербатов А.П. Указ. соч. Т. 6. СПб., 1899. С. 150-151.

³¹⁴ Ореус И.И. Описание Венгерской войны 1849 года. СПб., 1880. С. 325-326, 452-453.

коммуникационную линию армии у г. Мишколец и на р. Сайо, а также выполнить глубокий обход неприятельских сил через Тису у Дебрецена³¹⁵.

17 июня Гергей перешел на левый берег Тисы и направился в Банат на соединение с Дембинским. Но уже 21 июля Паскевич у Дебрецена уничтожил боковой венгерский отряд под командованием генерала Й. Надь-Шандора. К этому времени обстановка стала для мятежников безнадежной. Армии, на соединение с которыми спешил Гергей, перестали существовать. Бем в Трансильвании был разбит войсками А.Н. Лидерса. Южная армия под командованием Дембинского 28 июля оказалась разгромленной австрийцами в сражении под Темешваром. 1 августа 1849 г., признав невозможность дальнейшего сопротивления, Гергей у Вилагоша капитулировал перед войсками III-го корпуса Ридигера. За восемь недель Венгрия была усмирена.

В боях с противником русские войска продемонстрировали хорошую тактическую выучку. Причем особенно отличились вооруженные нарезными штуцерами стрелковые части, действовавшие в рассыпном строю. В боях под Мишкольцем цепь застрельщиков 4-го стрелкового батальона на сильно пересеченной местности удачно взаимодействовала с другими родами войск и рассеяла венгерский авангард с минимальными потерями³¹⁶.

Австрийцы отмечали высокие боевые качества линейной пехоты дивизии Ф.С. Панютина, которая сражалась в составе их армии³¹⁷. Стрелки сводной дивизии также показали себя с лучшей стороны. Например, штуцерные 2-й бригады 9-й пехотной дивизии под командованием генерала К.Р. Семякина в ходе переправы через Тису 24 июля эффективно выводили из строя артиллерийские расчеты венгерских батарей³¹⁸.

Главная квартира Действующей армии, по мнению Лихутина, работала слаженно и четко. Значительную роль в этом сыграл генерал-квартирмейстер армии генерал-лейтенант Р.К. Фрейтаг – в прошлом один из героев Кавказской

³¹⁵ Лихутин М.Д. Указ. соч. С. 221-230.

³¹⁶ Лихутин М.Д. Указ. соч. С. 176.

³¹⁷ Керсновский А.А. История русской армии. Т. 2. М., 1993. С. 84.

³¹⁸ Несколько слов о влиянии нового ручного огнестрельного оружия на артиллерию // Военный Сборник. 1859. Т. 6. № 3. С. 239-241.

войны. Получавший от него инструкции Лихутин вспоминал, что «все объяснения, делаемые генералом Фрейтагом, были ясны и точны; край был ему известен (без сомнения, по расспросам), как своя ладонь, и я находил после буквально так, как он рассказывал»³¹⁹.

За время похода армия потеряла 708 чел. убитыми и 2447 ранеными. От болезней, главным образом холеры, умерло 10.885 чел³²⁰. По сравнению с жертвами в ходе войн 1828-1831 гг. такие потери можно было признать умеренными. Это с удовольствием отмечал Николай I³²¹.

Боеспособность корпусов Действующей армии приобретала особенное значение по мере ухудшения отношений между Веной и Берлином. Уже в конце июля 1849 г. император Николай был вынужден констатировать, что «Пруссия и Австрия близки к разладу»³²². К концу года стала отчетливо вырисовываться опасность окончательного разрыва между двумя германскими державами. Размышления о положении в Европе не покидали Паскевича на протяжении всего Венгерского похода³²³, однако, в отличие от Николая I, фельдмаршал не склонен был считать австро-прусскую войну неизбежной. «Думаю, что война между Пруссией и Австрией не может возгореться, – писал Паскевич императору Николаю 17 декабря 1849 г. – Финансы обоих государств, особливо Австрии, так плохи, что насилу они со дня на день могут существовать. При этом Венгрия и Италия в таком бунтующем положении, что Австрии нельзя уменьшить число войск там находящихся, иначе опять будет бунт. Но если бы это случилось, – продолжал фельдмаршал, – то мы можем не входить в это дело и тогда только вступить в войну, когда другие, как то: французы и англичане войдут в оную, и взять ту сторону, которая будет ближе быть побежденной»³²⁴.

³¹⁹ Лихутин М.Д. Указ. соч. С. 69.

³²⁰ Керсновский А.А. Указ. соч. Т. 2. М., 1993. С. 88.

³²¹ Щербатов А.П. Указ. соч. Т. 6. СПб., 1899. С. 336-337.

³²² Там же. С. 323-324.

³²³ РГВИА. Ф. 14014. Оп. 1. Д. 64. Л. 1 об.

³²⁴ Щербатов А.П. Указ. соч. Т. 6. СПб., 1899. С. 192.

Хотя Николай I разделял точку зрения фельдмаршала на то, что «недостаток в деньгах может быть препятствием Австрии и Пруссии перессориться», он все же полагал, что противоречия крупнейших германских государств настолько непреодолимы, что они «не смогут никогда искренне сблизиться». Императора не покидали опасения, что явный разрыв Австрии и Пруссии способен «скорее всего завлечь в войну» и Россию. Поэтому Паскевичу было приказано к 1 апреля 1850 г. обеспечить полную боевую готовность Действующей армии³²⁵.

Амбиции Берлина в отношении собственного политического влияния в Германии имели давнюю историю. В 1814 г. на Венском конгрессе Пруссия прикладывала большие усилия для того, чтобы присоединить к своим владениям территорию Саксонского королевства – бывшего союзника Наполеона³²⁶. Этому решительно воспротивился Меттерних, поскольку Саксония со времен Фридриха Великого являлась буфером между Австрией и Пруссией. По решению Венского конгресса Берлин получил Вестфалию, обширные земли по левому берегу Рейна и некоторые северогерманские территории. Но к большому недовольству общественного мнения Пруссии в её состав вошла лишь северная часть Саксонии³²⁷.

8 июня 1815 г. была подписана федеральная конституция Германского союза. Создавался общегерманский сейм, в котором каждое из 34-х государств имело по одному представителю, но с разным количеством голосов. Председательство и ведущая политическая роль в союзе принадлежали Австрии. Таким образом, Венский конгресс фактически закреплял раздробленность Германии³²⁸.

В представлении русской дипломатии наиболее устойчивое равновесие в Европе могло быть достигнуто лишь при условии, если два наиболее сильных государства – Австрия и Пруссия – не будут иметь преобладающего влияния в

³²⁵ Там же. С. 350-351.

³²⁶ История внешней политики России. Первая половина XIX в. С. 120, 123.

³²⁷ Там же. С. 130.

³²⁸ Айрапетов О.Р. Указ. соч. С. 77-82.

Германском союзе³²⁹. Россия прагматично стремилась к тому, чтобы малые немецкие государства как можно дольше сохраняли свою самостоятельность.

По этой причине резкое охлаждение русско-прусских отношений в 1848 г. наступило не просто как следствие конституционных уступок королевского двора. Рост германского национального движения создавал предпосылки к возникновению в центральной Европе единого Германского государства с населением 45 млн. чел.³³⁰, что не могло не встревожить Николая I и его советников.

В прусской политике, несмотря на лавирование Фридриха Вильгельма IV между конкурирующими партиями, начали возникать признаки быстро нараставшей враждебности. Либеральные круги Пруссии более не желали мириться с той ролью, которую Россия играла в Германии после 1815 г. Для нейтрализации влияния Петербурга они готовы были предложить весьма радикальные рецепты. Барон Г. фон Арним, занявший 21 марта 1848 г. пост министра иностранных дел, открыто провозглашал необходимым восстановление независимого Польского королевства в виде барьера против России, которая в этом случае уже не могла бы препятствовать «воссозданию немецкой военной мощи»³³¹.

Поэтому, несмотря на глубокую неприязнь Николая I к французским революционным традициям, летом 1848 г. он посчитал необходимым сохранять с республикой дружественные отношения, в том числе и по той причине, что «внешнее давление со стороны Франции могло бы послужить нам противовесом против враждебных намерений наших соседей»³³².

Исходя из тех же мотивов, в 1849 г. русская дипломатия сделала ставку на тесный союз с Австрией. Сохранение целостности империи Габсбургов препятствовало Пруссии добиться гегемонии в германских делах³³³. Перед лицом русско-австрийского альянса Берлин не смог поддержать открытой силой свои претензии на политическое доминирование в Германии.

³²⁹ История внешней политики России. Первая половина XIX в. С. 142.

³³⁰ Там же. С. 351.

³³¹ Там же. С. 353.

³³² Там же. С. 352-353.

³³³ Там же. С. 358.

Опыт первой современной мобилизации, предпринятой прусским Генеральным штабом в мае 1850 г., завершился громким провалом³³⁴. На железных дорогах воцарились хаос и неразбериха. Единых мобилизационных расписаний и графиков движений поездов не существовало, как не существовало и самого понятия о необходимости составления для железных дорог расписания военного времени. Перевозки войск и снаряжения осуществлялись под контролем Министерства торговли, о выделении военного персонала в эшелоны и на станции командование заблаговременно не позаботилось.

Офицеры русского Генерального штаба, составлявшие в 1856-1857 гг. записку о проблемах железнодорожного строительства, ссылались на опыт Германской революции 1848-1849 гг., когда затрагивали вопрос подготовки железных дорог к мобилизации. По их мнению, лишь непосредственно столкнувшись с революционной анархией, прусский генералитет к ужасу своему осознал, что «командующие войсками совершенно были предоставлены доброй или злой воле по большей части демократических управлений и чиновников железных дорог»³³⁵.

Мобилизация 490.000 чел. потребовала более 2-х месяцев. Примечательно, что по планам, составленным в 1840 г. на случай войны с Францией, такой срок предполагался для мобилизации войск без использования железнодорожного транспорта. Пополнение частей до штатов военного времени также оказалось сорвано, артиллерии и обозам не хватало лошадей.

Австрия, несмотря на тяжелый финансовый кризис и вызванное им постепенное сокращение боевого состава войск, все еще располагала внушительными силами. В ноябре 1849 г. её армия насчитывала 469.738 чел. по спискам и 368.535 чел. в строю³³⁶. К марту 1850 г. в её составе числилось, соответственно, 421.461 чел. по спискам и 369.291 чел. в строю³³⁷. Содействие Большой Действующей армии приобрело бы для австрийцев решающий характер.

³³⁴ *Bucholz A. Moltke, Schlieffen and Prussian war planning. Oxford, 1993. P. 36.*

³³⁵ РГВИА. Ф. 38. Оп. 5. Д. 728. Л. 4 об.

³³⁶ Там же. Ф. 14014. Оп. 2. Д. 39. Лл. 1-5.

³³⁷ Там же. Лл. 149-150.

Давление со стороны Вены и Петербурга, а также провал собственной мобилизации вынудил Пруссию согласиться на так называемое «ольмюцкое унижение». 29 ноября 1850 г. в г. Ольмюц при посредничестве России была подписана конвенция, по которой Пруссия отказывалась от претензий на политическое доминирование в немецких землях в пользу Австрии. Берлин не смог воплотить в жизнь свое первоначальное намерение, предполагавшее создание унии из 26 германских государств. Произошло фактическое возвращение к политическим принципам 1815 г., закреплявшим раздробленность немецких земель.

В дальнейшем по мере укрепления режима личной власти Луи Наполеона и при постепенном нарастании военной угрозы со стороны Франции Берлин и Вена ощутили потребность в нормализации отношений. Договор от 16 мая 1851 г. вновь восстанавливал союз между непримиримыми прежде антагонистами³³⁸. 8 января 1852 г. стороны подписали военную конвенцию, а в мае 1852 г. – общий договор, направленный на военно-политическое сдерживание Франции³³⁹, которую Николай I по-прежнему рассматривал как главный источник военно-политической нестабильности на континенте.

Европейские кризисы 1830-1833 гг. и 1839-1841 гг. ясно указывали Николаю I как на стремление Парижа к пересмотру ограничительных статей Венского трактата 1815 г., так и на возможный рецидив французской экспансии в Бельгии и на Рейне. Приблизительное повторение в значительных масштабах сценария Наполеоновских войн долгое время оставалось возможным и после смерти Бонапарта³⁴⁰.

Военный потенциал Пруссии во второй четверти XIX в. ещё не позволял Берлину рассчитывать на успех в случае войны против Франции один на один. Прочность же австро-прусского альянса была невысока. Борьба за лидерство в Германии порождала между союзниками настолько сильный антагонизм, что

³³⁸ История внешней политики России. Первая половина XIX в. С. 360.

³³⁹ Rothenberg G.E. The army of Francis Joseph. West Lafayette, Indiana, 1976. P. 49.

³⁴⁰ Дебидур А. Дипломатическая история Европы. Священный союз. От Венского до Берлинского конгресса. 1814-1878. Т. 1. Ростов-на-Дону, 1995. С. 267-268, 275-277, 285-289, 335-337, 346-366.

сплотить их могла лишь непосредственная военная опасность. Эти обстоятельства превращали русскую армию в решающую силу на театре возможной войны в Германии. Её возросшая боевая мощь в сочетании с передовой стратегической позиции в Царстве Польском, в отличие от ситуации 1805-1807 и 1813 гг., позволяла русско-прусскому союзу рассчитывать на победу и без помощи Австрии.

Развитая тыловая инфраструктура, созданная в Польше 1830-е гг. была незаменима в том случае, если бы русской армии довелось действовать против французов в союзе с Пруссией. Выдвинутый на запад операционный базис сокращал сроки развертывания русских корпусов, что увеличивало шансы на своевременное соединение Действующей армии с пруссаками.

Лишь полное изменение военно-политической обстановки после 1871 г. изменит и роль передового театра на Висле. В результате создания объединенной Германской империи и, затем, оформления её союза с Австро-Венгрией, польский выступ окажется окруженным с трех сторон. Его оборона превратится для России в трудноразрешимую стратегическую проблему.

Второй после сдерживания Франции целью военного планирования в эпоху Николая I было предотвращение возможного отхода Пруссии от союза с Россией. В 1840-е гг., по мере того как Пруссия под влиянием немецкого национализма демонстрировала всё меньшую готовность мириться с начертанным в 1815 г. политическим устройством Германии, подобный оборот событий уже нельзя было полностью исключить. Однажды французская дипломатия могла попытаться лишить Россию союзника, предложив Берлину более выгодные условия сотрудничества.

В условиях революционного взрыва угроза существующему политическому порядку в Германии неожиданно стала исходить не от Франции, а от союзной Пруссии. Это обстоятельство предопределило значительное охлаждение русско-прусских отношений и переход Николая к более тесному союзу с Австрией. Изучение военно-стратегического контекста Венгерского похода и Ольмюцкой конвенции показывает, что за внешней политикой

императора стоял не столько пресловутый принцип монархической солидарности, сколько ясное понимание интересов России. Едва ли был прав А.А. Керсновский, называвший николаевскую политику 1848-1850 гг. «донкихотством» и «применением обывательской морали к государственной жизни»³⁴¹. Изменение политического ландшафта Германии означало бы неизбежное нарушение баланса сил в Европе, что в тех условиях могло иметь непредсказуемые последствия. Желая избежать этого, Николай I бросил на чашу весов весь военно-политический авторитет России.

Усилия императора увенчались успехом. Но, несмотря на то, что именно Николай I внес решающий вклад в предотвращении большой европейской войны, цена мирного разрешения конфликта, впоследствии, оказалась для России высока. Уже через несколько лет в ходе следующего международного кризиса она столкнется с беспрецедентной по масштабам и глубине международной изоляцией.

Его же главный военный советник после победоносного завершения Венгерского похода оказался в зените своей воинской славы. «Счастливая звезда фельдмаршала, – как написал современник, – ему не изменила»³⁴².

Император открыто называл Ивана Федоровича «славой моего 25-летнего царствования» и «историей царствования Николая I». 50-летний юбилей службы Паскевича в рядах русской армии отмечался в сентябре 1850 г. как государственный праздник. Отныне в нарушение Устава 1846 г. русским войскам даже при личном присутствии монарха было приказано оказывать князю Варшавскому императорские почести.

Нет большого секрета в том, что военная среда по природе своей является остроконкурентной. Следовательно, стремительное восхождение генерала неразрывно связанного с именем такой противоречивой исторической фигуры, каким был император Николай I, неизбежно сопровождалось разногласием сначала в профессиональных, а затем и в политических оценках.

³⁴¹ Керсновский А.А. Указ соч. Т. 2. М., 1993. С. 91.

³⁴² Николаи Л.П. Указ. соч // Русская Старина. 1877. Т. 20. № 11. С. 397.

На страницах мемуаров, дневников, писем и воспоминаний современников рисовался не слишком привлекательный образ. При этом попытка ретроспективно разобраться в его заметных контрастах отечественной исторической наукой практически никогда не предпринималась.

Литературная традиция, связанная с громким восхвалением победоносного вождя русских войск, начала складываться в конце 1820-х гг. трудами Е.Б. Фукса, в прошлом адъютанта А.В. Суворова³⁴³. Ивану Федоровичу льстила попытка Фукса сравнить его подвиги на Кавказе с суворовскими³⁴⁴.

Примерно в те же годы история с отставкой Ермолова положила начало традиции противоположной. Опала Алексея Петровича тяжело переживалась московским дворянством. На страницах записок Д.В. Давыдова якобы со слов А.С. Грибоедова, Паскевич представал «несносным дураком, одаренным лишь хитростью, свойственной хохлам»³⁴⁵. Автор записок разделял это мнение. Его же перу принадлежала полулегендарная фраза, приписанная им отцу Паскевича: «що геній, то негеній, а що везе, то везе»³⁴⁶. Примечательно, что гусарский поэт практически ни о ком из героев своих воспоминаний не имел привычки говорить хорошо. Даже о Ермолове, которому, казалось бы, симпатизировал. Обо всех остальных участниках тогдашних событий: А.С. Грибоедове, А.А. Вельяминове, В.Г. Мадатове и И.И. Дибиче он отзывался с плохо скрываемым презрением.

Ермолов, как впоследствии и К.Ф. Толь, не смог простить обиды до конца жизни. Осенью 1831 г. в Москве в ответ на предложение А.Х. Бенкендорфа вернуться на службу Алексей Петрович ответил: «Государь властен приказать мне это, но никакая сила не заставит меня служить вместе с Паскевичем»³⁴⁷. А, по словам близко его знавшего А.Я. Стороженко, Ермолов «говорил, что и в

³⁴³ Фукс Е.Б. Похвальное слово графу Паскевичу-Эриванскому, читаемое в беседе его друзей. М., 1830.

³⁴⁴ Паскевич И.Ф. О пользе изучения деяний великих полководцев и о своих действиях. Письмо И. Паскевича – Егору Борисовичу Фуксу // Русская Старина. 1902. Т. 111. № 7. С. 44.

³⁴⁵ Давыдов Д.В. Записки Дениса Васильевича Давыдова в России цензурой не пропущенные. Лондон – Брюссель, 1863. С. 46.

³⁴⁶ Там же. С. 50.

³⁴⁷ Там же. С. 62.

гробе не забудет он ему зла, которое терпит и, конечно, до гроба терпеть будет». «Он бил меня даже лежащего» – часто повторял Ермолов»³⁴⁸.

Генерал А.Я. Стороженко был умным, тонким и очень проницательным мемуаристом. Прослужив много лет в Варшаве под начальством фельдмаршала, он совершенно справедливо указывал: «Чтобы судить о деле, надобно слышать две противные в нем стороны. Я слушал и Светлейшего и А.П. Ермолова о столкновениях их в Грузии, и мне кажется, что последний имеет более причин к нареканиям; но в падении его, однако же, виновен не один Светлейший, хотя Ермолов его наиболее обвиняет в том»³⁴⁹.

В характере Паскевича были черты, отмечавшиеся всеми без исключения современниками, как не симпатизировавшими ему, так и искренне преданными фельдмаршалу; например, его земляком – Стороженко. Полководец был упрямым, раздражительным, болезненно подозрительным, исключительно самолюбивым и самоуверенным человеком. Однако мужество и хладнокровие Паскевича под огнем отмечал даже К.Ф. Толь.

В 1813 г. под Дрезденом Стороженко стал личным свидетелем того, как Паскевич под градом пуль отвечал артиллерийскому офицеру, спросившему его: «прикажете ли здесь стоять до последнего человека или принять несколько в сторону?» – «Увидим», отвечал Паскевич, «что Вы, сударь, так беспокоитесь?»³⁵⁰

В то же время Толь отказывался признавать за ним какие-либо военные способности³⁵¹, называл его человеком «от природы очень посредственного ума»³⁵². Профессор Военной академии Н.Д. Неелов считал, что записки графа Толя «недостойны автора». «Цель их, – по его мнению, – состояла не в том, чтобы представить все события в истинном виде, осветив их духом строгой, но

³⁴⁸ *Стороженко А.Я.* Отрывки из воспоминаний // Стороженки: семейный архив. Т. 1. Киев, 1902. С. 364.

³⁴⁹ Там же. С. 424.

³⁵⁰ *Стороженко А.Я.* Указ. соч. С. 417.

³⁵¹ *Сушков Н.В.* Воспоминания о графе К.Ф. Толе // ЧОИДР. 1865. № 4. С. 213-214.

³⁵² *Толь К.Ф.* Краткий дневник пребывания моего в Действующей армии в минувшую польскую войну со времени прибытия фельдмаршала графа Паскевича-Эриванского к оной до отъезда моего в Санкт-Петербург. М., 1867. С. 4.

беспристрастной критики, нет, – это было желание унижить Паскевича и показать его неспособность командовать армией»³⁵³. Так же думал и сенатор К.Н. Лебедев³⁵⁴.

В конце 1827 г. генерал-адъютант К.Х. Бенкендорф, возвратившийся из Кавказского корпуса, в гостях у управляющего III Отделением М.Я. фон Фока рассказывал Стороженко, что «фельдмаршал имеет весьма много военных достоинств, а особенно в момент битв; но что он характера недоверчивого и подозрительного»³⁵⁵.

Успех на полях сражений давался непросто. В письме великому князю Михаилу Павловичу Паскевич откровенно описывал трудности войны на Кавказе и то постоянное напряжение, которое он испытывал: «Если когда-нибудь удостоюсь явиться в присутствие Ваше, то узнать меня будет нелегко. Бессонные ночи в течение долгого времени, отсутствие спокойствия, смена непрерывных путешествий, неприятностей всякого рода (...), наконец климат (...), всё это преобразило меня совершенно, и я устарел прежде времени»³⁵⁶.

На тот же фактор боевого стресса фельдмаршал ссылался, когда объяснял происхождение своей несдержанности и раздражительности. «Характер мой даже совсем изменился, – утверждал Паскевич. – Требуя часто невозможного от людей и обстоятельств, нельзя сохранить себя в обыкновенном положении души. Желание исполнить более нежели долг свой – чрезмерно; препятствия раздражают и поневоле взыскивается часто и много, а это никому не нравится»³⁵⁷.

Ряд свидетельств говорит о том, что под влиянием военных успехов вспышки ярости стали возникать у командующего заметно реже и к нему возвращалось душевное равновесие. «Со взятия Эривани и перехода за Аракс, Паскевич из брюзгливого мелочно-взыскательного начальника превратился в

³⁵³ *Неелов Н.Д.* Воспоминания о польской войне 1831 г. СПб., 1878. С. 210.

³⁵⁴ *Лебедев К.Н.* Из записок сенатора К.Н. Лебедева // Русский Архив. 1888. Т. 4. С. 627.

³⁵⁵ Там же. С. 418.

³⁵⁶ *Щербатов А.П.* Указ. соч. Т. 3. СПб., 1891. С. 96.

³⁵⁷ Там же.

доброе, заботливое»³⁵⁸. Н.Н. Муравьев также указывал на то, что с годами характер полководца изменился в лучшую сторону, и припадки ярости практически прекратились³⁵⁹.

Когда генерал В.А. Потто, автор истории Кавказской войны, сталкивался с мнением о Паскевиче как о храбром, но лишенном глубоких военных дарований и способностей генерале, он отвечал, что еще И.И. Михельсон – военачальник, которого сам Паскевич считал своим учителем в военном искусстве – «опытным глазом оценил в Паскевиче нечто более одной заурядной храбрости»³⁶⁰. Но Потто утверждал также, что «Паскевич принадлежал к числу тех, кто не выносит около себя никаких независимых суждений, кто за каждым самостоятельным и громко выраженным мнением способен заподозрить стремление играть первенствующую роль, обнаружить влияние и даже заслонить собой заслуги начальника»³⁶¹.

В противоречиях, составлявших натуру фельдмаршала, пытался разобраться душевно к нему привязанный А.Я. Стороженко. Выходец, как и Паскевич, из Малороссии, он со свойственной ему иронией приходил к выводу, что «есть характеры непонятные: смешение откровенности со скрытностью; теплоты чувств с равнодушием; ума с неумением вести себя; храбрости против неприятеля с малодушием в других случаях; упрямства с легкостью; щедрости со скупостью и т.п. – представляет такой труд в определении человека, что русские, вероятно ломая над сим голову, назвали смесь эту бестолочью»³⁶²... Сложно не согласиться с этим замечанием.

Мелочность и страсть к самовосхвалению уживались в Иване Федоровиче с отвагой и талантом крупного военачальника. Эгоизм, тщеславие, упрямство и подозрительность органично сосуществовали с добродушием и некоторой

³⁵⁸ Андреев В. Ермолов и Паскевич // Русский Архив. 1873. Кн. 2. № 8. С. 1571, 1583.

³⁵⁹ Муравьев Н.Н. Записки Николая Николаевича Муравьева-Карского // Русский Архив. 1889. № 11. С. 276.

³⁶⁰ Потто В.А. Кавказская война. Т. 3. Ставрополь, 1994. С. 145.

³⁶¹ Там же. С. 361.

³⁶² Стороженко А.Я. Указ. соч. С. 383.

сентиментальностью. Неумение грамотно писать³⁶³ не мешало князю Варшавскому составлять выдающиеся документы по дипломатической и военно-стратегической части. «(...) Писанные от его имени доклады вызывали восторг, как со стороны стиля, так и содержанием»³⁶⁴.

Едва ли не с первой встречи Стороженко и молодого капитана Паскевича, случившейся в Яссах в 1809 г., он показался ему «человеком добрым, благородным и как земляк с тех пор вспоминался мной с удовольствием и похвалами»³⁶⁵. «Человек он доброго сердца, смелого духа, с прекрасной памятью, с умом часто весьма проницательным»³⁶⁶. Отличную память Паскевича отмечал также декабрист А.С. Гангеблов, служивший в Кавказском корпусе³⁶⁷.

«Иногда видны в нем, – продолжал Стороженко, – проблески благородных черт характера: восхищение добрым поступком, участие в горе другого, женерозность³⁶⁸; но тут же следует эгоизм и готовность пожертвовать каждым по своим видам или для своего оправдания»³⁶⁹. Ретроспективные размышления над блистательной карьерой Паскевича приводили Стороженко к выводу, что «первые качества, кажется, были господствующими в нем до его большей известности; а последние приобретены им в жизни петербургской, где он видел необходимость искательства, лести и скрытности. Без этого едва ли он мог бы возвыситься при всей своей храбрости»³⁷⁰.

Д.Е. Остен-Сакен, начальник штаба Паскевича на Кавказе, вспоминал главнокомандующего в связи с историей назначения Н.Н. Муравьева командиром отдельной Кавказской гренадерской бригады. «Зная характер графа Ивана Федоровича, я принял способ просить всегда противоположного

³⁶³ Там же. С. 418.

³⁶⁴ *Алавердянц М.Я.* Граф Иван Федорович Паскевич и его деятельность на Кавказе в очерках армянского историка. 1782-1912. СПб, 1912. С. 6-7.

³⁶⁵ *Стороженко А.Я.* Указ. соч. С. 418.

³⁶⁶ Там же. С. 429.

³⁶⁷ *Гангеблов А.С.* Воспоминания // Русский Архив. 1886. Кн.2. № 6. С. 263.

³⁶⁸ «Женерозность» здесь: великодушие, благородство, щедрость. От фр. «générosité».

³⁶⁹ *Стороженко А.Я.* Указ. соч. С. 429.

³⁷⁰ Там же. С. 429.

тому, чего хотел достигнуть. (...) Желяя для пользы службы дать бригаду эту Муравьеву, я при докладе говорю главнокомандующему: – «Вообразите себе, какое неумеренное желание высказал мне вчера Муравьев: только что произведен в генералы и желает гренадерской бригады; не рано ли»? – «Как рано? Он заслужил её вполне. Сегодня же принесите к моей подписи представление!»³⁷¹

Обладавший огромной властью и практически неограниченным доверием Николая I, властный, резкий, вспыльчивый, но одновременно отходчивый «отец-командир» далеко не всегда считал нужным сдерживаться в присутствии подчиненных. «(...) Воевода русских сил, – рассуждал современник, передавая настроения наиболее остро критиковавших фельдмаршала офицеров штаба армии, – и в мирное спокойное время при случаях для него неприятных, особенно при личных противоречиях, оказывал самодурство, а в продолжение Венгерской войны он просто-напросто был ужасен в своей раздражительности и почтен титулом б... с...»³⁷².

Во время Венгерского похода 1849 г. генерал-квартирмейстера Действующей армии Р.К. Фрейтага, в прошлом блестящего кавказского генерала и героя Даргинской экспедиции 1845 г., Паскевич обозвал дураком. Однако затем настоял на награждении его орденом Св. Георгия 3-й степени, хотя по признанию самого Фрейтага он не совершал в Венгрии ничего такого, за что мог бы получить столь высокую награду. Паскевич объяснил, что Фрейтаг получил её «за бывшие подвиги на Кавказе, достойные сего ордена, к которому граф Воронцов должен был его тогда же представить, но не представил»³⁷³. А когда Фрейтаг вскоре неожиданно заболел и умер, Паскевич, по свидетельству П.К. Менькова, тяжело и искренне горевал.

Представляется, что прав был подполковник генерального штаба П.К. Меньков, состоявший по особым поручениям при штабе Действующей армии,

³⁷¹ *Остен-Сакен Д.Е.* Николай Николаевич Муравьев в 1828-1856 гг // Русская старина. 1874. Т. 11. № 11. С. 536. См. также: *Потто В.А.* Указ. соч. С. 148.

³⁷² *Докудовский В.А.* Воспоминания. Рязань, 1898. С. 113-114.

³⁷³ Там же.

когда уподобил своего грозного начальника русскому барину, готового казнить и миловать по своему произволу. Меньков на страницах своего дневника достаточно много размышлял о фельдмаршале. Он находил, что Паскевич «отличался необыкновенным самолюбием, недоверчивостью и какой-то странной боязнью, что его не вполне ценят, уважают только из страха к его могуществу, что его не любят, и каждый даже близкий к нему человек, если не явно, то внутренне над ним посмеивается. Эта мысль постоянно его мучила, а потому, зная эту болезнь, во всех отношениях с ним необходима была крайняя осмотрительность; каждое слово и действие приходилось обдумывать и взвешивать»³⁷⁴.

Однажды в ходе совместной поездки с фельдмаршалом Меньков неосторожно позволил себе улыбнуться в ответ на очередной хвастливый рассказ о гениальных военных соображениях Паскевича в Персидском походе. «Варшавский Архистратиг» рассвирепел и высадил его из экипажа прямо на дорогу³⁷⁵. Однако тот же Паскевич, помня о трудном материальном положении Менькова, постоянно помогал ему деньгами³⁷⁶.

Странную готовность фельдмаршала подозревать в собеседнике скрытую насмешку или недостаточное к нему почтение отмечал и В.А. Докудовский, правитель канцелярии начальника штаба Действующей армии князя М.Д. Горчакова, впоследствии служивший в Польше в аудиториате³⁷⁷.

Скромность явно не относилась к числу добродетелей князя Варшавского. Генерал-адъютант Д.Е. Остен-Сакен однажды рассказывал А.Я. Стороженко, что «раз он представлял по должности начальника штаба фельдмаршалу о храбрости войск и об отличии офицеров Кавказского корпуса». Фельдмаршалу это не понравилось, он оборвал Остен-Сакена и сказал ему при этом: «(...) Что вы хвастаете с вашими войсками? Мне, сударь,

³⁷⁴ Меньков П.К. Воспоминания о князе Варшавском графе Паскевиче-Эриванском // Русская Старина. 1897. Т. 89. № 2. С. 249.

³⁷⁵ Там же. С. 249-250.

³⁷⁶ Меньков П.К.. Воспоминания... С. 234, 250.

³⁷⁷ Докудовский В.А. Указ. соч. С. 26, 59.

дай жидов в команду и я побью с ними турок!»³⁷⁸ Сам же Паскевич, спустя много лет, объяснял свой резкий ответ необходимостью изменить тон суждений Остен-Сакена: «весьма часто неуместных и всегда ненужных»³⁷⁹...

Сосланный на Кавказ А.С. Гангеблов вспоминал командующего: «Генерал, еще молодой, но приобретший громкую известность, как один из богатырей отечественной войны, отменно скромный, даже молчаливый, что отражалось во всей его прекрасной наружности, всем этим Паскевич привлекал к себе симпатии войска и общества. Но после своих успехов в Персии он стал совсем иной: со своими штабными он сделался суров, требователен, раздражителен, подозревал против себя интриги, а в ком видел своего врага, того не щадил и пятнал во всеуслышание».

После окончания похода 1829 г. на торжественном собрании в Тифлисе в присутствии ряда генералов и представителей дипломатического корпуса Паскевич зачитывал официальную реляцию кампании. «В этой речи, – утверждал Гангеблов, – перечислено было множество имен великих полководцев, начиная Александром Македонским и кончая Наполеоном. При этом оратор долго останавливался на генерале Бонапарте, египетская экспедиция которого далеко не выдерживает, по его словам, сравнения с его последней кампанией, и это тем более, что ему приходилось бороться с величайшими затруднениями по части продовольствия войск, тогда как генералу Бонапарту операции эти давались легко морским путем; словом сказать, фельдмаршал только что не прямо провозгласил себя первым полководцем всех веков». Присутствовавший при этом французский консул Гамба, как и полагается дипломату, «слушал с почтительным вниманием, но не без тонкой иронии в чертах лица, чего оратор в жару повествования не замечал»³⁸⁰.

Иногда чувствовалась какая-то странная ревность Паскевича по отношению к выдающимся военачальникам из числа современников. В 1846-

³⁷⁸ *Стороженко А.Я.* Указ. соч. С. 418.

³⁷⁹ Там же. С. 419.

³⁸⁰ *Гангеблов А.С.* Указ. соч. С. 258-259.

1848 гг. свидетелем не всегда почтительных высказываний фельдмаршала о И.И. Дибиче во время поездки из Варшавы в Петербург становился его военный секретарь полковник генерального штаба А.Ф. Филиппов³⁸¹. В феврале 1851 г., получив известие о производстве австрийского фельдмаршала Й. Радецкого в генералиссимусы, князь Варшавский счел себя оскорбленным. «Он (...) объявил, что его, Паскевича, никто еще не сравнивал с Суворовым, а, напротив, все окружающие и подчиненные ему, где соберутся двое или трое, непременно ругают и порочат его»³⁸². Возмущался князь Варшавский даже тогда, когда в Лондоне на банкете по случаю похорон Веллингтона, представлявший там Россию М.Д. Горчаков, в застольной речи сравнил покойного Железного Герцога с русским фельдмаршалом. «Старец гневался на оратора (...) за то, что он навязал ему систему Веллингтона, тогда как он имел свою собственную систему»³⁸³.

Гипертрофированное самомнение Паскевича, когда он в азарте был способен поставить себя выше Румянцева, Суворова и Кутузова коробило даже таких преданных фельдмаршалу людей, как Стороженко: «(...) Если бы Светлейший выражался в подобных случаях с принятой обыкновенно умеренностью (...) это было бы прекрасно; а как он, напротив того, приписывает все гениальным своим соображениям, то блеск подвига теряет свою яркость подобно тому, как подвергаются сомнению виденные им во всем против него интриги. (...) Сравнить себя с Румянцевым, Суворовым и Кутузовым, а тем менее считать подвиги их даже в военном отношении ниже своих, ему бы не следовало. Этим он не возвышает себя, а непрерывными повторениями о гениальных соображениях своих (...) ослабляет мнение об истинном достоинстве человека, достигшего столь высокой степени»³⁸⁴.

Гангеблов однажды стал свидетелем того, как во время штурма Карса командующий устроил разнос полковнику Л.А. Лазареву, когда тот доложил,

³⁸¹ *Филиппов А.Ф.* Воспоминания о князе И.Ф. Паскевиче-Эриванском // Древняя и Новая Россия, 1878. Т. 1. С. 84.

³⁸² *Докудовский В.А.* Указ. соч. С. 139.

³⁸³ Там же. С. 152.

³⁸⁴ *Стороженко А.Я.* Указ. соч. С. 424, 428.

что русские войска «сильно шалют и бесчинствуют в городе». Услышав такое, Паскевич закричал: «Что такое? Небось грабят! Как вы смеет мне об этом докладывать? Вы ничего не знаете, вы ничего не читали; на это надо смотреть вот как!» При этом он поднес к глазам своим раздвинутые пять пальцев. «Вы разве не знаете, как Суворов брал города?»³⁸⁵

Очевидец штурма, британский военный наблюдатель полковник У. Монтейт свидетельствовал, что погромы и грабежи в Карсе были решительно и быстро пресечены русским командованием³⁸⁶. Британский разведчик считал Паскевича выдающимся полководцем и высказал любопытное предположение, что его грубость и заносчивость, возможно, являлись именно следствием подражания Суворову. «В своих действиях Паскевич отличался, как холодным обдумыванием, так и быстрым исполнением принятого решения» – писал Монтейт. И тут же добавлял: «О нем можно сказать (перефразируя эпиграмму на Карла II), что он редко говорил умные вещи, но никогда не делал глупостей»³⁸⁷.

Известный непотизм Паскевича также не ускользал от внимания критиков фельдмаршала. Стороженко полагал, что «покровительство старых сослуживцев – черта в характере прекрасная; но эпохи, положения, дело и обязанность бывают весьма различны: что в Азии хорошо, то в Европе весьма недостаточно. Управление канцелярией корпусного командира не то, что управление дежурством огромной армии; в этой пропорции всё разнствует между Грузией и Царством Польским, и вызванные из-за Кавказа люди, деловые по тамошнему, нисколько не пригодны для здешнего управления». И задавался риторическим вопросом: «(...) Думает ли фельдмаршал в самом деле, хваля способность и разум людей своих, что они имеют приписываемые им достоинства, или желает мистифицировать тем истинно способных, чтобы они не зазнались и чтобы не почитали себя необходимыми. Но это и беспрестанные

³⁸⁵ Гангеблов А.С. Указ. соч. С. 249-250.

³⁸⁶ Monteith W. Kars and Erzeroum: with the campaigns of prince Paskiewitch in 1828 and 1829; and an account of the conquests of Russia beyond the Caucasus from the time of Peter the Great to the treaty of Turcoman Chie and Adrianople. L., 1856. P. 166.

³⁸⁷ Op. cit. P. 302-303.

повторения, что ему ни в ком нет нужды, что у него всякий хорош и что он всё сам делает, отнимая охоту трудиться, производит тунеядцев»³⁸⁸.

Со стороны казалось, будто фельдмаршал сознательно стремился «удерживать людей, назначаемых им на места не по способностям, а потому что они у него давно служат, и что под ним всякий хорош: поелику он сам, как говорит, делает всё, всех учит и направляет, и его администрации дивится Европа, как удивлялась военным подвигам»³⁸⁹. Фраза «у меня нет беспорядков и злоупотреблений»³⁹⁰ регулярно произносилась наместником. Паскевича отличал «особенный свой взгляд на дела и людей; одна привычка к некоторым и грубая лесть их всегда находят в нем защиту»³⁹¹.

Раздражительность и несдержанность также сказывались на репутации полководца. Князь С.С. Урусов в 1854 г. в ходе Дунайской кампании поведал однополчанам историю, произошедшую где-то в середине 1840-х годов. Урусов приехал в Варшаву из Петербурга со срочным пакетом от императора. Когда Урусов рискнул зайти без доклада в кабинет к спавшему на софе наместнику, Светлейший запустил в него сапогом и обложил градом отборных ругательств³⁹².

Главной жертвой нападок фельдмаршала, как правило, выступал начальник штаба армии князь М.Д. Горчаков. Мягкий по характеру Горчаков, как свидетельствовал практически ежедневно общавшийся с ним Докудовский, дал Паскевичу жесткий отпор лишь однажды – в Венгрии летом 1849 г.

Там же в Венгрии разозленный фельдмаршал под аккомпанемент площадной брани угрожал повесить генерал-провиантмейстера барона Ф.К. Затлера. На одного из лучших в русской армии корпусных командиров генерал-адъютанта Ф.В. Ридигера фельдмаршал также обрушивался с обидными и

³⁸⁸ *Стороженко А.Я.* Указ. соч. С. 381-382.

³⁸⁹ Там же. С. 397.

³⁹⁰ *Докудовский В.А.* Указ. соч. С. 147.

³⁹¹ *Стороженко А.Я.* Указ. соч. С. 409-410.

³⁹² За много лет. Записки неизвестного 1844-1874 годов. СПб., 1897. С. 53-56.

несправедливыми упреками. А генерал-адъютанта И.Р. Анрепа однажды так и вовсе «схватил за грудь»³⁹³.

Стоит ли удивляться тому обстоятельству, что и Ридигер, и Горчаков в годы Крымской войны делали все, чтобы хотя бы частично выйти из-под тиранической опеки князя Варшавского? Стоит ли удивляться, что в 1855 г. опытный Ридигер, возглавляя комиссию для улучшений по военной части, советовал императору Александру II расформировать боевое управление Действующей армии под тем предлогом, что оно «сковывало инициативу корпусных командиров»³⁹⁴?

Князь Варшавский, скорее всего, подсознательно ощущал настороженное к себе отношение, как со стороны петербургского высшего света, так и со стороны старой московской аристократии, которая после возвращения в Первопрестольную уволенного с Кавказа Ермолова встретила опального генерала овацией³⁹⁵.

Докудовский вспоминал, как «в 1848 г. (...) при одной крутой мере, клонившейся к недопущению беспорядков, будучи в сильно возбужденном состоянии духа и негодуя за что-то на Москву, Паскевич произнес: «Москва говорит, что я выскочка, что у меня здесь (тыкнув пальцем в голову) ничего нет; так я докажу, что у этого выскочки есть ум!»³⁹⁶

В Петербурге, по словам неизвестного составителя биографии фельдмаршала, находящейся сегодня в его личном фонде в Российском Государственном Военно-Историческом Архиве, «влиятельная часть общества смотрела на Паскевича, как на *parvenu*³⁹⁷»³⁹⁸. Непросто складывались и его отношения с остзейской корпорацией. Генерал-квартирмейстера Главного штаба генерал-адъютанта Ф.Ф. Берга и министра иностранных дел К.В.

³⁹³ Докудовский В.А. Указ. соч. С. 113-114.

³⁹⁴ Столетие Военного министерства, 1802-1903. Т. 1. Данилов Н.А.. Исторический очерк развития военного управления в России. СПб., 1902. С. 388.

³⁹⁵ Давыдов Д.В. Указ. соч. С. 61.

³⁹⁶ Докудовский В.А. Указ. соч. С. 107.

³⁹⁷ «Выскочка».

³⁹⁸ РГВИА. Ф. 207. Оп. 1. Лл. 1-4.

Нессельроде в связи с событиями Венгерской войны Паскевич считал замешанными в интригах против себя³⁹⁹. Генерал А.О. Дюгамель, вспоминая вражду фельдмаршала и К.Ф. Толя, указывал то же, что и все современники: «(...) У него был пренесносный характер: ревнивый, завистливый и честолюбивый, он постоянно страшился, чтобы кто-либо не отнес к другим часть той славы, которую он приписывал одному себе»⁴⁰⁰.

Подозрительность Паскевича, его склонность практически во всем видеть лишь интриги, козни и зависть к себе недоброжелателей подчас раздражала даже Николая I⁴⁰¹, хотя фельдмаршал был его любимцем, «славой и историей царствования царя царствующего». Монарх не раз упрекал Паскевича в излишней раздражительности и необоснованном недоверии в отношении ближайших помощников. А в письме, извещавшем о производстве полководца в фельдмаршалы, император мягко и тактично советовал последнему «проявлять скромность»⁴⁰².

С императором Николаем Павловичем даже князь Варшавский обязан был говорить тоном верноподданного. Ближе к концу царствования в разговоре с Паскевичем киевский военный губернатор Д.Г. Бибииков заметил: «(...) теперь такое время, что можно легко слететь с места по одному капризу министра». Фельдмаршал с ним согласился. А на возражение Бибиикова, что с Паскевичем такого случиться не может, так как он находится «в особом положении», князь Варшавский сослался на императора Павла I и Суворова, сказав, «что и меня могут сослать в Сибирь»⁴⁰³.

В беседе с женой князя М.Д. Горчакова Паскевич так описывал характер императора в последние годы жизни. «Что Вы думаете?! Он и меня, и мужа Вашего в состоянии в минуту вспышки запрятать на гауптвахту; он час от часа делается раздражительнее и (...) напоминает Павла». Княгиня Паскевич не раз

³⁹⁹ Щербатов А.П. Указ. соч. Т. 6. СПб., 1899. С. 379-379.

⁴⁰⁰ Дюгамель А.О. Автобиография // Русский Архив. 1885. Кн. 1. № 4. С. 494-495.

⁴⁰¹ Алавердянц М.Я. Указ. соч. С. 17.

⁴⁰² Щербатов А.П. Указ. соч. Т. 3. СПб., 1891. С. 103, 229.

⁴⁰³ Докудовский В.А. Указ. соч. С. 145.

повторяла супруге Горчакова: «мой Иван Федорович пред Государем как мокрая курица»⁴⁰⁴.

Заканчивая свое описание фельдмаршала, Стороженко вспоминал известный афоризм Суворова: «(...) Не тот хитр, кого называют хитрым». И утверждал, что «это можно применить и к Паскевичу (...), додавши к тому всемогущее счастье, загадка возвышения его почти разгадывается»⁴⁰⁵. Но именно здесь и возникает желание не согласиться со словами Андрея Яковлевича, поскольку «загадка возвышения» остается.

Тяжелый характер Паскевича сильно затруднял его отношения с остальными представителями правительственной элиты императорской России. Служить под его началом также было непросто. Не случайно, например, лейб-медик Д.К. Тарасов отказался принять место штаб-доктора Кавказского корпуса «ввиду особенного рода обхождения генерала Паскевича с подчиненными»⁴⁰⁶.

Блиzkих друзей фельдмаршал, судя по всему, не имел, хотя к некоторым своим любимцам благоволил. К их числу относились, например, варшавский военный губернатор А.А. Писарев, бывший командир бригады во 2-й гренадерской дивизии Паскевича в 1813-1815 гг. и дежурный генерал Действующей армии И.М. Вишинский. Любил он и своих адъютантов: полковников Н.А. Рудзевича и Н.И. Ушакова.

Высший свет, как многие это отмечали, считал князя Варшавского выскочкой, московская знать, как уже сказано выше, была на стороне Ермолова, а для «остзейцев», даже если не принимать во внимание конфликт с Толем, Паскевич был чужаком⁴⁰⁷. Поэтому тем единственным столпом, на котором держалось беспрецедентное влияние «отца-командира», вне всякого сомнения, выступал лично император Николай I.

⁴⁰⁴ Там же. С. 148.

⁴⁰⁵ *Стороженко А.Я.* Указ. соч. С. 429.

⁴⁰⁶ *Дубровин Н.Ф.* История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 6. СПб., 1888. С. 707.

⁴⁰⁷ *Фон дер Лауниц В.Ф.* Штурм Варшавы 25 и 26 августа 1831 г. Рассказ очевидца // Военный Сборник. 1873. Т. 93. №. 9. С. 5-24.

«Величия хороши издалека!»⁴⁰⁸ – признавался Паскевич в письме своему старому знакомому П.Н. Беклемишеву, который, как и он сам, служил в 1809-1810 гг. адъютантом у фельдмаршала А.А. Прозоровского. Известная мемуаристка камер-фрейлина А.Д. Блудова в августе 1850 г. весьма точно подметила, что «современники, видя вблизи недостатки великих исторических лиц, строже судят о мелочах, но зато они и подробности знают, которые драгоценны для будущего историка»⁴⁰⁹. «Il n'y a pas de héros pour son valet de chambre»⁴¹⁰ – гласит французская поговорка. «Tous les contemporains sont des valets de chambre»⁴¹¹ – часто повторял Паскевич.

Ответ на вопрос, какие же качества позволили Ивану Федоровичу на протяжении тридцати лет сохранять благосклонность Николая, взойдя на вершину русского военно-политического Олимпа, дала следующая война, которая стала самым драматичным моментом его долгой карьеры и самым тяжелым испытанием для всей николаевской военно-политической системы.

⁴⁰⁸ Щербатов А.П. Указ. соч. Т. 2. СПб., 1890. С. 236.

⁴⁰⁹ Блудова А.Д. Император Николай Павлович. 1850 // Русский Архив. 1893. Кн. 1. № 1. С. 90.

⁴¹⁰ «Нет героя для его камердинера».

⁴¹¹ «Все современники – камердинеры».

Глава 4. Непредвиденное развитие Восточного кризиса. 1853-1854 гг.

В годы Восточной войны многократно возросли ценность и значение сведений, добываемых военной разведкой. К началу 1850-х гг. её работа, казалось бы, стала более планомерной и четкой. Отчеты с боевыми расписаниями армий великих держав отсылались корреспондентами в Петербург дважды в год: к 1 января и к 1 июля. Но генерал-квартирмейстер Главного штаба Ф.Ф. Берг по-прежнему фиксировал серьезные упущения в деятельности своего ведомства.

В середине XIX в. русский Главный штаб при сборе сведений об иностранных армиях мог рассчитывать на четыре основных канала поступления информации. Базовым источником сведений выступала иностранная военная периодика. Её при составлении своих донесений могли использовать как русские военные корреспонденты за границей, так и непосредственно офицеры Военно-ученого отделения Департамента Генштаба, поскольку часть журналов пересылалась для них в Петербург. Вторым источником были доклады военных корреспондентов. Это был наиболее информативный и ценный источник, поскольку русские агенты за границей, благодаря личным контактам с иностранными офицерами, а также пользуясь правом легально посещать учения и маневры европейских армий, обладали возможностью проверять и уточнять не всегда точные сведения, опубликованные в прессе и на страницах военных журналов. Третий источник сведений составляли сообщения из русских дипломатических миссий за границей. Однако сотрудники посольств и консульств, как правило, были настолько перегружены собственными служебными обязанностями, что просто не имели возможности исполнять дополнительно ещё и поручения военного ведомства. В 1828 и 1843 гг. Ф.Ф. Берг просил военного министра князя А.И. Чернышева обратиться к канцлеру К.В. Нессельроде с просьбой обязать русские дипломатические миссии в государствах, где у России не было специальных военных корреспондентов, высылать в Петербург донесения об их

военных силах хотя бы по упрощенной форме. Но оба раза обращения в МИД не принесли результата. Доклады об иностранных вооруженных силах по-прежнему поступали от Министерства иностранных дел крайне редко и разрозненно. Четвертым источником были сведения, добываемые тайной агентурой либо офицерами, выполнявшими разведывательные задания нелегально, но в мирное время из-за возможных дипломатических осложнений военное министерство крайне неохотно прибегало к подобному способу получения информации.

Постепенно Ф.Ф. Берг пришел к выводу, что 2-е (Военно-ученое) отделение Департамента Генерального штаба, которое в соответствии со «Сводом военных постановлений», должно было быть центром сбора разведывательной информации, фактически стать таковым не может. Осенью 1852 г. в донесении военному министру князю А.И. Чернышеву Берг признавался: «(...) Доселе, 2-е Отделение Департамента Генерального Штаба для исполнения этой обязанности, не имея в распоряжении своем иных средств, кроме повременных изданий, журналов и газет, встречало всегда большие затруднения в составлении верного отчета о военных силах и способах иностранных государств (кроме Пруссии), единственно от недостатка материалов и потребных сведений⁴¹²».

Фактически из четырех вышеперечисленных источников разведывательной информации Департамент Генштаба, который в должности генерал-квартирмейстера Главного штаба возглавлял Ф.Ф. Берг, имел бесперебойный доступ лишь к одному: к выписываемым из заграницы иностранным книгам и периодическим изданиям. Отчеты военных корреспондентов, которые были наиболее информативным источником, попав в канцелярию министерства, затем крайне редко оказывались в распоряжении военно-ученого отделения. По неписаному правилу военный министр сразу же отсылал их лично императору Николаю, который предпочитал работать с ними лично. Редко и с большим опозданием военный министр иногда передавал их

⁴¹² РГВИА. Ф. 38. Оп. 5. Д. 594. Лл. 250-257 об.

затем ведомству генерала Берга. Складывалась нелепая ситуация, при которой генерал-квартирмейстер Главного штаба, добившийся больших успехов в организации работы военных корреспондентов, фактически был отрезан от прямого доступа к их донесениям.

В записке от 19 февраля 1852 г. Берг осмелился предложить военному министру отказаться от подобной практики, и перенять в деле сбора разведывательной информации принципы работы прусского Генерального штаба. По своей сути идея Берга сводилась к тому, чтобы сконцентрировать в особом секретном столе при Департаменте Генштаба всю работу по систематизации сведений, черпавшихся из иностранных периодических изданий, поступавших от корреспондентов, из русских посольств и консульств, а также от тайных агентов⁴¹³.

Работу секретного стола, как это было принято в прусском Генштабе, Берг предполагал сосредоточить на трех направлениях. К первому направлению планировалось отнести Швецию, Данию, Нидерланды, Бельгию, Великобританию, Францию, Португалию и Испанию. Ко второму направлению, соответственно, Пруссию, все германские государства, Австрию, все итальянские государства и Швейцарию. К третьему направлению – Турцию, Персию, Ост-Индию, Вест-Индию, Китай, Коканд, Бухару и Хиву. Начальником каждого отдела Берг предлагал назначить штаб или обер-офицера Генерального штаба «из самых отличнейших и знающих иностранные языки».

Начальники отделов должны были курировать работу своих военных корреспондентов, получать и обрабатывать их донесения. По замыслу генерал-квартирмейстера этим офицерам должны были быть доступны архив Военно-топографического депо и библиотека Генерального штаба, чтобы «они всегда могли получить под собственные их расписки без особых предписаний, замедляющих лишь ход работ, все нужные им карты и книги». «Для них, – продолжал Берг, – должны быть выписываемы все потребные им иностранные журналы и другие периодические издания. Офицеры эти обязаны содержать во

⁴¹³ Там же. Л. 10 – 11 об.

всегдашней исправности и в надлежащем порядке все сведения о военных силах иностранных государств каждый по своей части». Кроме того, он просил увеличить финансирование библиотеки Генерального штаба хотя бы на 600 руб. серебром в год. Библиотека, получавшая из Кабинета Его Императорского Величества 500 червонцев (1500 руб. серебром) в год, не могла выписывать военную периодику через почту и получала журналы «разом по навигации или при удобных случаях», отчего они доставлялись нерегулярно и с большими задержками.

При сборе военных сведений в государствах, где у России не было военных корреспондентов, Генштаб должен был полагаться на донесения дипломатических чиновников. Но по опыту тщетных обращений в Министерство иностранных дел в 1828 и 1843 гг. Берг хорошо понимал, что перегруженный собственными служебными делами персонал посольств будет выполнять задания военного ведомства крайне неохотно. Несмотря на это, генерал-квартирмейстер просил военного министра Чернышева еще раз обратиться к министру иностранных дел с тем, чтобы последний предписал русским посольствам в Дании, Нидерландах, Португалии, Риме, Тоскане, Неаполе, Персии и генеральному консулу в Египте доставлять дважды в год небольшой отчет о военных силах данных государств.

Там, где невозможно было использовать корреспондентов или дипломатических чиновников, Берг, следуя практике прусского Генштаба, признавал необходимыми специальные командировки офицеров. Однако прибегать к ним, по его мнению, следовало с большой осторожностью и преимущественно для осмотра важнейших крепостей.

Военный министр князь Чернышев изучил предложения Берга и 27 февраля 1852 г. дал на них отрицательный ответ⁴¹⁴. Генерал-квартирмейстеру было предложено сконцентрироваться на изучении материалов военной периодики, поскольку, по мнению министра, в последнее время «значительно

⁴¹⁴ Там же. Лл. 12-13.

увеличились общедоступные источники». Корреспонденты же, с его точки зрения, должны были играть лишь вспомогательную роль.

Широкие планы реорганизации Департамента Генштаба были отвергнуты. А.И. Чернышев пошел навстречу генерал-квартирмейстеру Главного штаба лишь в вопросе о передаче в его распоряжение тех донесений корреспондентов, которые поступили в канцелярию Военного министерства до 1 января 1852 г. Сведения за более поздний период военный министр обещал передавать Бергу по мере поступления, но лишь «по непосредственному своему указанию». Таким образом, положение, при котором Берг получал донесения военных корреспондентов лишь после того, как работу с ними завершали император Николай и военный министр, осталось без изменений.

Отказ министра не обескуражил Берга. 26 марта 1852 г. он в тактичной форме постарался доказать неосновательность взгляда Чернышева на военную периодику как на основной источник сведений о вооруженных силах иностранных государств.

Генерал-квартирмейстер объяснял, что боевые расписания, официально публикуемые в Австрии, заведомо недостоверны⁴¹⁵, поскольку «австрийское правительство всегда старалось и старается не объявлять настоящего числа своих военных сил, которых, по расстройству финансов, налицо всегда меньше, чем показывается в газетах»⁴¹⁶. В Португалии, Испании, Италии, Турции и Персии военная периодика отсутствовала в принципе. Даже во Франции издания, посвященные вооруженным силам, далеко не в полной мере отражали данные о строевом составе войск.

Берг добился лишь того, что к марту 1852 г. на основании донесений корреспондентов, переданных из канцелярии Военного министерства, департамент Генштаба составил подробные отчеты о вооруженных силах Пруссии, Франции, Турции, Австрии, Великобритании, Бельгии, Вюртемберга, Баварии и Швеции.

⁴¹⁵ Там же. Ф. 14014. Оп. 2. Д. 20. Лл. 2-6.

⁴¹⁶ Там же. Ф. 38. Оп. 5. Д. 594. Лл. 85-86.

19 апреля 1852 г. предложения Берга были отклонены окончательно. Министр сообщил ему решение Николая I, который «изволил признать излишним ввести у нас учрежденный в прусском Генеральном штабе порядок для собирания сведений о военных силах иностранных государств»⁴¹⁷.

Вместе с тем, император дал согласие на то, чтобы «с министерством Иностранных дел возобновлено было сношение о поручении посольствам нашим в тех государствах, в коих нет особых корреспондентов, доставлять повременные в определенные сроки сведения о состоянии военных сил сих государств по краткой и удобоисполнимой программе». Кроме того, Николай поручил выписывать иностранные военные журналы через корреспондентов и доставлять их в Россию посредством курьеров, отправляемых посольствами⁴¹⁸.

Таким образом, высшая военно-политическая разведка в России к началу 1850-х гг., с одной стороны, накопила серьезные профессиональные достижения, но с другой стороны так и не смогла полностью изжить ряд организационных недостатков. Возникновение при Николае I постоянно действующей разведывательной службы, позволявшей достаточно оперативно собирать сведения о вооруженных силах иностранных государств, оказалось значительным шагом вперед по сравнению с эпохой Наполеоновских войн, когда такого рода структуры создавались в значительной степени импровизированно.

В то же время стремление Николая I напрямую работать с донесениями военных корреспондентов и дипломатов имело оборотную сторону. Наряду с первоклассными отчетами, из европейских столиц в Петербург поступали отрывочные, неточные и несистематизированные сведения. Министерством иностранных дел император Николай, по сути, также руководил лично. Опытный дипломат канцлер К.В. Нессельроде порой играл при нем лишь техническую роль. Подобная сверхцентрализация придавала политическому курсу России определенную гибкость, но в то же время не позволяла принимать

⁴¹⁷ Там же. Лл. 83-84 об.

⁴¹⁸ Там же.

взвешенные и всесторонне обдуманные решения в том случае, если император находился в плену ошибочного или предвзятого мнения относительно военно-стратегической обстановки.

Итак, в 1852 г. А.И. Чернышев и Николай I не согласились на предложенную Ф.Ф. Бергом реорганизацию Департамента Генерального штаба. Возможно, одной из причин этого стало обострение ближневосточного кризиса. Но, скорее всего, проблема лежала глубже. Император Николай оказался в принципе не готов к появлению рядом с собой институционально оформленного центра анализа стратегической информации. Тем более к постоянному его существованию внутри системы высшего военного управления России. Честолюбивому генералу Бергу, в отличие от Чернышева и Паскевича, не нашлось места внутри узкого круга ближайших военных советников Николая I, окончательно сложившегося еще в первой половине 1830-х гг.

В 1850 г. вялотекущий кризис на Ближнем Востоке, вызванный спором о правах католического и православного духовенства в Палестине, долгое время не вызывал беспокойства в столицах великих держав. Он не затрагивал напрямую ни русско-британские, ни русско-турецкие отношения⁴¹⁹. Долгое время конфликт развивался в виде непрямого противостояния между Россией и Францией.

Государственный переворот, осуществленный французским президентом Луи Наполеоном Бонапартом 2 декабря 1851 г., стал началом совершившегося ровно через год формального восстановления Французской империи. События в Париже вновь вызвали консолидацию союза консервативных континентальных монархий, согласие между которыми было основательно подорвано в ходе событий 1848-1850 гг.

В мае 1852 г. прежний военный союз Австрии и Пруссии был восстановлен. Его антифранцузская направленность не вызывала сомнений. Один из пунктов договора гарантировал австрийские владения в северной

⁴¹⁹ Дегоев В.В. Кавказ и великие державы. М., 2009. С. 160-161.

Италии. Начальник австрийского Главного штаба генерал Г. фон Гесс приступил к разработке плана совместных австро-прусских военных операций против Франции⁴²⁰.

Первоначально Николай I одобрил переворот 2 декабря. Подобно действиям генерала Л.Э. де Кавеньяка в дни Июльской революции 1848 г., этот шаг представлялся императору необходимой мерой устрашения радикальных революционеров-республиканцев. Но очевидное намерение Луи Наполеона принять императорский титул привело к резкому охлаждению отношений между Петербургом и Парижем.

Россию, Австрию и Пруссию объединяли традиционные опасения относительно возможного расширения французской экспансии, однако, сами консервативные монархии при этом не желали становиться инициаторами войны. Более того, Россия, Австрия и Пруссия так и не смогли выработать единую линию политического поведения даже на ближайшую перспективу.

Позиция австрийского канцлера князя К.Ф. фон Шварценберга была высказана в ноте от 23 декабря 1851 г. Канцлер призывал Россию и Пруссию смириться с неизбежным восстановлением Французской империи, и признать трактат 20 ноября 1815 г., лишавший династию Бонапартов законных прав на престол, утратившим силу. По мнению Шварценберга, добровольный шаг союзников навстречу будущему Наполеону III должен был предотвратить сближение последнего с Англией, признававшееся потенциально опасным для консервативных дворов⁴²¹.

Предложение Шварценберга не встретило одобрения в России и Пруссии. Сам же австрийский канцлер неожиданно скончался 5 апреля 1852 г. Его преемник К.Ф. Буоль придерживался противоположной точки зрения. Он предложил союзным монархам, в случае дипломатического признания, обращаться к новоиспеченному императору, называя его «дорогой друг», то

⁴²⁰ Rothenberg G.E. The army of Francis Joseph. West Lafayette, Indiana, 1976. P. 49.

⁴²¹ Афанасьев Г.Е. Внешняя политика Наполеона III. Одесса, 1885. С. 12.

есть по форме, принятой в те годы, к примеру, в отношении президента Соединенных Штатов Америки⁴²².

Однако согласованного демарша не получилось, поскольку в последний момент Пруссия и Австрия отказались от своего первоначального намерения. В результате русский посланник граф Н.Д. Киселев оказался единственным среди иностранных дипломатов, кто от имени Николая I приветствовал Наполеона III не как «брата», а как «друга»⁴²³.

Министр иностранных дел граф К.Ф. Нессельроде в своих объяснениях с французским послом генералом Б.Д.Ж. Кастельбажом ссылаясь на то, что подобные проблемы в отношениях России с Францией возникали и в прежние времена. В первой половине XVIII в. Франция на протяжении 30 лет не признавала императорского титула Петра Великого. «(...) Не отрицая верховной власти в лице его величества императора французов, – заверял Нессельроде французского посла, – нам в наших актах невозможно титуловать его Наполеоном Третьим. Мы вовсе не настаиваем, чтобы принц-президент усвоил себе нашу историческую точку зрения; но нужно, чтобы и он в свою очередь также не заставлял нас смотреть на этот вопрос с его точки зрения»⁴²⁴.

Угроза англо-французского сближения, которая беспокоила князя Шварценберга, долгое время могла казаться преувеличенной. Инерция двухвекового англо-французского соперничества была слишком велика, чтобы Николай I мог всерьез воспринимать такую опасность. Со времени кризиса в Марокко и на Таити в 1844 г., и вплоть до весны 1853 г. отношения между Великобританией и Францией складывались неприязненно. В 1850 г. в ответ на так называемое «дело Дона Пачифико» и попытку Великобритании применить силу против Греции, последовал разрыв дипломатических отношений между государствами⁴²⁵. Переворот 2 декабря 1851 г., провозглашение Второй

⁴²² *Фитцум фон Экштедт К.Ф.* В виду Крымской войны. Заметки дипломата при петербургском и лондонском дворах, 1852-1855 гг // Русская Старина. 1887. № 5. С. 374.

⁴²³ История внешней политики России. Первая половина XIX в. М., 1999. С. 361.

⁴²⁴ *А. Ч. Маркиз Кастельбажак об императоре Николае Павловиче* // Русский Архив. 1893. № 7. С. 423-424.

⁴²⁵ *Дегоев В.В.* Кавказ и великие державы. С. 160-161.

империи и слухи о готовящемся французском вторжении в Бельгию⁴²⁶ вызвали в Англии серьезные опасения.

Однако, как показало стремительное восстановление австро-прусского союза в 1851-1852 гг., тесное сближение между враждовавшими прежде великими державами на временной основе было возможно и без урегулирования остающихся между ними фундаментальных противоречий. В этом смысле, ближневосточный кризис стал для сближения Англии и Франции тем, чем приход Наполеона III к власти был для Австрии и Пруссии.

Историк Э. Даниэльс утверждал, что Луи Наполеон «неохотно вступил в союз с Англией», поскольку центр французских интересов лежал не на Востоке, а в Бельгии, на Рейне и в Италии. Наполеон «решился на это только потому что иначе Франция осталась бы изолированной. Русский союз удовлетворял его гораздо больше, если бы он был достижим»⁴²⁷.

По мнению французского историка, соглашение с Великобританией требовалось Наполеону не столько для безопасности, сколько для приобретения дополнительного международного авторитета⁴²⁸. Но в обстановке обострявшегося кризиса на Ближнем Востоке потребность в поддержке со стороны Великобритании становилась все более очевидной.

По всей видимости, изначально Наполеон III не имел в виду столкновение с Россией, но «раз из этого дела появился крупный политический вопрос, он позаботился о том, чтобы довести дело до войны»⁴²⁹.

Э. Друэн-де-Люис, министр иностранных дел Франции, признавался: «(...) Вопрос о Святых местах и все, что к нему относится, не имеет никакого действительного значения для Франции. Весь этот Восточный вопрос, возбуждающий столько шума, послужил императорскому (французскому)

⁴²⁶ Делор Т. История Второй империи во Франции. Т. 1. СПб., 1870. С. 34.

⁴²⁷ Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. Т. 5. Новое время. М., 1937. С. 73. См. также: Давыдов В.Д. Из памятных заметок В.Д. Давыдова // Русский Архив. 1871. № 4-5. С. 0959-0962.

⁴²⁸ Делор Т. Указ. соч. С. 99.

⁴²⁹ Афанасьев Г.Е. Указ. соч. С. 13.

правительству лишь средством расстроить континентальный союз, который в течение почти полувека парализовал Францию»⁴³⁰.

Несмотря на то, что восстановление французского господства в западной Европе и пересмотр границ, навязанных Парижу победителями в 1815 г., на протяжении нескольких десятилетий являлось магистральной установкой внешней политики Франции, военные успехи остро требовались наполеоновскому правительству ещё и по внутривнутриполитическим условиям. Наполеоновский режим держался на штыках армии и потому был вынужден считаться с настроениями вооруженных сил. По мнению современника, французской армии «желалось поскорее сделаться еще чем-нибудь другим, кроме армии 2-го декабря»⁴³¹.

Под давлением Наполеона III, султан предоставил католикам дополнительные права в Палестине. С этого момента, конфликт стал стремительно перерастать из конфессиональной плоскости в политическую. «Не заметить» демонстративного ущемления прав православного населения Турции Россия просто не могла, «если конечно она хотела именоваться великой державой»⁴³².

Масштаб восточного кризиса постепенно расширялся. К спору о правах православного и католического клира на Святой земле добавилось противостояние Австрии и Турции. В конце 1852 г. вспыхнул вооруженный конфликт между Османской империей и находившейся в номинальной вассальной зависимости от неё Черногорией⁴³³. Константинополь отклонил предложение России о посредничестве.

Австрийское правительство, опасаясь, что военные действия могут спровоцировать волнения в славянских провинциях империи, привело в боевую готовность свои войска на границе. В начале 1853 г. в Константинополь

⁴³⁰ История дипломатии. Т. 1. М.-Л., 1941. С. 436.

⁴³¹ Делор Т. Указ. соч. С. 119.

⁴³² Дегоев В.В. Внешняя политика России и международные системы: 1700-1918 гг. М., 2004. С. 272.

⁴³³ История внешней политики. Первая половина XIX в. С. 366-367.

отправилась миссия графа Х.Ф. Лейнингена⁴³⁴, которая выдвинула туркам ультиматум о прекращении боевых действий и очищении Черногории. В феврале 1853 г. между Турцией и Черногорией было подписано мирное соглашение.

Желая прояснить отношение Британии к возможному столкновению России с Турцией и к перспективе раздела наследства «больного человека», император Николай решил на беседу с британским послом Г. Сеймуром. Предложения территориального расчленения Османской империи не вызвали сочувствия у британского кабинета, с его стороны последовал вежливый отказ. Несмотря на то, что эти предложения Николая I не шли дальше тех, что он высказывал британскому кабинету ещё в ходе визита в Великобританию в 1844 г., император явно переоценивал возможность прийти с англичанами к соглашению в Восточном вопросе.

Тем не менее, отказ содействовать России ещё не означал автоматического перехода Лондона к числу ее активных противников. Как отмечал американский исследователь Дж.Ш. Кертисс, между декабрем 1852 г. и маем 1853 г., позиция Британии в восточном кризисе была подвержена серьезным колебаниям⁴³⁵. Сам по себе факт отправки в Константинополь миссии князя А.С. Меншикова еще не угрожал выходом событий из-под контроля. Меншиков 16 (28) февраля 1853 г. на борту парохода «Громоносец» прибыл в Константинополь, где вскоре начались переговоры.

Русская дипломатия не желала допускать того, чтобы наполеоновская Франция заняла в Леванте преобладающее положение, которое представило бы ей возможность в случае распада Османской империи претендовать на значительную часть её наследства⁴³⁶.

В вопросе о статусе Святых мест достаточно быстро удалось найти компромисс. Но требование расширительного толкования статей Кючук-

⁴³⁴ Бутковский Я.Н. Сто лет австрийской политике в восточном вопросе. Т. 2. СПб., 1888. С. 25-28.

⁴³⁵ Curtiss, J.S. Russia's Crimean War. Durham, N. C., 1979. P. 110.

⁴³⁶ Татищев С.С. Дипломатический разрыв России с Турцией в 1853 г // Исторический Вестник. 1892. Т. 47. № 1. С. 167.

Кайнарджийского договора 1774 г., связанных с правом русского покровительства православным подданным султана, вызвало у англичан и французов серьезное противодействие. Паскевич в своих записках также считал требования, заявленные Меншиковым, чрезмерными и не согласными с прежними трактатами⁴³⁷, поэтому здесь уместно отметить серьезное несовпадение взглядов по данному вопросу в ближайшем окружении монарха⁴³⁸.

На фоне дипломатических переговоров положение стало постепенно обостряться. Полковник Х.Г. Роуз – британский поверенный в делах в Константинополе и его французский коллега граф В. Бенедетти потребовали от своих правительств отправки флотов в акваторию Эгейского моря, с целью дипломатического давления на Россию⁴³⁹.

О серьезных колебаниях британского кабинета говорит тот факт, что предложение Роуза было отклонено. Британский флот остался на Мальте, хотя и был приведен в состояние боевой готовности. Наполеон III был настроен гораздо решительнее: 23 марта эскадра под командованием адмирала Ф. Гамелена покинула Тулон и взяла курс на восток. Спустя несколько дней, французы бросили якорь в Саламинской бухте⁴⁴⁰.

Военные приготовления набирали обороты и в России. В конце 1852 г. Николай I приказал перевести на военное положение войска V-го пехотного корпуса, расквартированного в Крыму и Новороссии. С 10 февраля 1853 г. проводились мероприятия по развертыванию IV-го пехотного корпуса, который двинулся на юг для соединения с V-м, тогда как III-й корпус занял освободившиеся квартиры IV-го⁴⁴¹.

⁴³⁷ Щербатов А.П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность. Т. 7. СПб., 1904. С. 59-61.

⁴³⁸ Бутковский Я.Н. Указ. соч. С. 22.

⁴³⁹ Щербатов А.П. Указ. соч. Т. 7. СПб., 1904. С. 111. См. также Афанасьев Г.Е. Указ. соч. С. 14.

⁴⁴⁰ Афанасьев Г.Е. Указ. соч. 14.

⁴⁴¹ Кухарук А.В. Действующая армия в военных преобразованиях правительства Николая I. Диссертация на соискание уч. ст. к. и. н. М., 1999. С. 169.

Министр иностранных дел К.В. Нессельроде пытался убедить британского посла Г. Сеймура в обоснованности частичного развертывания русских войск на южном стратегическом направлении. Канцлер утверждал: «(...) Шансы успеха между Россией и Францией были бы слишком неравны, если бы последняя имела возможность направлять свой флот во все концы Средиземноморья и каждое свое требование предъявлять Порте на лезвии меча, тогда как мы оставили бы в турках убеждение, что мы не в состоянии защитить ни их, ни собственные наши интересы»⁴⁴².

Эти же аргументы Нессельроде повторил в меморандуме британскому кабинету 9 (21) февраля 1853 г.: «(...) Франция требования свои к Порте предъявила «через жерла своих пушек» при полном молчании Англии, из чего Порта заключила, что со стороны Франции её следует всего ожидать и всего опасаться, требования же Австрии и России она может безнаказанно оставлять без внимания»⁴⁴³.

Нессельроде признавал, что европейские державы «имеют дело с правительством, которое уступает лишь решительным требованиям». Средством давления на Турцию для Австрии и России стали миссии Лейнингена и Меншикова.

Принимая решение о направлении посольства князя А.С. Меншикова, Николай I отнюдь не стремился доводить дело до войны с Турцией, ещё менее желал он разрыва с западными державами. Герцог Е. Вюртембергский, герой войны 1812 г., двоюродный брат Николая I и один из самых преданных сторонников России в Германии полагал, что Николай I имел право объявить войну Турции уже на том основании, что последняя, удовлетворив претензии Франции и Австрии, демонстративно отклонила требования Петербурга⁴⁴⁴.

Паскевич, как и Николай I, серьезно недооценивал опасность англо-французского соглашения против России. Лондон явно не желал мириться с

⁴⁴² Татищев С.С. Указ. соч. // Исторический Вестник. 1892. Т. 47. № 1. С. 170.

⁴⁴³ Татищев С.С. Указ. соч. № 2. С. 470.

⁴⁴⁴ Ветеран. Россия и западные державы в марте 1855 года. Военно-политическая дума герцога Евгения Вюртембергского // Военный Сборник. 1869. № 1. С. 6-7, 11.

требованием о заключении между Россией и Турцией наступательного и оборонительного союза, выдвинутым Меншиковым в ходе переговоров. После прочтения его донесений от 24 и 26 марта 1853 г. у князя Варшавского возникло правильное впечатление, что британский посланник Ч. Стратфорд-Каннинг «будет действовать за турок и Францию, а не так, как обещало английское правительство». Однако истинный смысл тонкой политической игры опытного британского дипломата фельдмаршал все же оценил неверно.

С точки зрения Паскевича, Британия, для того, чтобы отвлечь Париж от экспансионистских замыслов в Европе и особенно в Бельгии, стремилась к тому, чтобы столкнуть лбами Россию и Францию в Восточном вопросе. «(...) Здесь обнаруживается, – писал фельдмаршал, – в политике Англии, что боятся теперь англичане разрыва с Францией. Заняв Францию, в другом месте, даже развязав с ней войну, не будет ли для англичан средством удержать Францию от нападения на Англию?».

«Старинная, всегдашняя политика Англии, – справедливо утверждал русский главнокомандующий, – была: ссорить державы твердой земли. Это до того вошло в их правило, что, видя долгий мир в Европе, они старались даже возмущениями сделать перевороты на твердой земле. Как же им не рисковать несколькими кораблями для того, чтобы удержать Францию в разрыве с Россией? Нынешнее же положение дел в Турции дает им к тому возможность. Заключая тем, что Англия по-расчету допустит нас объявить войну, не будет удерживать от того и турок, ни склонив их на соглашение и на уступки»⁴⁴⁵.

Мнение, что Британия воздержится от непосредственного участия в конфликте, было очень опасным заблуждением. Под влиянием русофобской истерии в британской печати⁴⁴⁶, английское правительство постепенно все более склонялось к поддержке Франции и Турции на Востоке.

Для русской стратегии на повестке дня встала давняя идея высадки десанта на Босфоре. В феврале 1853 г. в операции, по расчетам Николая I,

⁴⁴⁵ РГВИА. Ф. 14013. Оп. 1. Д. 3. Лл. 1-2.

⁴⁴⁶ Curtiss J.S. Op. cit. P. 114.

должны были принять участие 13-я и 14-я пехотные дивизии V-го корпуса. Император считал, что «чем разительнее, неожиданнее и решительнее нанесем удар, тем скорее положим конец борьбе»⁴⁴⁷. Похожих взглядов придерживался и князь Варшавский, 12 февраля он написал императору, что успешная высадка «одним ударом ведет не только к окончанию войны, но и к ниспровержению Европейской Турции»⁴⁴⁸.

Однако появление французского флота в Саламине вынудило Меншикова признать «крайнюю затруднительность или даже невозможность» десанта. Морской министр даже в благоприятных условиях считал десантную экспедицию предприятием трудновыполнимым, если вообще возможным⁴⁴⁹.

Письмо, датированное 12 (24) марта, пришло в Петербург между 22 и 24 марта (3-5 апреля). В то же самое время – 19 марта (1 апреля) – начальник штаба Черноморского флота вице-адмирал В.А. Корнилов предупредил Меншикова и великого князя Константина Николаевича, что «высадки десанта на Босфоре, никак не должно предпринимать, иначе как при соблюдении самой глубокой тайны»⁴⁵⁰.

В донесениях Корнилова не было никаких указаний на присутствие французского флота. По всей видимости, в тот момент адмирал еще не имел сведений о его появлении. Как бы то ни было, приход эскадры Гамелена делал высадку крайне затруднительной.

Не добившись от турок, чувствовавших поддержку Англии и Франции, уступок в вопросе о покровительстве православным подданным султана, Меншиков 9 (21) мая покинул Константинополь. Через 10 дней было объявлено, что если Порты не согласится признать право России на

⁴⁴⁷ Войны России с Турцией 1828-1829 и 1853-1854 гг // Русская Старина. 1876. № 8. С. 675.

⁴⁴⁸ Щербатов А.П. Указ. соч. Т. 7. СПб., 1904. С. 44.

⁴⁴⁹ Лихачев Д. Очерк действий Черноморского флота в 1853-1854 гг // Военный сборник. 1902. № 3. С. 46.

⁴⁵⁰ Зайончковский А.М. Восточная война 1853-1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. Т. 1 (Приложение). СПб., 1908. С. 585-592. См. также: Вице-адмирал Корнилов. Сборник документов. М., 1947. С. 173.

покровительство православному населению Турции, то русские войска в залог выполнения данного требования займут Придунайские княжества.

2 июня 1853 г. вице-адмиралу Д.У. Дондасу – командующему британской средиземноморской эскадрой – было приказано подчиняться указаниям посла Стратфорда-Каннинга. 13-14 июня британские корабли сосредоточились у входа в Дарданеллы в Безикской бухте. 20 июня к ним присоединились французы⁴⁵¹.

С этого момента вопрос о десантной операции на Босфоре был отложен на неопределенное время. В качестве менее рискованного варианта Николай I и Паскевич обсуждали идею высадки дивизий V-го корпуса в районе Варны и Бургаса, но, так как война с Турцией формально еще не началась, император не стремился становиться ее инициатором.

21 июня 1853 г. русские войска под командованием генерал-адъютанта М.Д. Горчакова перешли Прут и заняли Придунайские княжества. «По переходе Прута, – признавался французский наблюдатель, – война стала делом решенным»⁴⁵².

На этом этапе фельдмаршал всё ещё полагался на содействие со стороны Австрии и Греции, в случае начала войны⁴⁵³. Князь Варшавский не относился к числу сторонников похода на Константинополь через Балканы, понимая всю сложность подобной операции. Даже в благоприятной обстановке такой поход, по опыту войны 1828-1829 гг., требовал отвлечения на Дунайский театр значительной доли войск и ресурсов, а это неизбежно ослабляло позиции России в Европе⁴⁵⁴. По этой причине, Паскевич поддерживал идею десанта даже тогда, когда военно-стратегические обстоятельства сделали его практически невозможным.

Убеждая императора ограничиться оккупацией Княжеств, Паскевич предполагал этим шагом, с одной стороны, приостановить дальнейшую

⁴⁵¹ Curtiss J.S. Op. cit. P. 146-148.

⁴⁵² Крымская экспедиция. Рассказ очевидца, французского генерала. СПб., 1855. С. 11.

⁴⁵³ РГВИА. Ф. 14013. Оп. 1. Д. 1. Л. 35 об.

⁴⁵⁴ Щербатов. А.П. Указ соч. Т. 7. СПб., 1904. С. 52.

эскалацию конфликта, с другой – создать менее затратное, чем угроза похода, средство давления на Османскую империю. Таким средством давления, по мнению фельдмаршала, должно было стать ополчение из балканских славян. Идея заключалась в том, чтобы на основе кадровых войск Придунайских княжеств, численность которых доходила до 10.000 чел., сформировать славянское ополчение и с началом войны использовать его против турок. Такая мера, по словам Паскевича, «могла бы сделаться началом распада Турецкой империи»⁴⁵⁵. Россия же получала существенную экономию средств, так как фельдмаршал полагал, что, при наличии ополчения, будет достаточно иметь против турок всего один или два корпуса, даже если последних поддержат западные державы⁴⁵⁶. В основе оптимизма фельдмаршала лежал успешный опыт 1807 г., когда император Александр I разрешил отправить в Сербию один батальон Олонцкого полка, казачий полк и четыре орудия. Небольшой русский отряд сделался тогда ядром сербского ополчения⁴⁵⁷.

Залог успеха возможной кампании на Дунае Паскевич видел в отказе от развертывания русских войск по Дунаю широким фронтом. Район боевых операций Дунайской армии он планировал ограничить пространством между Бухарестом, Гирсово, Варной, Шумлой, Рущуком и Силистрией. Ближайшая цель будущей кампании виделась главнокомандующему Действующей армией в занятии Варны⁴⁵⁸.

Фельдмаршал все ещё не верил в опасность близкой войны. Видимо, поэтому в конце письма М.Д. Горчакову 21 августа 1853 г. князь Варшавский сделал собственноручную приписку: «Я думаю, что война кончена будет»⁴⁵⁹.

Амбициозные планы по созданию ополчения завершились неудачей. Как отмечал генерал-лейтенант Н.И. Ушаков – дежурный генерал Дунайской армии, вместо ожидавшихся десятков тысяч добровольцев, в русский лагерь явилось лишь 3000 чел., из которых многие впоследствии дезертировали.

⁴⁵⁵ Войны России с Турцией.... С. 687.

⁴⁵⁶ Там же. С. 701.

⁴⁵⁷ РГВИА. Ф. 14013. Оп.1. Д. 1. Л. 47.

⁴⁵⁸ Там же. Лл. 55 - 55 об., 66.

⁴⁵⁹ Там же. Ф. 14014. Оп. 2. Д. 48. Лл. 3 об. – 4.

Оставшиеся 900 ополченцев принесли более вреда, чем пользы. По словам очевидца, они «не только грабили на улицах Браилова, Галаца и других городов, но даже днем производили там кровавые драки и убийства»⁴⁶⁰. Чтобы остановить бесчинства, зачинщиков погромов приходилось судить полевым судом, а затем казнить.

28 июля австрийский канцлер К.Ф. Буоль выступил с так называемой «Венской нотой». Австрия, Франция, Британия и Пруссия предложили компромиссное решение русско-турецкого спора. Согласно «Венской ноте», Турции предписывалось соблюдать все условия Кючук-Кайнарджийского и Адрианопольского договоров относительно прав христианских подданных султана, однако, спорные вопросы должны были отныне ставиться под коллективный контроль великих европейских держав. Россия согласилась при условии, что в текст ноты не будут внесены изменения, однако Турция, побуждаемая своими новыми союзниками, потребовала их внести. В конечном итоге переговоры не дали результатов и были свернуты.

На очень короткое время, пока исход переговоров еще не стал ясен, в Петербурге вновь вернулись к идее десанта на Босфоре, поскольку появилась надежда на то, что турки в своем противостоянии с Россией окажутся в одиночестве. На фоне достаточно сдержанной позиции, занятой на Венской конференции Австрией и Великобританией, отчетливо проявлялось стремление французской делегации к эскалации конфликта⁴⁶¹. Постепенно нарастала враждебность и со стороны британского кабинета, который не мог игнорировать общественное мнение собственной страны, весьма восприимчивое к русофобской кампании в прессе.

14 сентября 1853 г. турецкий султан предъявил России ультиматум с требованием очистить Княжества. Ответа на него не последовало, 20 октября 1853 г. началась Русско-Турецкая война.

⁴⁶⁰ Ушаков Н.И. Записки очевидца о войне России против Турции и западных держав // Деятнадцатый Век. Ист. сборник. Кн. 2. М., 1872. С. 062.

⁴⁶¹ Делор Т. Указ. соч. С. 100.

Несмотря на неудачу с ополчением, общая осторожная линия Паскевича, ввиду неясности обстановки, представляется оправданной. Фельдмаршал был совершенно прав, когда предсказывал, что наступление за Балканы, из-за поддержки турок союзниками, не может принести стратегических результатов. Однако даже осенью 1853 г. в рассуждениях русского главнокомандующего всё ещё чувствовалась уверенность в непрочности англо-французского альянса. Паскевич питал надежду, если не на мирное соглашение, то, по крайней мере, на скорое разрушение вражеской коалиции⁴⁶².

Время с октября 1853 г. по февраль 1854 г. прошло в подготовке к Дунайской кампании. Фельдмаршал прибыл в Петербург для личных совещаний с Николаем I и военным министром князем В.А. Долгоруковым, который в 1852 г. сменил в этой должности А.И. Чернышева.

Как и в 1848 г., Россия осуществляла полное мобилизационное развертывание своей сухопутной армии. Осенью 1853 г. 13-я пехотная дивизия V-го корпуса из Севастополя была отправлена на Кавказ, ей на смену из Одессы прибыла бригада 14-й дивизии того же корпуса. Оба соединения перебрасывались морем, что говорило о сравнительно высокой готовности армии и флота к совместным действиям.

Придунайские княжества занимала армия М.Д. Горчакова, главной силой которой стали III-й и IV-й пехотные корпуса. Войсками, прикрывавшими Царство Польское, командовал генерал-адъютант Ф.В. Ридигер. Его армия состояла из I-го, II-го и Гренадерского корпусов. Поскольку армии Горчакова и Ридигера создавались на базе Большой Действующей армии, общее руководство было поручено фельдмаршалу Паскевичу.

VI-й пехотный корпус, дислоцированный в центральной России и игравший до войны роль общего резерва, также был приведен в боевую готовность. Из его состава 18-я пехотная дивизия пешим маршем была отправлена на Кавказ. 16-я и 17-я дивизии выступили на Украину.

⁴⁶² РГВИА. Ф. 14013. Оп. 1. Д. 1. Лл. 2 – 3 об.

Паскевич однозначно высказался в пользу эвакуации слабых укреплений Кавказской береговой линии, которые не имели шансов отразить совместное нападение союзников с моря и черкесов с гор. Этим шагом фельдмаршал сохранил для Кавказского корпуса 2000 чел. и 100 орудий. «Скажут, что упразднение сие произведет дурное влияние, – писал Паскевич, – но оно будет еще хуже, когда укрепления будут взяты с пленными и с орудиями»⁴⁶³.

Войскам Горчакова ставилась задача форсировать Дунай, но от похода за Балканы из-за явного стремления Франции и Англии вступить в войну решено было отказаться. Вплоть до февраля 1854 г. форсирование Дуная планировалось, примерно, в районе Видина, практически вплотную к австрийской границе. Этим шагом предполагалось спровоцировать восстание среди балканских славян. Нижний Дунай с его неблагоприятными климатическими условиями должен был стать ареной вспомогательных операций.

Князь Варшавский невысоко оценивал боевые возможности турецких войск в полевой войне. Еще в сентябре 1853 г. Паскевич утверждал, что «турецкая армия (...) всё ещё не вышла из младенчества». При этом он отмечал, что турки «сильны в крепостях». Численность их регулярных войск по его расчетам не должна была превышать 60.000 чел. Залог успеха виделся главнокомандующему в том, чтобы, как и в 1829 г., выманить турок из крепостей и разбить⁴⁶⁴.

Но даже при благоприятном развитии Дунайской кампании её стратегические перспективы представлялись Паскевичу туманными. Еще 24 сентября 1853 г. он отметил, что «Европа не допустит нас воспользоваться нашими завоеваниями. (...) пользы и приобретений с сей стороны даже в случае успеха ожидать не можем»⁴⁶⁵.

По мнению Омера-паши – турецкого главнокомандующего на Дунае, – ограниченная численность войск Горчакова свидетельствовала об отсутствии у

⁴⁶³ Войны России с Турцией... С. 696.

⁴⁶⁴ РГВИА. Ф. 14013. Оп. 1. Д. 1. Лл. 69 об. – 70.А

⁴⁶⁵ Там же. Лл. 127 – 127 об.

русского командования планов похода на Константинополь, а также косвенно указывало на то, что Россия всё ещё ожидает решения конфликта дипломатическим путем⁴⁶⁶.

Военные планы турок не выходили за пределы задач активной обороны. До подхода на театр войны русского III-го пехотного корпуса Омер-паша рассчитывал захватить и удержать передовыми отрядами плацдармы на северном берегу Дуная. Главные силы полевой турецкой армии концентрировались при этом в районе Шумлы, где ожидали подхода экспедиционной армии союзников. Варну, которая представлялась Паскевичу возможной целью русских операций на Дунае, турецкий главнокомандующий считал возможным прикрыть с помощью военно-морских сил англо-французской коалиции⁴⁶⁷.

После разрыва между Россией и западными державами весной 1854 г. Омер-паша, имея целью расстроить вероятные стратегические планы русской армии в отношении, Сербии значительно увеличил численность турецких войск в районе Видина и Калафата, находившихся недалеко от сербской и австрийской границы⁴⁶⁸. Однако к этому времени фельдмаршал Паскевич уже принял решение воздержаться от активных действий на данном направлении.

В начале 1854 г. планы Дунайской кампании пришлось срочно переработать. В конце января 1854 г. миссия А.Ф. Орлова в Вене, где он должен был добиться согласия Австрии на дружественный нейтралитет в начавшейся войне, завершилась неудачей. Сразу после отъезда Орлова австрийцы начали мобилизацию армии и выдвижение войск на границу. В первую очередь, австрийские войска сосредотачивались на границе с Сербией, восстание в которой представляло значительную опасность для Дунайской монархии.

⁴⁶⁶ Кёремезли И. Турецкая оборона на Дунайском театре военных действий (1853-1854) // Русский сборник. Исследования по истории России. Т. 7. Военная политика императора Николая I. М., 2009. С. 279, 288.

⁴⁶⁷ Там же. С. 289, 293.

⁴⁶⁸ Там же. С. 283.

Вена, как и морские державы, была обеспокоена возможным ростом влияния России на Балканах. Канцлер К.Ф. Буоль полагал, что дальнейшее проникновение России на полуостров способно угрожать жизненным интересам Австрии, поскольку делало ненадежной лояльность славянских подданных империи Габсбургов.

Соперничество обеих империй на Балканах постепенно обострялось. Уже в конце XVIII столетия в годы правления императора Иосифа II цели русской политики в регионе вызвали у австрийского двора определенные опасения. В разгар борьбы с наполеоновским господством в Европе выдающийся австрийский полководец эрцгерцог Карл с тревогой взирал на потенциальную военную опасность, исходившую, с его точки зрения, от России. Столкновение русско-австрийских интересов отчетливо проявилось на Венском конгрессе и в годы Русско-Турецкой войны 1828-1829 гг. Позднее герой войны 1848-1849 гг. фельдмаршал Й. Радецкий открыто высказывал мысль о том, что именно Россия представляет для империи Габсбургов главную военную опасность⁴⁶⁹.

Несмотря на помощь, оказанную Австрии в ходе подавления Венгерской революции, и при отсутствии между Веной и Петербургом принципиальных расхождений в вопросе о политическом устройстве Германии, канцлер К.Ф. фон Шварценберг стремился помешать окончательному закреплению за Николаем I роли арбитра в немецких делах.

После его кончины в апреле 1852 г. придворные круги в Австрии так и не выработали единого мнения относительно ближайших задач австрийской политики. К.Ф. Буоль под впечатлением от прогрессирующего упадка Османской империи высказывал мысль о необходимости соглашения с Россией по вопросу о возможном разделе европейских владений Турции. Первоначальное мнение Буоля о нежелательности прямого столкновения с Россией разделял Радецкий и часть генералитета. Полководец на протяжении нескольких десятилетий с тревогой взирал на возвышение сербского государства. Радецкий рассматривал Сербию как базу для возможного

⁴⁶⁹ Rothenberg G.E. Op. cit. P. 49.

восстания южных славян, которое создавало угрозу самому существованию Дунайской монархии. Стремясь предотвратить это, командование австрийской армии готово было пойти даже на прямую оккупацию Сербии, Боснии и Албании⁴⁷⁰.

Иной точки зрения придерживалась придворная партия, возглавляемая министром внутренних дел А. фон Бахом и министром финансов бароном К. фон Бруком. Они выступали сторонниками решительного ограничения влияния России через тесное взаимодействие с Великобританией и Францией.

Наконец, вернувшийся из изгнания князь К.Л. Меттерних, убеждал Франца Иосифа в необходимости сохранить Османскую империю в качестве консервативного оплота против нежелательного для Австрии влияния как России, так и морских держав.

Пруссию Восточный вопрос напрямую не затрагивал, основной задачей её внешнеполитического курса было усиление собственного влияния в Германии. Поскольку, как показали события 1848-1850 гг., на пути политического объединения немцев стояла не только Австрия, но и Россия, Берлин был заинтересован в некотором её ослаблении. К февралю 1854 г. глубина международной изоляции России стала неприятной неожиданностью для Николая I и князя Варшавского.

Победы русских войск на Кавказе и уничтожение турецкого флота в Синопе резко обострили отношения России с Англией и Францией. «Что же возмутило против нас Европу? – задавался вопросом князь Варшавский через полтора года после начала войны. – Разумеется, не то, что мы вступили в Княжества: дела и после того едва не пришли к миролюбивой развязке, но желание унижить и ослабить Россию...»⁴⁷¹.

Положение стремительно становилось угрожающим. 15 февраля союзники предъявили ультиматум, требуя очистить княжества. Николай I не ответил, и 27-28 марта последовало объявление войны. Пруссия вслед за

⁴⁷⁰ Ibid. P. 49-50.

⁴⁷¹ Щербатов А.П. Указ. соч. Т. 7. СПб., 1904. С. 59-61.

Австрией также отказалась подписать с Россией договор о нейтралитете. В то же время обе державы отказались и от англо-французского предложения примкнуть к их союзу, но, тем не менее, совместно с морскими державами согласились подписать протокол, подтверждавший целостность владений турецкого султана и признание прав христиан⁴⁷². Фактически это означало присоединение обеих германских держав к ультиматуму союзников, а также общее стремление нейтрализовать влияние России в пределах Османской империи.

Из-за позиции, занятой австрийским правительством, Паскевичу пришлось серьезно пересмотреть план предстоящей кампании на Дунае. Намеченная переправа у Видина была отменена. От попыток спровоцировать славянское восстание решено было воздержаться. Впоследствии, русская армия вообще очистила территорию Малой Валахии, примыкавшую к сербской и австрийской границе.

Когда Николай I и князь Варшавский столкнулись с отказом Вены подписать договор о нейтралитете, а также узнали о начале австрийской мобилизации на сербской границе, то сразу осознали опасность, которая, как и в 1828 г., могла нависнуть над флангом и тылом Дунайской армии. Но, в отличие от Паскевича, император Николай был склонен считать эту опасность весьма отдаленной. Желая быстрее достичь успеха в борьбе с турками, он требовал от Горчакова скорейшего форсирования Дуная.

В феврале 1854 г. находившийся в Петербурге князь Варшавский испытывал мучительные колебания. Он не советовал Горчакову переходить Дунай до тех пор, пока политические отношения России с Австрией не прояснятся. Взаимоисключающие требования, исходившие от императора и фельдмаршала, ставили Горчакова в затруднительное положение.

В записке 8 февраля 1854 г. князь Варшавский впервые предположил возможность войны против четырех великих держав. Нападение угрожало

⁴⁷² Дубровин Н.Ф. Восточная война 1853-1856 гг. Обзор событий по поводу сочинений М.И. Богдановича. СПб., 1878. С. 9.

России «от Балтийского моря по всей западной границе, по Дунаю и берегам Черного моря, и, наконец, в Азии до Баязета».

В той же записке фельдмаршал отметил значительный рост боевых возможностей русской армии, достигнутый за 25 лет николаевского царствования. Однако, невозможность успешного окончания войны против всех остальных великих держав одновременно не вызывала у него сомнений.

«(...) Думая о том, каким образом нам выйти из сего положения, напоминая 1812 г., – писал Паскевич, – я пришел к убеждению, что необходимо удержать Пруссию и Австрию от неприязненных против нас действий, и заставить их сохранить нейтралитет, показав особенно Австрии, что мы можем быть для нее опаснее, нежели Франция (...)»⁴⁷³.

Международная обстановка была настолько изменчивой, что фельдмаршал едва ли не каждый день был вынужден вносить коррективы в её анализ. В адресованной Николаю I записке от 13 февраля 1854 г. князь Варшавский пока еще именовал Австрию «шатким союзником», которым якобы движут опасения того, что, в случае успеха, Россия не сдержит обещание о сохранении целостности Османской империи⁴⁷⁴.

16 февраля Паскевич предположил, «что политика наша с Австрией должна быть не угрожающая, но старающаяся убедить императора, показав ему его ошибки и могущие произойти оттого невыгоды и несчастья для него собственно»⁴⁷⁵. По его мнению, если недоразумения с Веной сводятся к её опасениям возможного славянского восстания, от него стоило воздержаться. «Думая об отношениях наших к Австрии, – писал фельдмаршал, – я пришел к мысли, что нам всего важнее выиграть время, если не до зимы, то хотя бы до сентября, удерживая Австрию в нейтральном положении»⁴⁷⁶.

Несмотря на то, что в центре внимания главнокомандующего оставались германские державы, он помнил про опасность десантов на черноморском

⁴⁷³ РГВИА. Ф. 14013. Оп. 1. Д. 4. Лл. 53-73 об.

⁴⁷⁴ Там же. Д. 3. Лл. 6-9.

⁴⁷⁵ Там же. Лл. 10-11.

⁴⁷⁶ Там же. Лл. 12-14.

побережье России. Однако в условиях противостояния практически со всеми великими державами Россия не могла обеспечить надежную оборону всех своих, столь протяженных, границ. «Если бы была отдельная война только на берегах Черного моря, – писал Паскевич в докладе от 8 февраля 1854 г., – то ничто бы нам не помешало собрать сколько можно более войск. Но не таково теперь наше положение. Нам необходимо изыскать все средства, уменьшив, где только нужно, число войск, обратить их туда, где они, действительно, необходимы»⁴⁷⁷.

В Крыму и Одессе оставались две с половиной дивизии пехоты с резервными батальонами и бригада кавалерии для защиты побережья от десанта. В феврале 1854 г. это считалось вполне достаточным. Кроме того, поступавшие Паскевичу разведывательные данные говорили в пользу низкой вероятности десанта на Крымском полуострове. Поэтому фельдмаршал считал возможным не увеличить, а, напротив, уменьшить здесь силы на одну дивизию. В общей сложности они составляли на юге около 35.000 чел., в то время как объединенные силы будущей экспедиционной армии союзников оценивались в 40.000⁴⁷⁸.

В обстановке февраля 1854 г. этот прогноз был точен. Ни одного солдата союзных армий ещё не было не только под Варной, но даже на Галлиполи. Непосредственная подготовка англо-французов к десантной операции в Крыму развернулась лишь в середине лета⁴⁷⁹.

Характерно, что черновая записка, составленная Паскевичем в феврале, содержала в себе контуры самых общих планов действий на ближайшее время. И в числе двадцати одного рассматриваемого сценария, вариант с высадкой неприятеля в Крыму вообще отсутствовал⁴⁸⁰.

В феврале 1854 г. Севастополь не казался Паскевичу вероятным местом высадки. 14 февраля князь Варшавский указывал: «Севастополь так укреплен

⁴⁷⁷ Там же. Ф. 14013. Оп. 1. Д. 4. Лл. 53-73 об.

⁴⁷⁸ Там же.

⁴⁷⁹ Крымская экспедиция. Рассказ очевидца, французского генерала. СПб., 1855. С. 36-37. *Kinglake A.W. The invasion of the Crimea. V. 2. Edinburgh & London, 1877. P. 255-256.*

⁴⁸⁰ РГВИА. Ф. 14013. Оп. 1. Д. 4. Лл. 145-146.

со стороны моря, что флотов неприятельских здесь бояться нечего. (...) Против десанта прямого есть, однако, до 10.000 вооруженных ружьями матросов, кроме 16 батальонов. Против десанта обходного есть целая 16-я дивизия и еще бригада пехоты»⁴⁸¹.

Взгляд князя Варшавского был устремлен на Аккерман. На пункт, с одной стороны, удобный для высадки, а, с другой стороны, располагавшийся ближе к исходным районам боевого развертывания австрийской армии. «Это самое удобное место, откуда они берут все наши позиции в тыл – писал фельдмаршал 28 февраля. С увеличением их до 40.000 или 50.000 они делаются очень опасны»⁴⁸².

Считая положение России в Крыму достаточно прочным, Паскевич не был одинок. В сентябре 1853 г. командир V-го корпуса генерал-адъютант А.Н. Лидерс оценил возможную численность десанта на Крымском полуострове в 20-30 тыс. чел. При этом рейд Евпатории Лидерс посчитал одним из наименее вероятных пунктов такой высадки⁴⁸³. Командующий Дунайской армией и будущий главнокомандующий войсками в Крыму князь М.Д. Горчаков в том же сентябре 1853 г. оценил будущий десант еще скромнее – в 15.000 чел⁴⁸⁴. Скептическое отношение к крупным морским десантам высказывал и А.-А. Жomini⁴⁸⁵.

24 февраля 1854 г. Паскевич приказал Дунайской армии совершить переправу, а спустя четыре дня подал императору записку, в полной мере раскрывавшую драматизм стратегического положения России. Без записки 28 февраля 1854 г. невозможно понять мотивы действий Паскевича на всем дальнейшем протяжении Крымской войны. Этот документ появился на свет в тот момент, когда фельдмаршал, во-первых, окончательно распрощался с

⁴⁸¹ Там же. Л. 82.

⁴⁸² Там же Л. 134 об.

⁴⁸³ Там же. Ф. 481. Оп. 1. Д. 5. Л. 11 об., 14.

⁴⁸⁴ Там же. Д. 7. Л. 4.

⁴⁸⁵ *Герсеванов Н.Б.* Несколько слов о действиях русских войск в Крыму в 1854 и 1855 годах. Paris, 1867. С. 13. *Мещеряков Г.П.* Русская военная мысль в XIX в. М., 1973. С. 116. См. также *Веймарн И.Ф.* Высшая тактика. СПб., 1840. С. 194.

иллюзиями о возможном мирном соглашении с Англией и Францией, а, во-вторых, оказался перед весьма реальной военной угрозой со стороны Австрии и Пруссии.

Записка начиналась с анализа внешнеполитического положения России. «Четыре европейские державы предлагают нам свой ультиматум. Мы находимся в том положении, что теперь вся Европа против нас на море и на сухом пути: Англия, Франция, Турция уже объявили войну; Австрия, можно сказать, на их стороне. Пруссия будет также вскоре увлечена. Никогда Россия не бывала еще в таковых тяжких обстоятельствах»⁴⁸⁶.

Констатация данного факта означала то, что масштабы борьбы стали превышать естественные пределы военных возможностей Российской империи. О локальной войне речи более не шло, союзников у России не было. Все дальнейшие размышления главнокомандующего отныне сводились к поиску возможности предотвратить вступление Австрии и Пруссии в войну, чтобы остановить расширение вражеской коалиции до безнадежных для России размеров.

Паскевич вспомнил об Отечественной войне. Он ясно видел, что, в отличие от событий 1812 года, на этот раз Россия оказалась перед лицом опасной стратегической внезапности. Николай I не мог быть готов к борьбе против такой коалиции. Альянс его противников в любой момент мог объединить четыре из пяти великих держав. Военная угроза приобретала такие масштабы, при которых Россия гарантированно обрекалась на поражение:

«Неограниченное властолюбие Наполеона заставляло задолго предвидеть 1812 г. и дало нам полтора года на приготовления. В 1810 г. могли мы начать уже формирование новых полков; весь 1811 г. устраивали резервы и магазины в тылу и потому, в 1812 г., начав отступление до самой Москвы, пополняли убыль в войсках резервами. (...) К счастью, фланги наши были свободны и все средства Англии в нашем распоряжении. Россия могла выдержать со славой борьбу с Наполеоном. (...) Ныне обстоятельства так быстро изменялись, что не

⁴⁸⁶ РГВИА. Ф. 14013. Оп. 1. Д. 3. Лл. 15-22. См. также: Ф. 481. Оп. 1. Д. 13. Лл. 15 – 20 об. 10.

дали нам возможности подготовиться. Дай Бог, чтобы я ошибался, но мне кажется нельзя уже сомневаться, что Пруссия будет действовать вместе с Австрией против нас. Имея двух неприятелей в центре, тогда как десанты французов на черноморских берегах в одно время с австрийцами из Трансильвании выйдут на коммуникации нашей Дунайской армии, а пруссаки обойдут наш фланг в Литве, мы уже не можем держаться ни в Польше, ни в Литве, а отступая не найдем магазинов».

Фельдмаршал объяснял Николаю I тот очевидный факт, что Россия не может в одиночку бороться против всей Европы. В случае неудачи она будет оттеснена за Днепр, потеряет Литву и Польшу, лишится практически всех результатов победоносных войн Екатерины II и Александра I.

Во второй части записки Паскевич рассуждал о возможных путях выхода из создавшегося положения. Он пришел к выводу, что для России важнее всего выиграть время и, следовательно, ей необходимо принять ультиматум об очищении Княжеств. В этом случае, даже если прекращение войны с Англией и Францией не будет достигнуто, появлялся шанс удержать пруссаков и австрийцев от вступления в конфликт:

«Если бы морские державы и не согласились на наши предложения, то и тогда мы, по крайней мере, выиграем время: в полтора-два месяца успеем укрепить свою настоящую позицию на Днестре. (...) У нас же в центре будут подходить войска; соберем магазины; словом осмотримся, займем стратегические пункты и подготовим продовольствие. Европейские державы также будут иметь время одуматься: их лихорадочное состояние, может быть, успокоится, рассудок возьмет верх».

Таким образом, Паскевич приходил к выводу о необходимости всеми силами затягивать войну. Только это давало шанс на благоприятный оборот событий в будущем. На этом расчете были построены все действия князя Варшавского в ходе кампании 1854 г. При таком положении дел, продолжение операций на Дунае, со стратегической точки зрения, становилось не только бессмысленным, но и опасным.

Отношение Паскевича к продолжению Дунайской кампании изменялось по мере роста концентраций австрийских войск вдоль русских границ. В записке 8 февраля 1854 г. он еще признавал там возможными активные наступательные действия, взятие Силистрии и разгром полевой турецкой армии. Победа на Придунайском театре позволяла, с его точки зрения, высвободить III-й пехотный корпус для боевых действий на западном стратегическом направлении. Выведенный с Дуная III-й корпус, усиленный двумя пехотными дивизиями VI-го корпуса, позволял сформировать отдельную армию для локтевой связи между силами Горчакова и Ридигера.

Так впервые была озвучена идея разделения Большой Действующей армии на три группировки и формирования Средней армии на Волыни. Но осуществить её при значительно изменившихся военно-стратегических обстоятельствах удалось лишь весной 1855 г.

Поскольку к февралю 1854 г. потенциальная военная угроза наметилась по всему периметру западной границы, Паскевич, с одной стороны, хотел свести к минимуму риск дальнейшего расширения конфликта, с другой – стремился к последовательному укреплению положения России на обозначившихся театрах военных действий. «Мы можем, – размышлял главнокомандующий, – укрепившись сначала на Дунае, удерживать Германию и даже угрожать ей, и затем охраняться только против десантов Англии и Франции»⁴⁸⁷.

Весной 1854 г. по мере развертывания австрийцев на фланге и в тылу армии Горчакова князь Варшавский признавал продолжение Дунайской кампании все менее целесообразным. Однако убедить императора Николая вывести русские войска из Княжеств удалось лишь с большим трудом. Реакция императора на программную записку от 28 февраля 1854 г. неизвестна. И хотя Николай I разделял основные положения аргументации Паскевича, он лишь в июне 1854 г. согласился последовать совету об очищении Княжеств.

⁴⁸⁷ Там же. Д. 4. Лл. 53-74 об.

Если перспектива военного столкновения с Австрией в конце февраля выглядела для Петербурга вполне реальной, то опасения насчет вступления в войну против России еще и Фридриха-Вильгельма IV были, по-видимому, преждевременны. В начале весны 1854 г. это еще не было очевидно, но Пруссии был в принципе выгоден строгий нейтралитет в начавшейся войне. Причем эти выгоды носили вполне материальный характер. Пруссия активно занималась реэкспортом русской сельскохозяйственной продукции в Англию. В 1854 г. ввоз из России сала был увеличен почти в 5 раз, конопли – более чем в 10 раз, льна – более чем в 2,5 раза⁴⁸⁸.

Австрийское правительство не желало мириться с присутствием русских войск в низовьях Дуная. В октябре 1853г. в Славонии, Венгрии и Трансильвании была мобилизована армия численностью 130.000 чел. Тем не менее, до весны 1854 г. Австрия воздерживалась от сосредоточения войск в Галиции – естественном плацдарме для наступления против России⁴⁸⁹.

11 марта Горчаков с боем форсировал Дунай у Галаца, Измаила и Браилова. Вскоре русская армия приступила к осаде Силистрии – ключевой крепости в нижнем течении Дуная. Турецкая армия Омера-паши укрепилась в Шумле, дожидаясь подхода союзников. Передовые отряды французской армии начали высаживаться на Галлиполи в апреле, откуда их затем перевозили в Варну, но до мая количество этих войск не вызывало опасений, кроме того, союзникам явно не хватало лошадей, полевой артиллерии и транспортных средств, что означало их беспомощность при действиях вдали от побережья.

Концентрации австрийских сил в Галиции, Трансильвании и Буковине выглядели значительно опаснее. Австрийские войска нависали над коммуникациями русской армии в Молдавии и Валахии. Попытки Дунайской армии после переправы развить успех на южном берегу в этих условиях были сопряжены с огромным риском. Удар австрийцев во фланг и тыл Горчакову мог привести к полному разгрому. Разведка фиксировала перемещения и

⁴⁸⁸ *Тарле Е.В.* Крымская война. М. 2003. Т. 1. С. 57.

⁴⁸⁹ *Rothenberg G.E.* Op. cit. P. 50.

сосредоточения больших масс войск, заготовку австрийцами значительного количества продовольствия, расширение дорог в тылу армии и строительство земляных укреплений вокруг ключевых городов Галиции и Буковины.

8 (20) апреля 1854 г. под давлением Австрии Пруссия согласилась заключить с ней наступательный и оборонительный союз. Берлин включил в текст договора важную оговорку, в соответствии с которой соглашение вступало в силу только в случае «угрозы общегерманским интересам». Поскольку под угрозой германским интересам на дипломатическом языке того времени де-факто понималось только русское вторжение в Австрию, во всех остальных случаях разрыв между Пруссией и Россией становился маловероятным⁴⁹⁰.

В военно-стратегическом смысле апрельский договор ставил крест на любых планах превентивного наступления русской армии против австрийских войск, продолжавших сосредоточение на границе. Любая попытка вести войну на территории Австрии означала риск разрыва со всей Германией. Совокупный военный потенциал 34-х государств Германского союза позволял в теории при «соединенных действиях» развернуть армию численностью 1.200.000 чел⁴⁹¹. Паскевич неоднократно указывал на это обстоятельство в переписке с генерал-адъютантом Жomini летом и осенью 1854 г⁴⁹². С апреля 1854 г., по глубокому убеждению Паскевича, русско-австрийская война могла вестись только на территории России.

К этому времени началось общее развертывание австрийских полевых войск. 9-й, 10-й, 11-й и 13-й армейские корпуса были сконцентрированы в Венгрии и Трансильвании. Так называемый Временный и Сербско-Банатский корпуса расположились на нижнем Дунае. Но лишь два корпуса, 2-й и 4-й, австрийцы решились направить в Галицию⁴⁹³.

⁴⁹⁰ РГВИА. Ф. 207. Оп. 1. Д. 164. Л. 2.

⁴⁹¹ Там же. Ф. 14014. Оп. 2. Д. 20. Л. 25 об.

⁴⁹² Щербатов А.П. Указ. соч. Т. 7. СПб., 1904. С.211-221, 226-243; 264.

⁴⁹³ Rothenberg G.E. Op. cit. P. 50-51.

Несмотря на то, что уже с конца февраля князь Варшавский рассматривал кампанию на Дунае как стратегически бесперспективную, 12 апреля полководец прибыл под осажденную Силистрию и лично возглавил армию. Николай I смотрел на дело иначе. Хотя император прекрасно понимал опасность австрийских военных приготовлений, он считал, что Силистрию можно и нужно взять до их завершения, а также пока союзники не доставили в Варну значительных сил.

Помимо исполнения высочайшей воли в действиях фельдмаршала имелся еще один важный мотив. С его точки зрения, форсирование Дуная и осада Силистрии могли сыграть роль отвлекающего маневра с целью выигрыша времени. Кампания на южном берегу Дуная до тех пор, пока концентрация австрийских войск на фланге и в тылу армии не приобрела угрожающие размеры, позволяла удерживать войска союзников на Балканах и защищать, таким образом, черноморское побережье России⁴⁹⁴.

В это же самое время, князь Варшавский тщательно готовил будущую позицию русской армии за Днестром, отступление на которую он считал неизбежным. В городах Бессарабии и Новороссии, особенно в Одессе, создавались большие запасы продовольствия для войск⁴⁹⁵, укреплялись стратегически важные прибрежные города.

Паскевич писал в Севастополь князю А.С. Меншикову, откровенно излагая свой план: «(...) Действительно, когда будет против нас вся Европа, то не на Дунае нам необходимо ожидать ее (...) Австрия, имея до 230.000 войск в Венгрии, Трансильвании и на сербской границе (...) пошлет в Фокшаны, Яссы или Каменец (...) тысяч 60 или 70, нам совершенно в тыл (...) Тогда положение будет так тяжело, как не было и в 1812 году, если мы не примем своих мер заранее и не станем в своей позиции, где бы ни опасались, по крайней мере, за свои фланги (...) Я ожидаю об этом повеления, а, между тем, сохраняю вид

⁴⁹⁴ Щербатов А.П. Указ. соч. Т. 7. СПб., 1904. С. 142-143.

⁴⁹⁵ Поливанов А.А. Очерк устройства продовольствия русской армии на придунайском театре в кампании 1853-1854 и 1877 гг. СПб., 1894. С. 125-128.

наступательный для того, чтобы, угрожая Турции, оттянуть десанты европейцев от наших берегов, притягивая их на себя...»⁴⁹⁶.

Как видно из текста письма, на тот момент Николай I еще не принял решение об эвакуации Княжеств. Напротив, император требовал активизации осадных работ и скорейшего взятия Силистрии. 17 апреля в письме Паскевичу он выразил свое категорическое несогласие с предложением оставить Княжества и отступить сначала за Серет, а потом за Прут⁴⁹⁷.

Тем временем, угроза со стороны австрийцев постепенно нарастала. В конце апреля Паскевич начал вывод войск из Малой Валахии, с одной стороны, чтобы не провоцировать Австрию действиями вблизи Сербии, с другой, чтобы эти войска не попали под австрийский удар со стороны Трансильвании.

6 мая 1854 г. русский посланник при австрийском дворе граф Э.Г. Штакельберг докладывал: «(...) Австрия одна может принести нам более вреда, чем Англия, Франция и Турция взятые вместе. Захочет ли она сделать это без поддержки Пруссии, которая более к нам расположена, вопрос будущего»⁴⁹⁸.

Приказ императора Франца Иосифа о сосредоточении дополнительных сил в Венгрии и Галиции последовал 15 мая 1854 г.⁴⁹⁹. Объявлялся призыв резервистов на службу. В Венгрии началась мобилизация 3-й армии под командованием эрцгерцога Альбрехта, а в Галиции – 4-й армии генерала графа Ф. Шлика. Общее начальство над двумя армиями было поручено генералу Г. фон Гессу – начальнику императорского Главного штаба⁵⁰⁰.

Все еще связанный распоряжениями императора Паскевич был вынужден продолжать осаду Силистрии, хотя, по его мнению, «риск делается почти невозможным и, во всяком случае, неблагоприятным и лишним»⁵⁰¹. 28 мая во время рекогносцировки крепости он был контужен ядром. Фельдмаршалу

⁴⁹⁶ Переписка князя Меншикова с фельдмаршалом князем Варшавским до высадки союзников // Военный Сборник. 1902. № 3. С. 235-236.

⁴⁹⁷ Война России с Турцией 1854-1855 гг // Русская Старина. 1877. Т. 19. С. 91-92.

⁴⁹⁸ Зайончковский А.М. Восточная война 1853-1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. Т. 2. Ч. 2. СПб., 1913. С. 1022.

⁴⁹⁹ Бутковский Я.Н. Указ. соч. С. 46.

⁵⁰⁰ Rothenberg G.E. Op. cit. P. 50

⁵⁰¹ Щербатов А.П. Указ. соч. Т. 7. СПб., 1904. С. 147.

пришлось сдать командование М.Д. Горчакову и уехать в Яссы, откуда 10 июня он снова пытался убедить Николая I отступить за Дунай⁵⁰². Император отлично понимал потенциальную угрозу, исходившую от Австрии, но до июня 1854 г. всё ещё не считал положение опасным настолько, чтобы прекратить осаду Силистрии.

Князь Варшавский располагал многочисленными агентурными данными и видел высокую готовность австрийской армии к нападению. 4 июня он сообщал Горчакову, что, по данным разведки, в Буковине и Галиции осуществляются приготовления к приему большого числа войск, осуществляются работы по расширению дорог. Австрийским командованием было собрано 90.000 новобранцев и резервистов с перспективой набора еще 95.000 чел⁵⁰³.

18 апреля 1854 г. из канцелярии военного министерства командующему русскими войсками в Польше генерал-адъютанту Ф.В. Ридигеру была сообщена выписка секретных сведений, указывавшая, что после завершения развертывания численность австрийской армии достигнет 478.394 чел⁵⁰⁴.

6 июня на имя генерал-квартирмейстера армии генерал-лейтенанта И.С. Фролова пришло разведывательное донесение, из которого следовало, что австрийцы, в скором времени, намерены объявить России войну с целью очищения Княжеств⁵⁰⁵. 6 июля отвечавший в Действующей армии за разведку генерал-полицимейстер И. Абрамович донес из Варшавы генералу Ридигеру и князю Варшавскому о том, что численность австрийских войск в Галиции и на Буковине вскоре достигнет 300.000 чел⁵⁰⁶.

Канцлер Буоль, действительно, предъявил Российской империи ультиматум, требуя покинуть Молдавию и Валахию. Направляя ультиматум, Буоль продолжал преследовать свою цель, подразумевавшую вывод с Балкан

⁵⁰² Там же. С. 184.

⁵⁰³ РГВИА. Ф. 14013. Оп. 1. Д. 14. Лл. 120-121 об.

⁵⁰⁴ Там же. Ф. 14014. Оп. 2. Д. 56. Л. 30.

⁵⁰⁵ Там же. Ф. 14013. Оп. 1. Д. 14. Л. 103.

⁵⁰⁶ Там же. Ф. 14014. Оп. 2. Д. 51. Лл. 146-147 об. То же см.: Оп. 7. Д. 31. 46-47 об.

русских войск. Этим шагом он рассчитывал обеспечить равноудаленность от России и Запада с целью укрепления позиций Австрии в регионе⁵⁰⁷.

Таким образом, стремясь к выгодному для Австрии мирному урегулированию, Буоль шел на очевидный риск войны с Россией. Однако канцлер полагал, что, даже если такая война начнется, её масштабы ограничатся Княжествами⁵⁰⁸.

Политика Буоля вызывала жесткую оппозицию со стороны австрийского генералитета. Начальник императорского главного штаба генерал фон Гесс придерживался мнения, что даже война, «ограниченная» рамками Княжеств, потребовала бы мобилизации не менее 200.000 чел. и активной помощи со стороны Пруссии. Ожидать же, что Пруссия вступит в войну на стороне Австрии, можно было только в том случае, если бы русские войска вторглись на австрийскую территорию.

19 июня находившемуся в Яссах на лечении после контузии Паскевичу была доложена приблизительная дислокация 2-го, 4-го, 9-го, 10-го, 11-го и 12-го австрийских корпусов, сосредоточенных на границах России⁵⁰⁹. В начале июля было выяснено, что общая численность австрийских войск вскоре достигнет 300.000 чел., из которых 70.000 сосредоточены в районе Кракова, не менее 50.000 – в Трансильвании⁵¹⁰, 30.000 – около Лемберга (Львова), 40.000 – в остальной Галиции и 90.000 – в Буковине⁵¹¹.

Развертывание австрийцами такого количества войск, наконец, убедило Николая I в справедливости доводов князя Варшавского. 12 июня от императора пришло приказание прекратить осадные работы. Получив разрешение, Паскевич немедленно увел войска за Дунай, сохранив небольшой плацдарм у Тульчи и Исакчи.

Капитан Г. Пестов, дивизионный квартирмейстер 6-й легкой кавалерийской дивизии, в июне 1854 г. стал свидетелем того, как в Фокшанах

⁵⁰⁷ Дегоев В.В. Внешняя политика и международные системы. С. 281.

⁵⁰⁸ Rothenberg G.E. Op. cit. P. 50

⁵⁰⁹ РГВИА. Ф. 14013. Оп. 1. Д. 14. Лл. 176-177.

⁵¹⁰ Там же. Лл. 109-109 об.

⁵¹¹ Там же. Ф. 14014. Оп. 7. Д. 31. Лл. 46-47 об.

князь Варшавский диктовал приказ о снятии осады Силистрии и отступлении за Дунай, с тем, чтобы избежать угрозы со стороны австрийской армии, сосредоточенной в Трансильвании. Восхищенный тем мастерством, с каким на его глазах старый фельдмаршал при участии своего генерал-квартирмейстера И.С. Фролова распорядился войсками, кавалерийский капитан вспоминал: «В продолжение войны 1853-1856 годов я имел случай быть с докладом у всех главнокомандующих, и, признаюсь, Светлейшему князю Паскевичу как полководцу я кланяюсь низко»⁵¹².

20 июня Паскевич из Ясс переехал в Гомель, где продолжил лечение. Армия начала возвращаться на российскую территорию. 10 августа Омер-паша занял Бухарест, но вскоре, по соглашению с союзниками, турок сменили австрийцы. В конце августа армия Горчакова отошла за Прут на территорию Бессарабии. Командующий располагал весьма внушительными силами, насчитывавшими 8 пехотных дивизий, 4½ дивизий кавалерии, 3 стрелковых и 3 саперных батальона, 8 казачьих полков и 392 орудия – всего до 120.000 чел⁵¹³.

После завершения Дунайской кампании русская армия была готова встретить австрийское нападение на более удачных позициях. Войска располагались за Днестром, к Пруту были выдвинуты только передовые отряды. К северу от позиций Горчакова на Волыни находился созданный Паскевичем в мае 1854 г. отряд генерала И.П. Шабельского в составе трех дивизий резервной кавалерии и 6-й пехотной дивизии⁵¹⁴.

Еще севернее – в Царстве Польском – в боевой готовности стояла армия Ф.В. Ридигера, имевшая для действий в направлении австрийской границы шесть пехотных дивизий, не считая войск в гарнизонах.

После завершения вывода русских войск из Придунайских княжеств, прочность обороны западной границы России уже не вызывала у Паскевича столь острых опасений, хотя по сведениям на 21 августа 1854 г. численность

⁵¹² Пестов Г. Из воспоминаний о войне 1854 г //Военный Сборник. 1879. Т. 93. № 9. С. 29.

⁵¹³ Богданович М.И. Восточная война 1853-1856 гг. Изд. 2. Т. 2. СПб., 1877. С. 107.

⁵¹⁴ РГВИА. Ф. 38. Оп. 4. Д. 1057. Л. 9.

австрийских войск в Галиции и на Буковине составляла 200.000 чел⁵¹⁵. Исключение составлял лишь район Волыни. Стратегически важное шоссе Брест-Киев проходило вдоль Припятских болот в непосредственной близости от границы с Австрией. В условиях, когда главные силы III-го и IV-го корпусов вернулись с Дуная, появилась возможность усилить войска, прикрывавшие Волынь.

Князь Варшавский полностью разделял идею военного теоретика генерал-адъютанта А.–А. Жомини, который, также как и Паскевич, пришел к мысли, что наиболее рациональным решением станет разделение русских войск на западе на три самостоятельные армейские группировки⁵¹⁶. В этом случае русская армия получала возможность парировать фланговым ударом вторжение австрийцев на любом возможном направлении.

В начале августа Паскевич от Вислы до Черного моря располагал войсками: I-го, II-го, III-го, IV-го пехотных корпусов, а также 15-й и 16-й дивизиями, соответственно, V-го и VI-го корпусов. В районе Варшавы развернулись две дивизии Гренадерского корпуса. Во втором эшелоне расположились I-й и II-й Резервные кавалерийские корпуса, поддержанные резервными пехотными бригадами и дивизиями.

Англо-французский десант Крыму сорвал планы главнокомандующего по уплотнению обороны на западе. На Волыни сохранялась слабо прикрытая 400-километровая брешь. Осенью 1854 г. войска, необходимые для обеспечения устойчивой локтевой связи между армиями Горчакова в Бессарабии и Ридигера в Польше, потребовалось срочно направить в Крым.

После ухода русских войск из Княжеств Буоль выступил с новой мирной инициативой, известной как «четыре пункта» и содержавшей неприемлемое на тот момент для Петербурга требование о пересмотре конвенции о Проливах 1841 г⁵¹⁷.

⁵¹⁵ Там же. Ф. 14014. Оп. 2. Д. 61. Л. 4.

⁵¹⁶ Щербатов А.П. Указ. соч. Т. 7. СПб., 1904. С. 241-242.

⁵¹⁷ Дегоев В.В. Внешняя политика и международные системы. С. 282-283.

5 августа 1854 г. главнокомандующий австрийской армией в северной Италии фельдмаршал Й. Радецкий в письме императору Францу Иосифу указал на то, что военные приготовления на востоке недопустимо ослабляют вверенную ему 2-ю армию на границах с Францией и Пьемонтом. С мнением прославленного полководца при дворе спорить не решились, предназначенный к отправке в Галицию 6-й армейский корпус был остановлен и возвращен в район г. Тревизо⁵¹⁸.

Австрийские генералы не одобряли присутствия русских войск в устье Дуная, но, за явным исключением в лице эрцгерцога Альбрехта, не желали бросать России вызов. Их предпочтения, в особенности Радецкого и Й. Елачича, лежали в области экспансии на западных Балканах⁵¹⁹.

Фон Гесс также был настроен скептически по поводу перспективы войны с Россией. Но, подчиняясь приказу императора, в конце лета 1854 г. он разработал план наступления, в основу которого была положена идея нанесения удара из Галиции на северо-восток между Вислой и Бугом⁵²⁰.

Опасения Гесса в значительной степени были оправданы. Австрия в случае вторжения на русскую территорию не могла рассчитывать на помощь Пруссии, а ее собственный военный потенциал всё ещё оставлял большие сомнения в возможности успешной борьбы с армией Николая I. По словам французского историка, среди австрийского генералитета русский император продолжал пользоваться огромным авторитетом. «Война против него казалась им изменой»⁵²¹.

Стремление русской дипломатии к расширительному толкованию положений Адрианопольского трактата 1829 г., касавшихся прав на покровительство православным подданным султана, в обстановке начала 1850-х гг. не вызывало у Австрии понимания. Канцлер Буоль, который до 1853 г. выступал при венском дворе как сторонник сближения с Петербургом, серьезно

⁵¹⁸ *Rothenberg G.E.* Op. cit. P. 51.

⁵¹⁹ *Ibid.* 50-51.

⁵²⁰ *Ibid.* P. 51

⁵²¹ *Делор Т.* Указ. соч. С. 102-103.

пересмотрел политический курс Австрии. Требования, заявленные Меншиковым в Константинополе, Вена сочла чрезмерными⁵²².

Историк международных отношений Я.Н. Бутковский небезосновательно приходил к выводу, что просербские симпатии русского общественного мнения производили в Вене более серьезное впечатление, нежели любые официальные заявления России. Посольство Орлова ещё сильнее обострило подозрения Австрии⁵²³. «(...) То, что по отношению к Турции называют Восточным вопросом, – заметил однажды австрийский дипломат А. фон Прокеш-Остен, – есть только вопрос между Россией и остальной Европой»⁵²⁴.

Долгосрочные цели австрийской дипломатии в Германии и на Балканах оставались неизменными. Ещё во времена Войны за освобождение Германии 1813 г. и на Венском конгрессе канцлер К.Л. Меттерних стремился к созданию под австрийским контролем единого германского блока, с помощью которого он рассчитывал свести к минимуму возможное влияние России и Франции в центральной Европе. Конечной целью Австрии была такая система международных отношений, внутри которой влияние России и Франции уравнивало бы друг друга. Меттерних надеялся, что в союзе с Пруссией империя Габсбургов сможет защитить свои интересы в Германии⁵²⁵.

События 1830-1840-х гг. показали беспочвенность подобных расчетов. В условиях расширения амбиций Берлина и постепенного роста немецкого национального движения Австрии становилось невозможно сохранить за собой первенство в германских делах без прямой помощи со стороны России.

А. фон Бах, министр внутренних дел Австрии 18 марта 1854 г. в письме эрцгерцогу Альбрехту утверждал: «(...) От России нечего ожидать, чтобы она обращала внимание на немецкие интересы. (...) Австрия не может желать

⁵²² Бутковский Я.Н. Указ. соч. С. 30-31.

⁵²³ Там же. С. 40-43.

⁵²⁴ Петров А.Н. Война России с Турцией: Дунайская кампания 1853-1854 гг. Т. 2. СПб., 1890. С. 54.

⁵²⁵ См. например: Ливен Д. Россия против Наполеона. Борьба за Европу. 1807-1814. М., 2012. С. 393, 579.

ослабления или унижения России, но из-за этого нельзя же давать ей поддержку, представляя исключительный перевес на Востоке».

Подобные заблуждения стали для австрийской внешней политики роковыми. Впоследствии, они привели к её дипломатической изоляции и военным поражениям 1859 и 1866 гг. Буоль и Франц Иосиф «позволили своим страхам перед Россией затмить фундаментальную потребность Австрии в русской дружбе»⁵²⁶. Как показал исход Австро-Итало-Прусской войны 1866 г., вера в возможность сохранить австрийскую гегемонию в Германии без участия России оказалась иллюзией.

Паскевич был храбрым генералом, талантливым и удачливым полководцем. Его роль в войнах первых лет царствования Николая I несомненна. Но как для того, чтобы стать полководцем мало одной лишь храбрости под огнем, так и для того, чтобы стать государственным деятелем, мало быть просто полководцем. В трудный час фельдмаршал нашел в себе силы нести историческую ответственность за ведение проигранной ещё до первого выстрела войны и перед императором, и перед русским общественным мнением, и перед судом потомства.

Несмотря на вынужденное прекращение Дунайской кампании, фельдмаршал достаточно оптимистично подводил итоги боевых действий летом-осенью 1854 г.: «(...) Кампания эта кончилась лучше, чем ожидать было можно: турки и союзники их понесли потери более нас; мы удержали Германию, остановили Австрию, сохранили армию и выиграли время, которое даст нам возможность усилиться для будущего. Осада Силистрии до половины лета удержала союзников от покушений на наши берега...»⁵²⁷.

Пассивная и осторожная оборонительная стратегия, к которой Россия вынуждена была прибегнуть, начиная с весны 1854 г., принесла плоды и удержала германские державы от вступления в конфликт. Но содержание на границе армейских группировок, равных по численности войскам

⁵²⁶ Цит. по. *Дегоев В.В.* Кавказ и великие державы. С. 486.

⁵²⁷ *Щербатов А.П.* Указ. соч. Т. 7. СПб., 1904. С. 192.

потенциального противника, требовало серьезного напряжения сил. «(...) Таково затруднительное положение в оборонительной войне, – утверждал князь Варшавский во всеподданнейшей записке 19 мая 1854 г. – Везде должно быть готовым и везде принимать меры, из коих некоторые могут оказаться впоследствии ненужными»⁵²⁸.

К осени 1854 г. фельдмаршал надеялся сосредоточить на границе Австрии главные силы Действующей армии, чтобы при необходимости парировать её наступление на наиболее вероятных направлениях. Но начавшаяся Крымская кампания вновь вынудила его изменить планы.

⁵²⁸ *Зайончковский А.М.* Указ. соч. Т. 2. Приложение. СПб., 1912. С. 408.

Глава 5. Восточная (Крымская) война и Севастопольская кампания. 1855-1856 гг.

Оценка Крыма как периферийного театра, в случае возможной войны с великими державами, имела свою предысторию. В декабре 1832 г. собственноручная записка Николая I, касавшаяся плана действий на случай большого европейского конфликта, предполагала защищать Крым лишь одной пехотной дивизией⁵²⁹. И на протяжении 1830-1840-х гг. полуостров служил квартирным районом для одной из дивизий V-го пехотного корпуса.

В первой половине 1854 г. командовавший русскими силами в Крыму князь А.С. Меншиков испытывал постепенно нараставшую тревогу. Высадку союзников он считал предприятием весьма сложным, но выполнимым. В мае он отмечал, что «Севастополь обеспечен в той мере, что конечно нужен весьма значительный десант, чтобы отважиться сделать решительное нападение на этот порт»⁵³⁰. Но в письме М.Д. Горчакову от 30 июня 1854 г. он уже настоятельно просил вернуть в его распоряжение 16-ю пехотную дивизию⁵³¹. А 29 июля в донесении Николаю I Меншиков указывал, что «бой будет одного против двух, чего, конечно, желательно избежать»⁵³². Однако катастрофические результаты экспедиции союзников в Добруджу, в ходе которой войска генерала Э.-Ш.-М. Эспинаса потеряли 6000 чел. умершими от холеры⁵³³, как следует из переписки с военным министром князем В.А. Долгоруковым в августе 1854 г. в значительной степени развеяли его опасения⁵³⁴.

⁵²⁹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1107. Л. 99.

⁵³⁰ Там же. Д. 5626. Л. 12.

⁵³¹ Оборона Севастополя. Письма князя А.С. Меншикова к князю М.Д. Горчакову. 1853-1855 // Русская Старина. 1875. Т. 12. № 2. С. 304.

⁵³² Князь А.С. Меншиков. 1853-1854 гг // Русская Старина. 1873. Т. 7. № 6. С. 854. См. также: Герсегонов Н.Б. Указ. соч. С. 12.

⁵³³ Крымская экспедиция. Рассказ очевидца, французского генерала. СПб., 1855. С. 38-39.

⁵³⁴ Дубровин Н.Ф. История Крымской войны и обороны Севастополя. Т. 1. СПб., 1900. С. 158.

В сентябре 1854 г. 62-тысячный англо-франко-турецкий десант высадился в Крыму. Для отражения экспедиции таких масштабов сил Меншикова было явно недостаточно. Тем не менее, 8 сентября 1854 г. командующий принял сражение на р. Альма, в котором потерпел поражение. Над Севастополем нависла угроза. С осени 1854 г. борьба в Крыму начала стремительно поглощать те резервы, которые Паскевич считал необходимым удерживать на западном стратегическом направлении.

Уже в октябре из состава Южной армии М.Д. Горчакова, выведенной летом с Дуная и отвечавшей теперь за оборону пространства от Полесья до Черного моря, Меншикову были переданы дивизии IV-го пехотного корпуса под командованием генерала П.А. Данненберга.

12-я пехотная дивизия генерал-лейтенанта П.П. Липранди приняла участие в битве под Балаклавой. 10-я и 11-я пехотные дивизии действовали в кровопролитном сражении при Инкермане. После того, как неприятельский десант закрепился на Сапун-горе, прорвать позиции противника под Севастополем без осадной артиллерии и без серьезных инженерных работ для русской армии становилось практически невозможно, даже несмотря на постепенное прибытие подкреплений. К ноябрю в Крыму возникло патовое положение, началась затяжная осадная война на измор.

Таким образом, к осени 1854 г. перед Паскевичем и Николаем I возникли задачи, явно превышавшие реальные возможности русской армии. Было необходимо удержать Севастополь, прикрыть Новороссию от новых возможных десантов и обеспечить отражение все еще вероятного нападения со стороны Австрии.

К ноябрю 1854 г. русская армия оказалась рассредоточенной на громадном пространстве. Армия Ридигера в Польше имела 144 батальона пехоты и 97 эскадронов кавалерии, Горчаков на Днестре – 149 батальонов и 203 эскадрона, Меншиков в Крыму – 169 батальонов и 79 эскадронов, 229,5 батальонов и 118 эскадронов защищали балтийское побережье⁵³⁵.

⁵³⁵ РГВИА. Ф. 14014. Оп. 2. Д. 48. Лл. 8-9.

Австрийцы продолжали стоять на границе в боевой готовности. 3-я армия в Галиции, по данным русской разведки, имела в своем составе 147.000 чел. В Трансильвании 4-я армия эрцгерцога Альбрехта насчитывала 124.000 чел. После занятия австрийцами Княжеств её численность сократилась до 90.000⁵³⁶.

В сентябре 1854 г. поступившее из Галиции агентурное донесение сообщало: «(...) Чем более Австрия убеждается в том, что на помощь Пруссии в войне против России считать она не может, тем более и поспешнее вооружается в Галиции»⁵³⁷.

Дунайская монархия испытывала большие трудности. Финансовое положение Австрии грозило ей банкротством. Огромные непредвиденные расходы привели к тому, что годовой военный бюджет 1854 г. был полностью израсходован уже в течение первого квартала⁵³⁸. Правительство было вынуждено прибегнуть к принудительным займам. На покрытие старых долгов было выпущено бумажных денег на 140 млн. флоринов⁵³⁹. Мобилизация и содержание армии в ходе Крымской войны обошлись Австрии в 610 млн.

Канцлер Буоль в своей политике встретил противодействие австрийского генералитета. Тем не менее, 22 октября император Франц Иосиф объявил, что австрийская армия должна быть готова к войне с Россией весной 1855 г. После окончательного завершения мобилизации фон Гесс предполагал иметь 327.380 чел. в полевых и около 100.000 во вспомогательных войсках, объединенных в 11 корпусов⁵⁴⁰.

Однако этим планам не суждено было сбыться. 26 октября в своем меморандуме начальник императорского Главного штаба генерал фон Гесс открыто заявил, что даже успешная война с Россией, во-первых, окончательно разорит государство, а, во-вторых, не соответствует политическим интересам монархии. Жесткое противостояние Буоля и военных имело тот результат, что к середине ноября 1854 г. мобилизация австрийских войск была

⁵³⁶ Там же. Оп. 7. Д 31. Л. 73.

⁵³⁷ Там же. Оп. 2. Д. 62. Л. 2 об.

⁵³⁸ *Rothenberg G.E.* Op. cit. P. 51.

⁵³⁹ *Петров А.Н.* Война... Т. 2. СПб., 1890. С. 312.

⁵⁴⁰ *Rothenberg G. E. P.* Op. cit. 51.

приостановлена⁵⁴¹, хотя в декабре Австрия и заключила с Англией и Францией формальный союз.

В меморандуме фон Гесс оценил численность действующих, резервных, запасных и крепостных войск России на западе в 820.000 чел. и 2300 орудий. Австрия, с его точки зрения, могла противопоставить этим силам только 350.000 чел. и 1100 орудий⁵⁴². Примерное равенство по численности могло быть достигнуто лишь при участии войск Германского союза. Гесс рассчитывал на 200-тысячную армию со стороны Пруссии и объединенный 100-тысячный контингент остальных германских государств, что составило бы 650.000 чел. «(...) Лишь присоединяя к ним 100.000 англо-французов и 100.000 турок, – докладывал он императору Францу Иосифу, – появлялся некоторый перевес сил. Но если нельзя рассчитывать на помощь Пруссии, то равновесия не окажется, и тогда придется играть рискованную игру, предоставив 300 тысячам французов пройти чрез австрийские земли»⁵⁴³.

Но появление экспедиционной французской армии на немецких территориях было для германских правителей крайне нежелательно. Там вовсе не хотели того, чтобы Германия исполняла «свое обычное предназначение, то есть подверглась французскому нашествию, была разграблена и опустошена»⁵⁴⁴. Английским интересам также «не отвечало, чтобы Германия стала районом развертывания французских армий. Англичане хотели лишь вооружить против России Германский союз и крупные государства Германии»⁵⁴⁵.

Фон Гесс констатировал, что «нынешнее могущество России покоится на установившемся уже полвека её военном положении на западе и завоевании ей привислинских и придунайских равнин. Рассчитывать на возможность вести наступательную войну, не отняв у России этого положения, было бы промахом». Австрия, считал он, должна уяснить себе: «(...) желает ли она

⁵⁴¹ Ibid. P. 51.

⁵⁴² Бутковский Я.Н. Указ. соч. С. 63.

⁵⁴³ Там же.

⁵⁴⁴ Дельбрюк Г. Указ. соч. С. 126.

⁵⁴⁵ Там же. С. 126-127.

изменения территориальных владений и будет ли это ей полезно?». Начальник императорского Главного штаба высказал убеждение, что обладание Бессарабией стало бы для Австрии грузом. Завоевание же Царства Польского могло принести ещё больший вред. «(...) Это, — доказывал фон Гесс, — принесет Австрии только ущерб в военном отношении, и об руку с ним последует политический упадок. Связь с Францией, заменив союз с консервативной Россией, может иметь впоследствии большие невыгоды, потому что моральное первенство средней Европы, которое в будущем должно принадлежать Австрии, придется навсегда разделить с Францией»⁵⁴⁶. Таким образом, неизбежно должно было случиться то, против чего была направлена вся политика Меттерниха на протяжении первой половины XIX столетия: «(...) С возникновением Польского королевства, Австрия, кроме западной Франции, будет иметь в соседстве еще другую Францию на востоке, как это было во время Людовика XV. Австрия пойдет на буксире Франции, и первенствующее ее влияние в Германии будет утрачено навсегда. Если же русскую Польшу поделить между Австрией и Пруссией, то Франция, со своей стороны требуя вознаграждения, двинется к востоку, захватив левый берег Рейна»⁵⁴⁷.

Вследствие тяжелых условий расквартирования, в войсках на территории Галиции и Трансильвании резко возросла смертность от болезней⁵⁴⁸. В принципе, можно утверждать, что к осени 1854 г. Австрия достигла пика своей боеготовности, и после этого возможности ее армии стали неуклонно снижаться. Но в России этого не могли знать наверняка. Поэтому в Петербурге, куда 18 декабря был срочно вызван фельдмаршал, обсуждалась, в основном, перспектива военного противостояния с австрийцами.

Таким образом, вывод, сделанный Паскевичем в конце февраля 1854 г. о том, что «для Австрии мы можем быть весьма опасны»⁵⁴⁹, нашел свое подтверждение. Неуверенность австрийского генералитета и его опасения

⁵⁴⁶ Бутковский Я.Н. Указ. соч. С. 63-64.

⁵⁴⁷ Там же.

⁵⁴⁸ РГВИА. Ф. 14014. Оп. 7. Д 31. Лл. 61-62.

⁵⁴⁹ Там же. Ф. 14013. Оп. 1. Д. 3. Л. 23.

перед лицом войны с Россией являлись прямым следствием широкомасштабных военных приготовлений, предпринятых князем Варшавским на западном стратегическом направлении. Австрийцы опасались начинать войну без гарантии военной помощи со стороны Пруссии, а пруссаки сохраняли нейтралитет, видя, что русский император не собирается выступать инициатором войны.

Быстрое ослабление Южной армии М.Д. Горчакова, вынужденной посылать в Крым резервы из своего состава, сильно встревожило Паскевича. Когда в декабре 1854 г. зашла речь об отправке Меншикову дивизий еще и III-го корпуса, Паскевич категорически возражал. Он направил Горчакову письмо, в котором указал, что отныне «дело идет уже не о Севастополе, но о лучших наших южных провинциях, и может быть и о Царстве Польском; то есть о населении почти 15 миллионов»⁵⁵⁰.

Совещания Паскевича с Николаем I и военным министром продолжались до начала февраля 1855 г. Предстояло определить то направление, откуда для России исходит главная опасность, выработать план кампании на следующий год и в соответствии с ним распределить войска.

Разнообразные варианты плана возможной кампании в марте 1855 г. в двух записках на имя военного министра обобщил и проанализировал его помощник генерал-майор Д.А. Милютин⁵⁵¹. Авторами этих вариантов были, главным образом, Николай I, Паскевич, Горчаков и Ридигер.

Австрийцы, в случае войны, могли действовать на трех направлениях. Против армии Ридигера в Польше, против армии Горчакова в Бессарабии, либо на Волыни, то есть, вклиниваясь между ними.

Ридигер имел под своим командованием шесть пехотных дивизий I-го, II-го и Гренадерского корпусов. Его войска опирались на крепости Ивангород, Замостье и Брест-Литовск. Завоевание Царства Польского без активной помощи прусской армии было Австрии не по силам.

⁵⁵⁰ Там же. Ф. 481. Оп. 1. Д. 7. Л. 69.

⁵⁵¹ Там же. Ф. ВУА (846). Оп. 16. Д. 5649. Лл. 1-29.

Наступление австрийцев в Бессарабии представлялось более опасным. Южная армия Горчакова была ослаблена, поскольку подкрепления для Меншикова в Крыму посылались именно из её состава. Австрийцы могли выйти на левый берег Днестра и двинуться к Одессе и Николаеву. Удар на южном направлении стратегически приближал их к осадной армии союзников в Крыму и для России был чрезвычайно опасен. Парировать такое наступление было практически нечем, поскольку войска Ридигера находились слишком далеко, а армии на Волыни не существовало.

Не менее тяжелые последствия могло иметь наступление австрийцев на Волыни, в районе Дубно, Кременца и Острога. От Царства Польского до Брацлава зияла 400-километровая брешь, прикрытая лишь несколькими батальонами пехоты и кавалерией. Такой удар ставил под угрозу Житомир, а в перспективе и сам Киев. Выход противника к Полесью фактически вбивал клин между армиями Горчакова и Ридигера.

Противостоять такому вторжению было бы нелегко. Южная армия на Днестре оставалась слишком слабой для нанесения флангового удара. Войска Ридигера в Царстве Польском, из-за австро-прусского договора 8 (20) апреля 1854 г. не могли угрожать Галиции. Единственным средством изменить положение становилось наступление армии Ридигера вдоль Припятских болот по шоссе на Киев.

Две записки Милютина от 3 марта 1855 г. под названием «Обзор последовательных изменений в плане действий на случай войны с Австрией» и от 9 марта под названием «Соображения по некоторым новым предположениям на случай войны с Австрией», дают представление о наличии различных взглядов на перспективу кампании.

Паскевич продолжал считать Австрию наибольшей угрозой и потому требовал концентрации всех свободных сил в Польше. Он хотел собрать между Брестом и Варшавой ударный кулак в 200 батальонов и 200 эскадронов. Помимо сдерживания Австрии, такая концентрация сил была единственным способом действий в том крайнем случае, если Пруссия вступила бы в войну

или если бы австрийская армия усилилась бы французским экспедиционным корпусом.

Весной и летом 1855 г. русское командование всерьез опасалось появления французской армии на западе. Лишь позднее стало ясно, что для мобилизации еще одной армии у Наполеона III просто не было резервов, а сама идея появления французских войск в Германии была политически неприемлема для Пруссии и германских государств⁵⁵².

Князь М.Д. Горчаков, назначенный в феврале главнокомандующим Южной и Крымской армиями, придерживался несколько иного мнения. Он признавал опасность со стороны Австрии, но настаивал на первостепенной важности сохранения за Россией Крыма. Ф.В. Ридигер рассматривал варианты максимально эффективного использования своих войск в случае австрийского вторжения. Николай I, в принципе, склонялся к точке зрения князя Варшавского и при любых действиях в Крыму требовал безусловного сохранения за Россией Царства Польского. В соответствии с этим решением в Польшу были направлены две гвардейские пехотные дивизии.

Во время шестинедельного пребывания в столице Паскевич заметил, что цесаревич Александр Николаевич в гораздо большей степени, чем Николай I, разделяет настроения общественного мнения и важнейшей считает борьбу в Крыму⁵⁵³.

2 февраля Иван Федорович покинул Петербург и вернулся в Варшаву, а 18 февраля скончался Николай I. Смерть монарха сразу же изменила многое в плане будущей кампании. М.Д. Горчаков сменил А.С. Меншикова, и, пользуясь правами главнокомандующего на юге России, направил в Крым дополнительно 2½ пехотные и одну драгунскую дивизии, что составляло в общей сложности 40 батальонов, 30 эскадронов и 6 казачьих сотен. Подкрепления были взяты из Южной армии, которая после этого сократилась до размеров корпуса. Генерал-адъютант А.Н. Лидерс, который теперь командовал войсками в Бессарабии, для

⁵⁵² Там же. Ф. 14014. Оп. 7. Д 31. Л. 130.

⁵⁵³ Щербатов А.П. Указ. соч. С. 283.

действий в поле располагал только 34 батальонами и 80 эскадронами общей численностью 50.000 чел. Столь слабыми силами невозможно было противостоять австрийцам, если бы они решились вторгнуться в Россию на юге⁵⁵⁴.

В таких условиях было принято решение о создании третьей армии. Эта идея в первой половине 1854 г. высказывалась Паскевичем, Жomini и Николаем I, но тогда в Крыму не требовалось держать три корпуса. Весной же 1855 г. для создания армии на Волыни пришлось взять у генерала Ридигера II-й пехотный и Гренадерский корпуса. Теперь оставшиеся в Польше русские войска могли лишь обороняться. 30 мая был издан приказ о создании Западной и Средней армий.

Александр II, видимо, исходил из того, что война с Пруссией маловероятна, а два корпуса, взятых у Ридигера, в случае вторжения австрийцев в Бессарабию или на Волынь, больше пригодятся южнее Полесья. Командующим Западной армии был назначен командир Гвардейского корпуса генерал С.П. Сумароков⁵⁵⁵. Основой Западной армии стали именно гвардейские части. Она насчитывала 59 батальонов, 53 эскадрона, 52 казачьи сотни и 212 орудий в полевых войсках и 47 батальонов, 2 эскадрона и 48 полевых орудий в гарнизонах крепостей Царства Польского⁵⁵⁶.

Бывший командир II-го пехотного корпуса и герой Венгерской кампании 1849 г. генерал-адъютант Ф.С. Панютин занял должность командующего Средней армией на Волыни. Вверенные ему силы насчитывали 93 батальона, 114 эскадронов, 42 казачьи сотни и 320 полевых орудия⁵⁵⁷.

В обсуждении планов обороны юга России от предполагаемого австрийского вторжения принимали участие не только командующие армиями. 2 марта 1855 г. начальник штаба резервной кавалерии в военных поселениях юга России генерал-лейтенант В.Ф. фон дер Лауниц представил военному

⁵⁵⁴ РГВИА. Ф. ВУА (846). Оп. 16. Д. 5649. Л. 1-29.

⁵⁵⁵ *Щербатов А.П.* Указ. соч. С. 320.

⁵⁵⁶ РГВИА. Ф. 14014. Оп. 2. Д. 68. Лл. 44 об. – 45.

⁵⁵⁷ Там же.

министру князю В.А. Долгорукову доклад⁵⁵⁸, в котором высказал мнение, что, в случае наступления австрийских войск со стороны Прута, русским войскам будет опасно отходить на Ольвиополь и Кременчуг. Такое эксцентрическое движение удалило бы Южную армию от главных сил на западе и ставило под угрозу открытый фланг отступавших войск. Кроме того, противник получал возможность отрезать южную армию от Крыма. Вместо этого фон дер Лауниц предложил занять фланговую позицию между Днестром и Бугом, сохраняя связь с войсками в Польше. Это позволяло угрожать австрийским коммуникациям и не допустить продвижение неприятеля вглубь Украины. Если же по причине значительного численного превосходства противника русские войска все же будут вынуждены отступить, то отходить следовало на Киев. В этом случае оперативная связь с Западной армией сохранялась, а коммуникации противника растягивались. Фон дер Лауниц предположил, что «вероятнее всего, неприятель при таком направлении наших войск никогда не осмелится идти за Балту»⁵⁵⁹.

М.Д. Горчаков отдал приказ командующему Южной армией генералу Лидерсу держаться между Днестром и Бугом, но в вопросе отступления к Киеву с точкой зрения фон дер Лауница не согласился. Горчаков опасался того, что возможный отход в направлении на Киев оголит коммуникацию Крымской армии. Потерю оперативной связи с Западной армией Горчаков считал неизбежной в любом случае, так как район её возможных действий находился севернее Польесья⁵⁶⁰.

Данные мнения в начале марта 1855 г. были представлены на рассмотрение военному министру князю Долгорукову. Проанализировавший их начальник Департамента Генштаба генерал В.К. Ливен пришел к выводу, что, после создания Средней армии на Волыни положение сильно изменилось. Южная армия должна иметь в виду упорную оборону между Днестром и Бугом, однако, точное направление дальнейшего ее отступления не представляется

⁵⁵⁸ Там же. Ф. 38. Оп. 4. Д. 1316. Л. 1-5.

⁵⁵⁹ Там же. Л. 5.

⁵⁶⁰ Там же. Лл. 6 об. – 7.

возможным указать заблаговременно⁵⁶¹. «(...) В настоящее время, – писал генерал Ливен, – относительно пути отступления ничего положительно не может быть определено, кроме видимой цели взаимного подкрепления обеих армий: Средней и Южной, а в случае перенесения главного театра действий из Крыма в Бессарабию и к Одессе, то, само собой разумеется, излишняя масса войск из Таврической губернии должна перенестись для подкрепления левого фланга обеих наших армий»⁵⁶². Категорическое несогласие с планами возможного отступления на Кременчуг князь Варшавский высказал еще в декабре 1854 г⁵⁶³.

К большому облегчению Паскевича весной-летом 1855 г. нового широкомасштабного развертывания австрийских войск не последовало. Острейший финансовый кризис накладывал на политику Австрии свои ограничения. Австрийская армия сильно страдала от болезней⁵⁶⁴. Её совокупные санитарные потери в 1854-1855 гг. составили примерно 35.000 чел. умершими⁵⁶⁵. 22 апреля агент сообщил Паскевичу сведения о том, что нового рекрутского набора в 1855 г. в Австрии еще не начиналось⁵⁶⁶. 3 мая пришло важное сообщение о том, что австрийская армия не готова к вступлению в войну⁵⁶⁷. Внушало определенный оптимизм и поведение Австрии на Венской конференции 15 марта-4 июня 1855 г⁵⁶⁸.

Наличие в разведывательных донесениях большого количества сведений, подтверждающих неготовность Австрии к вступлению в войну, объясняет тот факт, что фельдмаршал согласился с выводом двух корпусов из Польши. Улучшение обстановки на западе провоцировало у императора Александра II, части генералитета и русского общественного мнения желание во что бы то ни стало добиться успеха в Крыму. Желая переломить ситуацию под

⁵⁶¹ Там же. Лл. 8 – 10 об.

⁵⁶² Там же. Лл. 10 – 10 об.

⁵⁶³ Там же. Ф. 481. Оп. 1. Д. 13. Лл. 21-40.

⁵⁶⁴ Там же. Ф. 14014. Оп. 7. Д. 31. Лл. 134 об. – 135; Оп. 2. Д. 243. Лл. 95-95 об.

⁵⁶⁵ Урланис Б.Ц. Война и народонаселение Европы. М., 1960. С. 99-100, 352.

⁵⁶⁶ РГВИА. Ф. 14014. Оп. 7. Д. 31. Там же. Лл. 105-106.

⁵⁶⁷ Там же. Л. 130 об.

⁵⁶⁸ Дегоев В.В. Внешняя политика и международные системы. С. 286-287.

Севастополем, император приказал отправить в Крым II-й пехотный корпус, Гренадерский корпус занял позиции на Перекопе. Средняя армия, не успев сформироваться, сразу же потеряла большую часть своих дивизий⁵⁶⁹.

Тяжелейшие бои под Севастополем постепенно истощали армию, но в стратегических приоритетах фельдмаршала Крымский театр не занимал первое место. Осенью 1854 г. главнокомандующий Действующей армией высказал мнение, что для удержания бастионов Севастополя достаточно 40-50 тыс. чел. даже против 100-тысячной осадной армии союзников, отправка же дополнительных сил была в принципе бесполезна. Во-первых, потому что в Крыму отсутствовали соответствующие запасы продовольствия. Во-вторых, потому что риск ослабления русских армий на западе недопустимо возрастал. Ведь именно осенью 1854 г. Австрия находилась в наивысшей готовности к войне с Россией.

Поскольку стратегическое значение Севастополя исчерпывалось базировавшимся в нем Черноморским флотом, Паскевич полагал, что «не будь в Крыму Севастополя, никому в мысль бы не пришло ни нападать на Крым, ни защищать его»⁵⁷⁰. «Сравните же неудачу в Крыму с теми последствиями, кои могут ожидать нас в беззащитном положении при войне с Австрией на западной границе», – призывал Горчакова фельдмаршал. – «С одной стороны, потеря 16 кораблей, с другой, потеря сначала 4-х губерний с 9 миллионами жителей, а потом, может быть, и потеря Польши, то есть всего 15 миллионов жителей и лучших наших провинций, которые неприятель может занять без боя, и откуда нескоро его потом выгоним»⁵⁷¹.

Трудности с провиантом и фуражом, о которых упоминал князь Варшавский, не стали непреодолимым препятствием, хотя и сказывались на протяжении всей Крымской кампании⁵⁷². Выдающуюся роль в организации снабжения Крымской армии сыграл генерал-интендант Действующей армии

⁵⁶⁹ Щербатов А.П. Указ. соч. Т. 7. СПб., 1904. С. 325.

⁵⁷⁰ РГВИА. Ф. 481. Оп. 1. Д. 13. Лл. 21-40.

⁵⁷¹ Там же.

⁵⁷² К. Из походных воспоминаний о Крымской войне // Русский Архив. 1870. Кн. 1. № 11. С. 2048-2050.

Ф.К. Затлер⁵⁷³. Перед ним встала беспрецедентная по сложности задача. По данным переписи 1848 г. в Крыму проживало 280.000 чел., содержащих 54.000 лошадей и 158.000 голов рогатого скота. Уже в марте 1855 г. русскому интендантству потребовалось обеспечить тыловое обеспечение для армии, насчитывавшей 320.000 чел. и 100.000 лошадей, и к тому же размещенной на полуострове неравномерно⁵⁷⁴.

Мнение Паскевича, будто Севастополь можно удерживать без содействия со стороны многочисленной полевой армии, было ошибкой. Упрек защитников в том, что «против 120.000 не защитить стен Севастополя было бы постыдно даже с третью частью войск»⁵⁷⁵ оказался несправедлив. Князь Варшавский явно недопонимал сложность положения в Крыму. А времени на то, чтобы углубиться в изучение обстановки на этом театре войны, у него попросту не оставалось. В этом он отчасти признался в письме А.-А. Жomini⁵⁷⁶. Рекомендации фельдмаршала относительно строительства под Севастополем передовых оборонительных сооружений с целью фланкирования осадных работ союзников были реализованы в феврале-марте 1855 г. Но противник, снабженный многочисленной осадной артиллерией и постоянно получавший подкрепления, методично подводил свои траншеи к бастионам.

К весне 1855 г. начал отчетливо сказываться перевес средств осады над средствами обороны. Не считая турецких и сардинских контингентов, Британия в течение полутора лет отправила на Черноморский театр около 100.000 чел., Франция – 309.270 чел.⁵⁷⁷ Такой размах действий Наполеона III накануне Восточной войны казался маловероятным. В апреле 1854 г. разведывательные данные, стекавшие в департамент Генерального штаба, указывали совсем иные цифры. В двух немецких аналитических записках, перевод которых был сообщен Паскевичу по приказу Николая I, предельно возможной численностью

⁵⁷³ Милошевич Н.С. Из записок севастопольца. СПб., 1904. С. 37.

⁵⁷⁴ Обручев Н.Н. Изнанка Крымской войны // Военный Сборник. 1858. Т. 4. № 7. С. 247, 251.

⁵⁷⁵ РГВИА. Ф. 481. Оп. 1. Д. 13. Лл. 21-40.

⁵⁷⁶ Щербатов А.П. Указ. соч. Т. 7. СПб., 1904. С. 226.

⁵⁷⁷ Свечин А.А. Эволюция военного искусства. Т. 2. М.-Л., 1928. С. 36. Обручев Н.Н. Изнанка Крымской войны // Военный Сборник. 1858. Т. 1. № 2. С. 585-586.

французской армии в военное время, включая полевые, резервные, запасные и гарнизонные войска, считалось 600.000 чел.⁵⁷⁸. Эти сведения подтвердились в ходе войны. Но предположение о распределении сил между различными театрами оказалось в корне неверным.

В действующих французских войсках считалось 248.300 чел. и 680 орудий. В запасных войсках – 204.670 чел. Организационно армия военного времени насчитывала до двадцати дивизий. Первоначальный состав французской восточной экспедиции был оценен более или менее верно: три дивизии, 34.000 чел. в пехоте, 1400 в кавалерии и 64 орудия. Однако возможность расширения данного контингента была решительно недооценена.

190.000 чел. считались минимумом, который необходимо оставить во Франции для гарнизонной службы, охраны испанской границы и подготовки новобранцев. Около 56.600 чел. должны были остаться в Алжире. Предполагалось, что у французов не будет способа расширить ряды своей армии, иначе как за счет призыва национальной гвардии и формирования новых частей и соединений с нуля⁵⁷⁹. Затем, не менее 260.000 чел. потребуется оставить на востоке Франции и еще 50.000 чел. в Италии. В подобных обстоятельствах, как следовало из записки, для восточной экспедиции просто не оставалось резервов⁵⁸⁰. Французский император не мог выделить для действий в Причерноморье более 45.000 чел⁵⁸¹., призыв же национальной гвардии стал бы для него ходом заведомо неприемлемым политически.

Однако расчет на то, что главные силы своей армии французы вынуждены будут оставить на германской и бельгийской границе оказался несостоятельным. Дружественная позиция по отношению к Парижу, занятая в ходе Восточной войны Пруссией и Австрией, позволила Наполеону III оголить восточную границу Франции. В результате русской армии в Крыму пришлось

⁵⁷⁸ РГВИА. Ф. 38. Оп. 4. Д. 1042. Лл. 2-5.

⁵⁷⁹ Там же. Лл. 4-4об, 5.

⁵⁸⁰ Там же. Л. 5.

⁵⁸¹ Там же. Л. 6-7.

иметь дело с неприятелем, численность которого в несколько раз превышала предвоенные оценки.

В такой ситуации стабилизировать положение под Севастополем можно было лишь с помощью постепенно прибывавших резервов. Но решительно повлиять на обстановку, без ослабления сил в Польше и на Волыни оказалось невозможно. Если в начале 1855 г. в Крыму находилось 134,5 батальона, 79 эскадронов, 49 сотен и 352 полевых орудия⁵⁸², то к концу осады там находилось уже 216 батальонов, 79 дружин государственного подвижного ополчения, 139,5 эскадронов, 93 сотни и 656 полевых орудий⁵⁸³.

К сожалению, прибывавшие резервы в основном лишь покрывали потери на бастионах. Возможности полевой армии по нанесению эффективного деблокирующего удара увеличивались очень медленно. Причиной тому было крайне невыгодное соотношение боевых потерь в ходе осады, несмотря на то, что зима стала для противника тяжелым испытанием. Если же говорить о санитарных потерях союзников, то они едва ли уступали аналогичным потерям русских войск⁵⁸⁴. В условиях середины XIX в. именно высокая смертность от болезней причиняла основной урон противоборствовавшим армиям, так как совокупно она в 2-3 раза превосходила их кровавые потери. Особенность боевых действий в Крыму заключалась в том, что многочисленные подкрепления не позволяли решительно повлиять на ход боевых действий. Находясь на гребне Сапун-горы за мощными укреплениями, союзная армия могла успешно отражать деблокирующие удары.

После Инкерманского сражения в октябре 1854 г. Паскевич признал невозможность сбросить союзную армию в море. Вместо этого князь Варшавский советовал фланкировать осадные работы противника передовыми укреплениями, такими как Камчатский люнет, Волынский и Селенгинский редуты. Когда же в мае 1855 г. эти укрепления были захвачены французами,

⁵⁸² Там же. Д. 1187. Лл. 28-37.

⁵⁸³ Там же. Д. 1419. Лл. 38-41.

⁵⁸⁴ *Наумова Ю.А.* Ранение, болезнь и смерть: русская медицинская служба в Крымскую войну 1853-1856 гг. М., 2010. С. 177.

фельдмаршал счел падение южной стороны лишь вопросом времени. Летом 1855 г. наступила агония осажденного города.

Сравнительно более тяжелые потери защитников Севастополя в тяжелой артиллерии объяснялись, в первую очередь, неравными условиями огневой дуэли. В последние месяцы обороны 2-й, 3-й, 4-й бастионы и Малахов курган, в отличие от батарей союзников, находились под сосредоточенным перекрестным обстрелом. По данным Э.И. Тотлебена, у противника в ходе осады было подбито и повреждено 609 орудий, на русских батареях примерно 900 орудий⁵⁸⁵.

Но на потерях живой силы тактическое несовершенство севастопольских позиций сказывалось гораздо тяжелее. Относительно слабый профиль земляных укреплений и малая площадь обороняемого периметра не позволяли эшелонировать резервы в глубину и укрывать их от огня. Уже в первую бомбардировку, несмотря на то, что русская артиллерия на два неприятельских выстрела отвечала пятью своими, гарнизон потерял 1100 чел. против 344 у противника⁵⁸⁶. В ходе последующих бомбардировок города эта невыгодная для защитников пропорция оставалась неизменной, в то время как в абсолютном исчислении потери постоянно увеличивались. Во время второй бомбардировки в апреле 1855 г. защитники потеряли 6130 чел., а союзники только 1850 чел⁵⁸⁷. В ходе финальной шестой бомбардировки в августе 1855 г. гарнизон потерял 18.000 чел., тогда как союзники 3860 чел⁵⁸⁸.

При этом в ходе первого и второго штурма, когда русская артиллерия и пехота имела возможность действовать непосредственно по атакующим колоннам, столь невыгодная для защитников диспропорция потерь уже не наблюдалась. Штурм передовых укреплений Севастополя, предпринятый союзниками 26 мая 1855 г. стоил французам 5554 чел., а британцам 693 чел.

⁵⁸⁵ *Тотлебен Э.И.* Описание обороны г. Севастополя. Ч. 2. Отд. 2. СПб., 1872. С. 314-315.

⁵⁸⁶ *Свечин А.А.* Указ. соч. С. 57.

⁵⁸⁷ *Гейсман П.А.* Оборона Севастополя. По поводу сочинения Алабина Четыре войны. Походные записки в 1849, 1853, 1854-1856 и 1877-1878 годах. Ч. 3. Защита Севастополя (1854-1856). СПб., 1893. С. 14-15.

⁵⁸⁸ *Герсегонов Н.Б.* Указ. соч. С. 64-65.

убитыми и ранеными, тогда как гарнизон лишился примерно 5000 чел⁵⁸⁹. Четвертая бомбардировка Севастополя 5 июня 1855 г. с учетом потерь в ходе неудачного для союзников штурма на следующий день 6 июня стоила русским войскам 5446 чел убитыми и ранеными против примерно 6700 чел. у англичан и французов⁵⁹⁰. Генеральный штурм 27 августа 1855 г. стоил союзникам 10.067 чел., тогда как защитники потеряли 12.913 чел. убитыми, ранеными и пропавшими без вести. По данным Н.Ф. Дубровина, из этого числа примерно 2000 чел. русские потеряли в день штурма от неприятельской бомбардировки ещё до начала атаки⁵⁹¹.

В таких условиях, несмотря на героическую стойкость обороны, падение южной стороны становилось лишь вопросом времени. Последняя попытка спасти город привела к безнадежному фронтальному наступлению полевой армии на укрепленные позиции союзников у Черной речки 4 августа 1855 г.

Император Александр II требовал от М.Д. Горчакова перехода в наступление. Михаил Дмитриевич не верил в успех операции, но прямо заявить об этом не решился. 28 июля военный совет армии высказался за наступление на р. Черной. Узнав об этом, Паскевич записал: «Суворов не осмелился бы исполнить того, на что отважился главнокомандующий Крымской армией»⁵⁹². Сражение закончилось неудачей и тяжелыми потерями, что лишний раз подтвердило фактическую неприступность союзных укреплений на Федюхиных высотах и Сапун-горе. Возмущение старого фельдмаршала вызвал тот факт, что Горчаков «гнал войска на убой» и «шел на верное поражение», вместо того, чтобы честно доложить императору Александру II о невозможности исполнить его волю⁵⁹³.

⁵⁸⁹ *Тотлебен Э.И.* Описание обороны г. Севастополя. Ч. 2. Отд. 1. СПб., 1868. С. 308.

⁵⁹⁰ *Дубровин Н.Ф.* История Крымской войны и обороны Севастополя. Т. 3. СПб., 1900. С. 270.

⁵⁹¹ *Герсеванов Н.Б.* Указ. соч. С. 64-65; *Дубровин Н.Ф.* Указ. соч. С. 427; *Тотлебен Э.И.* Указ. соч. Ч. 2. Отд. 2. СПб., 1872. С. 229-230.

⁵⁹² *Щербатов А.П.* Указ. соч. Т. 7. СПб., 1904. С. 330-331.

⁵⁹³ *Степанов Н.П.* Князь Михаил Дмитриевич Горчаков в Севастополе. Записка фельдмаршала князя Паскевича 16 сентября 1855 г // *Русская Старина*. 1883. Т. 40. №. 11. С. 372.

Паскевич, всегда противившийся накоплению сил в Крыму, весной 1855 г. проявлял странное терпение, видя уход на полуостров все новых и новых дивизий. Этому можно предложить два объяснения. С одной стороны, его план сдерживания Вены увенчался успехом, и в новом 1855 г. повторного развертывания австрийских войск на русских границах не последовало. С другой стороны, формирование новых соединений из числа резервных и запасных войск в значительной степени заменяло уходящие в Крым батальоны.

После падения Севастополя Александр II в собственноручной записке, подготовленной в Москве 3 сентября, определил приоритетность дальнейших военных задач. Первой задачей провозглашалась оборона Крыма. Второй – восстановление боеспособности Южной армии и надежная защита Черноморского побережья и Новороссии⁵⁹⁴.

Хотя в записке императора не упоминалось прямо о Польше и Волыни, сокращение войск в Крыму должно было привести к тому результату, что группировка русских армий вновь приобретала очертания, выгодные в плане подготовки к войне на западе. Теперь Крымская армия передавала резервы для усиления Южной.

К этому времени на полуострове находились четырнадцать дивизий. В Крыму решено было оставить 7-ю, 8-ю, 9-ю пехотные, 7-ю резервную дивизии III-го пехотного корпуса и 10, 11, 12-ю дивизии IV-го корпуса. Их поредевшие полки было решено привести в 3-батальонный состав и укомплектовать за счет 4-й, 5-й, 6-й дивизий II-го пехотного корпуса, 16-й и 17-й дивизий VI-го корпуса и 15-й резервной V-го корпуса, кадры которых возвращались в Россию для формирования до надлежащего комплекта. Таким образом, состав Южной армии увеличивался до семи дивизий из 112 батальонов⁵⁹⁵.

Общее распределение войск на 1856 г. устанавливало численность Крымской армии в 98 батальонов, 50 дружин государственного подвижного ополчения, 63 эскадрона, 97 казачьих сотен, 264 полевых и 68 конных орудий.

⁵⁹⁴ РГВИА. Ф. 14014. Оп. 2. Д. 68. Лл. 105-112.

⁵⁹⁵ Там же. Ф. 38. Оп. 4. Д. 1419. Лл. 9, 149-152. об.

Южная армия должна была насчитывать 127 $\frac{1}{4}$ батальонов, 44 дружины государственного подвижного ополчения, 209 эскадронов, 45 казачьих сотен, 368 полевых и 128 конных орудий⁵⁹⁶.

В сентябре 1855 г. в письме императору, фельдмаршал справедливо отметил, что «положение дел наших с Австрией, в сущности, не изменилось сравнительно с прошедшим годом. Если Австрия не объявила нам доселе войны, то была удержана лишь сильной армией, собранной в 1854 г. в Польше»⁵⁹⁷. «В 1854 г., – указывал фельдмаршал в записке неизвестному адресату от 24 сентября 1855 г., – мы остановили австрийцев только скорым отступлением за Серет и готовностью встретить их со 170-тысячной, а в 1855 г. – 200-тысячной армией, собранной в Польше»⁵⁹⁸.

И на этот раз князь Варшавский советовал Александру II сосредоточить большие массы войск в составе Западной и Средней армий. 1 октября 1855 г. император ответил, что собрать 175 батальонов для Западной армии и 80-100 для Средней, как просит фельдмаршал, не представляется возможным⁵⁹⁹.

В это время Военное министерство завершало составление общего боевого расписания русских войск на будущий 1856 год. Сохранение всё ещё достаточно сильной Крымской армии, а также заметное усиление Южной и Средней армий за счет Западной указывало на новую стратегическую линию сдерживания Австрии⁶⁰⁰.

В последние месяцы жизни Николая I у России отсутствовали значительные силы на Волыни и Бессарабии. Поэтому Западная армия Ридигера в Польше для создания угрозы флангу противника ориентировалась на действия по операционному направлению Брест-Киев.

Осенью 1855 г. новые планы стали, фактически, зеркальным отражением предыдущих. Теперь предполагалось, что при вторжении австрийцев в Царство Польское отступить должна ослабленная Западная армия, тогда как Средняя и

⁵⁹⁶ Там же. Лл. 189 – 224 об.

⁵⁹⁷ Щербатов А.П. Указ. соч. Т. 7. СПб., 1904. С. 341-342.

⁵⁹⁸ РГВИА. Ф. 38. Оп. 4. Д. 1419. Лл. 24 – 31 об.

⁵⁹⁹ Щербатов А.П. Указ. соч. Т. 7. СПб., 1904. С. 346-347.

⁶⁰⁰ РГВИА. Ф. 38. Оп. 4. Д. 1419. Лл. 118-120.

Южная армия контратакует противника во фланг. В случае вторжения на Волынь и в Бессарабию, оборона пространства к югу от Полесья должна была осуществляться непосредственно Средней и Южной армией.

При этом первоначально отвергнутое Александром II предложение Паскевича относительно усиления Западной армии по существу оказалось исполнено. 8 октября 1855 г. военный министр князь В.А. Долгоруков писал начальнику императорской Главной квартиры генералу В.Ф. Адлербергу, что по новому боевому расписанию Западная армия усиливается до 140-150 батальонов⁶⁰¹.

Тогда же в Военное министерство поступила на рассмотрение записка генерала Ф.Ф. Берга, командовавшего расположенными в Финляндии русскими войсками⁶⁰². Доклад от 27 октября 1855 г. назывался «О военных действиях, возможных на севере в кампанию будущего 1856 года» и логически подразделялся на две части. В первой части генерал Берг анализировал ту опасность, которую неприятельская высадка могла представлять для Финляндии, Остзейского края и района столицы. Наиболее опасным направлением на северном театре Берг признавал Финляндию. С точки зрения Берга, эта провинция по стратегическим и внешнеполитическим причинам представляла более благоприятную цель, нежели Остзейский край. Во второй части записки он рассматривал перспективы десантной операции противника в Финляндии и те меры, которыми русское командование могло бы ей противодействовать.

Берг предположил, что даже в случае высадки на финском побережье, главной целью противника на Балтийском театре будут Кронштадт и Петербург. После нерешительных кампаний на Балтийском море в 1854 и 1855 гг. союзники должны были осознать тщетность своих попыток добиться успеха на Балтике без помощи многочисленной десантной армии. По оценкам Берга в 1856 г. противник мог выделить для операций на севере до 60.000 чел. Но

⁶⁰¹ Там же. Лл. 135-136.

⁶⁰² Там же. Лл. 60 – 116 об.

поскольку для взятия Петербурга и Кронштадта требовалась армия, силой не менее 150-200.000 чел.⁶⁰³ неприятель, как представлялось Бергу, был бы вынужден действовать в два этапа.

На первом этапе при завоевании Финляндии экспедиционная армия союзников могла рассчитывать на помощь Швеции. И лишь после того, как в ходе возможной кампании 1856 г. противник закрепится и перезимует на финском побережье, в следующем 1857 году могло состояться нападение на столицу России.

Ещё в апреле 1855 г. Ф.В. Ридигер в письме военному министру Долгорукову высказал мнение, что решительный англо-французский десант на севере без помощи со стороны Швеции невозможен. Но если бы он даже состоялся, то для России отчасти был бы желателен. Поскольку резервы для такой операции противник мог высвободить лишь за счет войск, действовавших в Крыму, Ридигер посчитал, что подобная ошибка со стороны неприятеля «обратится в нашу пользу в том, что уравновесив его силы с нашими на всех театрах, увеличит везде шанс успеха в нашу пользу»⁶⁰⁴.

Когда Швеция 23 декабря 1853 г. объявила Николаю I о своем нейтралитете, формально её порты остались открытыми для флотов всех враждующих сторон, что отвечало интересам Англии и Франции. В то же время король Оскар I запретил своим подданным поступать к ним на службу. Таким образом, в условиях тяжелой навигации в незнакомой акватории Балтийского моря союзный флот фактически остался без лоцманов.

В ответ на просьбу, высказанную Дании и Швеции со стороны России, закрыть гавани Эльфснабена, Карлсхамна и Киля министр иностранных дел Швеции и Норвегии барон Г. Штирнелд отвечал русскому посланнику Я.А. Дашкову, что «трудно запереть двери дома, не имея к нему ключа (...) Мы этим

⁶⁰³ Там же. Л. 70.

⁶⁰⁴ Там же. Д. 1309. Лл. 5 – 7 об.

ключом не располагаем, почему не в силах удержать флоты бросить якорь, где им вздумается»⁶⁰⁵.

Сухопутная армия Швеции формально насчитывала 140.000 чел., из которых примерно 60.000 чел⁶⁰⁶. составляли действующие войска. Её флот, помимо крупных кораблей, имел 328 канонерок, незаменимых при действиях в финских шхерах. Британский флот на Балтике в кампанию 1854 г. канонерских лодок не имел вовсе.

Общественное мнение Швеции по отношению к России было настроено в целом недоброжелательно. Идея войны за возвращение Финляндии была весьма популярна. Летом 1854 г. падение Бомарзунда, небольшой русской крепости на Аландских островах, вызвало в Стокгольме ликование. Но король Оскар I колебался. Он отказался принять под свою власть завоеванные союзниками Аландские острова, и в обмен на требование Англии и Франции обещать присоединиться к ним потребовал в свою очередь гарантий финансовой и военной помощи. Главным условием выдвигалось предварительное вступление Австрии в войну против России. «Не я добивался войти в ваш союз, – сказал король французским эмиссарам, – мне предложили его. Я не могу принять предложения, пока не буду уверен, что Германия пойдет с вами.»⁶⁰⁷.

К концу 1855 г., Россия была готова к борьбе с Австрией гораздо лучше, чем летом. Полки армии усиливались дружинами государственного подвижного ополчения. По сравнению с 1853 г., численность вооруженных сил к январю 1856 г. увеличилась в 2,5 раза, если исключить потери, и достигала астрономических по тем временам показателей – 2,3-2,5 млн. чел.⁶⁰⁸. Опасное оголение западной границы, вызванное желанием добиться успеха в Крыму, более не наблюдалось. Союзники, заняв южную сторону Севастополя, даже не пытались затем атаковать Крымскую армию. Потери их были крайне тяжелы, а

⁶⁰⁵ *Бородкин М.М.* Война 1854-1855 гг. на финском побережье: исторический очерк. СПб., 1904. С. 191.

⁶⁰⁶ Там же. С. 195, 206, 390.

⁶⁰⁷ Там же. С. 196-198.

⁶⁰⁸ *Кухарук А.В.* Указ. соч. С. 181-182. Kagan F. W. Op. cit. P. 243.

возможность развить свой успех в Крыму или где бы то ни было еще – сомнительна.

Сведения, получаемые князем Варшавским с австрийской территории, говорили о невысокой боеготовности армии Франца Иосифа. А в ноябре вообще пришло известие о роспуске австрийских войск в Галиции по домам⁶⁰⁹.

Если на 1 января 1855 г. по данным русской разведки развернутая австрийская армия насчитывала 681.769 чел. и 129.584 лошади, то на 1 сентября 1855 г. уже только 435.243 чел. и 97.544 лошади. Из них примерно 400.000 чел. составляли действующие войска. Таким образом, её общее сокращение составило 246.526 чел. и 32.040 лошадей⁶¹⁰.

Мобилизация огромной, по меркам середины XIX в., армии дорого обошлась России. За время войны, с 1853 по 1856 г. дефицит бюджета по обыкновенным расходам возрос почти в семь раз, с 9 млн. руб. серебром до почти 61 млн., а общая сумма дефицита – в шесть раз с 52 млн. до 307 млн. руб. Более чем на 50 % уменьшилась золотая обеспеченность бумажных денег⁶¹¹. К началу 1856 г. общая сумма внешних и внутренних долгов за годы войны составила 533.273.782 руб. Военные расходы в 1856 г. достигли 228.999.796 руб., а общая сумма расходов – 593.833.068 руб., при том, что доходы за тот же год равнялись 264.925.321 руб. Общая сумма формального долга государства, включая довоенные внешние заимствования, достигла к окончанию войны 1,5 млрд. руб⁶¹².

На этом фоне, в декабре 1855 г. австрийцы предъявили России ультиматум, требуя от Александра II согласия начать переговоры на основе «четырех пунктов». Четыре пункта как основа для будущего мира были впервые сформулированы Англией, Францией, Австрией и Пруссией 8 августа 1854 г. Они предполагали замену русского покровительства над Дунайскими

⁶⁰⁹ РГВИА. Ф. 14014. Оп. 2. Д. 243. Лл. 133 об. – 134.

⁶¹⁰ Там же. Ф. 428. Оп. 1. Д. 72. Лл. 2-19.

⁶¹¹ *Захарова Л.Г.* Самодержавие, бюрократия и реформы 60—70-х годов XIX в. в России // Вопросы истории. 1989. № 10. С. 6.

⁶¹² *Айрапетов О.Р.* Внешняя политика Российской империи (1801-1914). М., 2006. С. 150-153; *Дегоев В.В.* Кавказ и великие державы. М., 2009. С. 219.

княжествами коллективным покровительством пяти держав, свободу судоходства по Дунаю, пересмотр Лондонской конвенции 1841 г. в пользу союзников и замену русского покровительства над православными подданными султана коллективной гарантией их прав, данной европейскими державами⁶¹³.

16 ноября 1854 г. Николай I согласился с возможностью начать переговоры на основании «четырех пунктов»⁶¹⁴, однако в декабре 1854 г. на конференции послов в Вене первоначальная трактовка «четырех пунктов» подверглась серьезному пересмотру. Поскольку союзники требовали от России «отказа от преобладающего положения в Черном море», что фактически означало ликвидацию Черноморского флота, а также территориальных уступок в районе устья Дуная, Николай I не мог принять такие условия.

Получив в декабре 1855 г. австрийский ультиматум, император Александр II испытывал мучительные колебания в вопросе о продолжении войны. В историографии не существует четкого ответа на вопрос, что предприняла бы Австрия, отклони Россия её требование. Во всяком случае, император Франц Иосиф и Буоль низко оценивали вероятность получить от Петербурга положительный ответ⁶¹⁵. Британский историк Э. Ламберт предположил, что уступчивость России объяснялась опасениями за столицу империи в результате будто бы неминуемого поражения в ходе готовившейся новой экспедиции союзников на Балтике, планируемой на 1856 г.⁶¹⁶. Однако осторожный оптимизм записки генерала Берга, позволяет говорить о недоказанности мнения Ламберта. Положение России на Балтийском театре оставалось достаточно прочным, и потому командующий в Финляндии просил военного министра князя Долгорукова лишь о незначительных подкреплениях. Подписанное министром 2 ноября 1855 г. общее распределение войск на 1856 г. содержало особый раздел, посвященный Балтийскому театру. Комментарии

⁶¹³ Айрапетов О.Р. Указ. соч. С. 199.

⁶¹⁴ Маринин О.В. Русско-английские отношения в первой половине 1855 г // История СССР. 1986. № 5. С. 150; История внешней политики России. Первая половина XIX в. С. 400.

⁶¹⁵ Дегоев В.В. Кавказ и великие державы. С. 510.

⁶¹⁶ Lambert A.D. The Crimean war. British grand strategy against Russia, 1853-1856. Manchester, N.Y., 1990. P. 299.

Долгорукова к данному разделу практически в точности повторяли аргументы, высказанные в октябре 1855 г. в докладе Берга. Они сводились к трем основным выводам: во-первых, без десанта крупных сухопутных сил союзники не могут рассчитывать на серьезный успех, во-вторых, стратегическая цель неприятеля на севере предполагает овладение Петербургом и Кронштадтом, в-третьих, в качестве промежуточного этапа на пути овладения районом столицы противнику будет необходимо закрепиться в Финляндии. В преддверии кампании 1856 г. развернутую в Финляндии армию планировалось серьезно усилить. По боевому расписанию на 1856 г. численность пехоты с 71 батальона увеличивалась до 101, численность кавалерии с 18 казачьих сотен возрастала до 42, численность орудий полевой артиллерии, соответственно, со 104 до 108. По мнению В.А. Долгорукова, численность выделенных для обороны севера русских войск позволяла «встретить неприятельскую десантную армию, даже и превышающую 50.000 войск с должной энергией»⁶¹⁷.

Князь Варшавский не принимал участия в политическом совещании по вопросу австрийского ультиматума. Состояние его здоровья с осени 1855 г. внушало серьезные опасения. Врачи обнаружили у главнокомандующего рак желудка. 20 января 1856 г. князь Варшавский скончался.

Невозможно утверждать наверняка, какую точку зрения поддержал бы Паскевич, если бы Александр II попросил его высказаться. Положение России, в случае отказа принять ультиматум, не выглядело безнадежным. Ресурсы для продолжения борьбы еще имелись. Угроза присоединения Австрии к союзникам, бесспорно, существовала, но готовность австрийской армии к боевым действиям была низкой. В феврале 1856 г. 4-я армия генерала Шлика в Галиции насчитывала 45 батальонов, 12 отдельных рот, 36 эскадронов и 224 орудия общей численностью 43.687 чел. и 7598 лошадей. Австрийские войска в Придунайских княжествах состояли из 25 батальонов, 4 отдельных рот и 32 эскадронов. Они имели в своем составе 41.344 чел., 8512 лошадей и 96 полевых

⁶¹⁷ РГВИА. Ф. 38. Оп. 4. Д. 1419. Лл. 200-202 об.

орудий⁶¹⁸. К 1 июля 1856 г. общая численность австрийской армии сократилась до 355.425 чел. и 65.942 лошадей⁶¹⁹, таким образом, она стала лишь половиной той силы, что стояла на русских границах в конце 1854 г.

Тем не менее, участники совещания и Александр II сделали свой выбор и признали поражение.

К концу 1855 г. неудача России в борьбе за нейтральные страны стала очевидной⁶²⁰. Возможное расширение враждебной коалиции означало противостояние с непредсказуемыми для России последствиями. На то, что при неблагоприятном стечении обстоятельств коалиция против России может охватить все европейские державы зимой 1856 г. указывал канцлер К.Ф. Нессельроде в инструкциях для А.Ф. Орлова в преддверии Парижского конгресса⁶²¹.

На декабрьском совещании Нессельроде зачитал вслух текст договора Швеции с союзниками⁶²². Этот оборонительный союз Швеция заключила с Англией и Францией 21 ноября 1855 г. Он был несовместим с нейтралитетом, объявленным Стокгольмом в 1853 г. Русская дипломатия не сомневалась, что данное соглашение содержало секретные статьи о возвращении шведам Финляндии⁶²³.

Пруссия также настойчиво советовала Петербургу принять ультиматум. Она не желала полного поражения России, но ещё менее, по мнению Э. Даниэльса, Берлин хотел быть втянутым в войну против Франции и Австрии. С точки зрения германского историка, Пруссия не могла выиграть такую войну «без призыва демократических сил», что едва ли было приемлемо для королевского двора⁶²⁴. По всей видимости, Даниэльс сильно переоценивал

⁶¹⁸ Там же. Оп. 5. Д. 686. Лл. 23 об. – 26.

⁶¹⁹ Там же. Ф. 428. Оп. 1. Д. 77. Лл. 2 – 19.

⁶²⁰ *Маринин О.В.* Дипломатическая деятельность России на завершающем этапе Крымской войны. Парижский мирный конгресс 1856 г. Диссертация на соискание уч. ст. к. и. н. М., 1987. С. 185.

⁶²¹ К истории Парижского мира 1856 г // Красный Архив. 1936. № 2 (75). С. 13-14.

⁶²² *Муханов В.А.* Из дневника В.А. Муханова // Русский Архив. 1896. № 10. С. 164.

⁶²³ *Бородкин М.М.* Указ. соч. С. 203-204.

⁶²⁴ *Дельбрюк Г.* Указ. соч. С. 128.

вероятность открытого выступления Пруссии на стороне России против Австрии и коалиции морских держав. Сохранявшееся соперничество двух крупнейших германских государств вынуждало Пруссию противодействовать австрийской политике, но Берлин отчетливо понимал, что лишь в состоянии нейтралитета Пруссия могла иметь во время войны политическое значение для обеих воюющих сторон⁶²⁵. Осенью 1855 г. Паскевич также отмечал огромное значение прусского нейтралитета для русской стратегии⁶²⁶.

Князь Варшавский был ближайшим сподвижником Николая I, но ретроспективно он готов был поставить под сомнение целесообразность ряда аспектов внешней политики императора в предвоенные годы. Решающим фактором, благодаря которому Восточная война не продолжилась для России по наиболее опасному сценарию, главнокомандующий справедливо считал прусский нейтралитет.

В том же неотправленном письме М.Д. Горчакову Паскевич с ясно читающимся в подтексте укором в адрес покойного самодержца указал, что «не геройская оборона Севастополя остановила австрийцев, а благородная твердость короля прусского, великодушно забывшего все наши непростительные насмешки и даже дерзости, которые столь безрассудно ему делали в 1848 году и последующих годах»⁶²⁷.

К сожалению, в этих признаниях была изрядная доля самооправдания и лукавства, возможно, извинительная, лишь принимая во внимания тяжелое физическое состояние умиравшего военачальника. Кому, как не Паскевичу, было знать, что в дни чреватого общеевропейской войной кризиса 1848-1850 гг. внешняя политика России руководствовалась чем угодно, но только не «безрассудством». Именно князь Варшавский 17 декабря 1849 г. в письме

⁶²⁵ *Петров А.Н.* Русские дипломаты на Парижском конгрессе 1856 г // Исторический вестник. 1891. Т. 43. № 3. С. 672-674.

⁶²⁶ *Степанов Н.П.* Князь Михаил Дмитриевич Горчаков в Севастополе. Записка фельдмаршала князя Паскевича 16 сентября 1855 г // Русская Старина. 1883. Т. 40. № 11. С. 369-380. *Он же.* Мысли фельдмаршала Паскевича по поводу обороны и падения Севастополя. 16 сентября 1855 г // Русская Старина. 1872. Т. 6. № 10. С. 427-435.

⁶²⁷ *Степанов Н.П.* Указ. соч. С. 371.

Николаю I признавал желательным для государственных интересов России взаимное истощение германских держав, в том случае, если их конфликт всё же перерастет в войну.

На первом совещании по вопросу о принятии австрийского ультиматума 20 декабря 1855 г. (1 января 1856 г.) присутствовали канцлер К.В. Нессельроде, бывший главнокомандующий Отдельным Кавказским корпусом генерал-адъютант светлейший князь М.С. Воронцов, министр государственных имуществ граф П.Д. Киселев, шеф жандармов и главный начальник III Отделения собственной императорской канцелярии граф А.Ф. Орлов и президент Академии наук граф Д.Н. Блудов. На второе совещание 3 (15) января 1856 г. были дополнительно приглашены управляющий Морским министерством великий князь Константин Николаевич, опытный дипломат член Государственного совета барон П.К. Мейендорф и военный министр князь В.А. Долгоруков. В ходе обоих совещаний все участники, за исключением Д.Н. Блудова, высказались за прекращение войны⁶²⁸. Военный министр зачитал записку своего помощника генерал-майора Д.А. Милютина, содержащую данные о тяжелом, хотя и не безнадежном, истощении материальных ресурсов России. Милютин приходил к выводу, что в будущем «после нескольких неудачных кампаний условия мира будут ещё тягостнее для нас; в таком случае и все жертвования будут только напрасным истощением последних сил России»⁶²⁹.

Ни один крупный действующий военачальник на совещание приглашен не был.

Выслушав единодушное мнение В.А. Долгорукова, К.В. Нессельроде, П.Д. Киселева и А.Ф. Орлова, император Александр II признал войну проигранной и согласился на мирные переговоры.

⁶²⁸ *Татищев С.С.* Император Александр II, его жизнь и царствование. М., 1996. Кн. 1. С. 201.

⁶²⁹ *Бестужев И.В.* Из истории Крымской войны 1853-1856 гг // Исторический Архив. 1959. № 1. С. 204-208. *Бестужев И.В.* Крымская война и революционная ситуация // Революционная ситуация в России. 1859-1861. Т. 3. М., 1963. С. 189-213.

«(...) Россия выпуталась из своего затруднительного положения, – комментировал итоги Парижского мира офицер Генерального штаба А.О. Дюгамель, – быть может, лучше, чем можно было ожидать. (...) Севастополь был взят, но, в сущности, в руки неприятеля досталась лишь куча развалин, и все его попытки проникнуть внутрь Крыма остались безуспешными: союзники могли удаляться от берега моря лишь на несколько переходов, потому что только их флот мог доставлять им съестные припасы, военные снаряды и всё, в чем нуждается армия во время войны. (...) Страна сама по себе не доставляла никаких ресурсов. (...)»⁶³⁰.

Генерал-квартирмейстер Крымской армии полковник Н.Б. Герсеванов проницательно отмечал, что «при тогдашних политических отношениях нападения можно было ожидать на протяжении 6000 верст, и в большей или меньшей степени оно почти везде осуществилось. (...) На каждом важном пункте, которому могли угрожать союзники она (Россия – А.К.) должна была держать части войск, значительные для наблюдения, недостаточные для отпора»⁶³¹.

Паскевич преувеличивал оборонительные возможности Севастополя. Его расчет на удержание крепости без постоянной помощи со стороны русской полевой армии оказался несостоятельным. Но, как и предсказывал князь Варшавский еще в феврале 1854 г., русская стратегия, четко разделив потенциальные театры военных действий на главные и второстепенные, постаралась свести ущерб в изначально безнадежной войне к минимуму. России удалось навязать противнику изнурительную кампанию на периферии, и в то же время избежать непредсказуемой по своим последствиям борьбы с возможной коалицией германских государств на западе.

⁶³⁰ Дюгамель А.О. Автобиография // Русский Архив. 1885. Кн. 2. № 7. С. 404.

⁶³¹ Герсеванов Н.Б. Указ. соч. С. 59-60.

Заключение

Вопрос об ответственности фельдмаршала Паскевича за поражение в Крымской войне его самого не волновать не мог. В последние месяцы жизни военачальник часто размышлял о своем месте в русской истории. В неотправленном предсмертном письме М.Д. Горчакову в сентябре 1855 г. фельдмаршал говорил, что «встречает смерть без страха и ропота с уверенностью, что соотечественники мои отдадут мне справедливость, когда убедятся что (...), я умел (...) говорить правду покойному государю (...)»⁶³².

С 1831 г. фельдмаршал входил в негласный «триумвират» в составе императора и военного министра князя А.И. Чернышева, который определял военную политику и стратегию России, а также решал большинство вопросов военного строительства.

Благодаря их деятельности в 1853 г. Россия обладала армией втрое превосходившей её собственные военные силы в 1812 г. Поэтому двоюродный брат императора Николая герцог Е. Вюртембергский пришел к выводу, что «(...) одна попытка уязвить крайние оконечности русского исполина явила достаточные свидетельства его мощи, которой не верили в западной Европе (...)»⁶³³

Боевое командование Большой Действующей армии и развитая тыловая инфраструктура на территории Царства Польского создавались, исходя из перспективы использования русской армии на европейском театре войны в любом возможном операционном направлении. Частичная мобилизация, предпринятая Николаем I в 1839-1841 гг. в ходе кризиса, вызванного событиями в Бельгии и Второй Турецко-Египетской войной, послужила генеральной репетицией общего боевого развертывания в 1848 г. Наличие

⁶³² Степанов Н.П. Князь Михаил Дмитриевич Горчаков в Севастополе. Записка фельдмаршала князя Паскевича 16 сентября 1855 г // Русская Старина. 1883. Т. 40. № 11. С. 373.

⁶³³ Ветеран. Россия и западные державы в марте 1855 года. Военно-политическая дума герцога Евгения Вюртембергского // Военный Сборник. 1869. № 1. С. 16-17.

хорошо отлаженного механизма приведения Действующей армии на военное положение и страх западных соседей России перед военной мощью Петербурга сыграли тогда решающую роль в умиротворении Европы.

Но в 1853-1854 гг. произошли события, фатальное развитие которых созданная после 1831 г. военная система оказалась просто бессильна предотвратить. Возникла ситуация стратегической внезапности, когда первоначально не предвещавший серьезных осложнений ближневосточный кризис стремительно перерос в такую войну, которую николаевская Россия не проиграть уже не могла.

Князь Варшавский нес определенную долю ответственности за перерастание восточного кризиса в Крымскую войну и за ту международную изоляцию, которая предопределила её неудачный для России исход. Но в водовороте противоречивых внешнеполитических событий начала 1850-х гг. непросто было предвидеть стремительный переход англо-французских отношений от почти враждебных и чреватых прямой военной конфронтацией в 1850-1852 гг. к складыванию антироссийского альянса в 1853-1854 гг., бывшего, по словам американского историка Дж. Дейли, «скорее, исключением, чем правилом»⁶³⁴. Прогнозирование подобных «аномалий» всегда представляет сложность для стратегии и дипломатии.

Всего лишь через год после «Ольмюцкого унижения» 1850 г. столь же неожиданным могло показаться сначала быстрое восстановление направленного против Франции союза России, Австрии и Пруссии, а затем резкое изменение внешнеполитического курса германских держав в связи с начавшейся Восточной войной.

Фельдмаршал и Николай I в значительной степени несут историческую ответственность за предвоенные внешнеполитические просчеты, приведшие Россию к столкновению с коалицией в условиях международной изоляции. Но осторожность Паскевича в 1853-1854 гг. выглядит обоснованной, если принять во внимание, что по мере нарастания восточного кризиса ход событий уже с

⁶³⁴ *Daly J.C.K. Russian Seapower and The Eastern Question, 1827-41. Annapolis, 1991. P. 183.*

трудом поддавался прогнозированию. Когда угроза войны с Турцией стала очевидной, фельдмаршал призывал к сдержанности, чтобы не осложнять отношений с морскими державами. Паскевич и Николай I явно недооценивали прочность англо-французского союза, поэтому на протяжении некоторого времени питали надежды на разрушение альянса Турции и западных держав. Эти надежды не оправдались.

В феврале 1854 г. князю Варшавскому пришлось полностью пересмотреть приоритеты русской стратегии. После того, как выяснилось, что Англия и Франция вступают в войну на стороне Турции, и Австрия занимает враждебную по отношению к России позицию, Паскевич начал отчетливо понимать, что вырисовывающиеся масштабы конфликта превышают естественные пределы возможностей русской армии. Несмотря на очевидный рост военного потенциала России в 1830-1840-е гг., ей не приходилось рассчитывать на успех в столь неравной борьбе.

Сопоставляя события 1812 и 1854 гг., фельдмаршал ясно сознавал, что Россия попала в исключительно опасное положение. При всем доверии Николая I к его «отцу-командиру», последнему летом 1854 г. стоило огромных трудов склонить императора на уступки. Решение Паскевича об эвакуации русских войск из Княжеств позволило выиграть время и несколько разрядить напряжение в отношениях с германскими державами.

Оценивая роль князя Варшавского в Восточной войне, нужно признать, что он, в целом, верно представлял себе предел военных возможностей Российской империи. И как только в феврале 1854 г., по мнению Паскевича, произошел выход за эти пределы, стало ясно, что конечный успех в войне уже невозможен.

Паскевич видел глубину внешнеполитической изоляции России и хорошо себе представлял, что эта изоляция означает с военной точки зрения. Наиболее опасным из всех актуальных и потенциальных противников России в развернувшейся войне была Австрия. В отличие от Пруссии, она имела с ней важные политические противоречия, именно её армия была в состоянии создать

угрозу наиболее опасному для России западному стратегическому направлению.

Князь Варшавский понимал невозможность одержать победу в таком противостоянии, поэтому его план сводился к затягиванию войны и к стремлению свести конечный результат к наименьшим для Российской империи потерям. В годы Восточной войны действия русской фактически преследовали цель добиться таких условий мира, при которых Россия, несмотря на поражение, сохранила бы место в ряду великих европейских держав. С точки зрения фельдмаршала Паскевича, падение Севастополя, военное значение которого во многом исчерпывалось с утратой флота, было наименее тяжелой моральной и материальной потерей в войне. А риск потери Крыма представлялся менее опасным, чем перспектива потери Царства Польского, Литвы и Правобережной Украины.

Библиография

Архивные фонды

РГВИА – Российский Государственный Военно-Исторический архив.

Ф. 38. Департамент Генерального Штаба

Ф. 207. И.Ф. Паскевич-Эриванский. Личный фонд.

Ф. 428. Коллекция военно-ученого архива. Австро-Венгрия.

Ф. 431. Коллекция военно-ученого архива. Великобритания.

Ф. 432. Коллекция военно-ученого архива. Германия.

Ф. 437. Коллекция военно-ученого архива. Италия.

Ф. 440. Коллекция военно-ученого архива. Франция.

Ф. 442. Коллекция военно-ученого архива. Швеция и Норвегия.

Ф. 481. Коллекция военно-ученого архива. Восточная война 1853-1856 гг.

Ф. 846 (ВУА). Военно-ученый архив.

Ф. 14013. Военно-походная канцелярия главнокомандующего Действующей армией генерал-фельдмаршала И.Ф. Паскевича.

Ф. 14014. Главный штаб I-й (Действующей) армии

Официально-документальные материалы

К истории Парижского мира 1856 г // Красный Архив. 1936. № 2 (75). С. 10-61.

Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. 1-15. СПб., 1874-1909.

Проект образования Военного министерства. СПб., 1836.

ПСЗ II. Т. 11. Отд. 1. № 9038. Учреждение Военного министерства. 29 марта 1836 г.

ПСЗ II. Т. 20. №. 18687. О правах и власти главнокомандующего Отдельным Кавказским корпусом. 21 января 1845.

ПСЗ II. Т. 21. Отд. 3. № 20670. Устав для управления армиями в мирное и военное время. 5 декабря 1846 г.

ПСЗ II. Т. 7. Т. 7. Отд. 2. Штаты и табели. Алфавитный указатель. Действующая армия.

ПСЗ II. Т. 8 Отд. 1. № 6065. О переформировании армейской кавалерии. 21 марта 1833.

ПСЗ II. Т. 8 Отд. 1. № 6676. О переформировании гвардейской и полевой артиллерии.

ПСЗ II. Т. 8. Отд. 1. № 5943. О преобразовании армейской пехоты. 28 января 1833.

Свод военных постановлений. Т. 1-4. СПб., 1838-1842.

Собрание донесений о военных действиях и дипломатических бумаг и актов, относящихся до войны 1853, 1854, 1855 и 1856 годов. СПб., 1858.

Официальные ведомственные труды и материалы военной периодики

В.Я. Французская конскрипция // Военный Сборник. 1858. № 3. С. 57-79.

Веймарн И.Ф. Высшая тактика. СПб., 1840.

Взгляд на состояние русских войск в минувшую войну // Военный Сборник. 1858. Т. 1. № 1. С. 1-15.

Гизетти А.Л. Хроника кавказских войск. Ч. 1-2. Тифлис, 1896.

Жомини Г.В. Аналитический обзор главных соображений военного искусства и об отношениях оных с политикой государств. СПб., 1833.

Жомини Г.В. Краткое начертание военного искусства или новый аналитический обзор главных соображений стратегии, высшей тактики и военной политики. СПб., 1840.

Ильяшевич Л. Статистическое исследование смертности нашей армии // Военный Сборник. 1863. № 2. С. 359-412.

Историческое обозрение военно-сухопутного управления 1825-1850. СПб., 1850.

Лаврентьев А. Очерки вооруженных сил европейских государств // Военный Сборник. 1861. Т. 20. № 8. С. 281-320.

Медем Н.В. Тактика. Ч. 1-2. СПб., 1837.

Несколько слов о влиянии нового ручного огнестрельного оружия на артиллерию // Военный Сборник. 1859. Т. 6. № 3. С. 239-241.

О новых чугунных дорогах в Англии и Франции // Военный Журнал. 1834. № 1-3. С. 93-96.

Обручев Н.Н. Изнанка Крымской войны // Военный Сборник. 1858. Т. 1. № 2. С. 545-586. Т. 2. № 4. С. 429-476. Т. 4. № 7. С. 239-306.

Обручев Н.Н. О вооруженной силе и её устройстве // Военный Сборник. 1858. Т. 1. № 1. С. 16-56.

Последствия преобразований французской армии // Военный Журнал. 1835. № 1-3. С. 1-91.

Расписание сухопутных войск. СПб., 1852

Состав Австрийской Армии // Военный Журнал. 1835. № 1-3.

Состав Генерального штаба Франции // Военный Журнал. 1834. № 1-3. С. 82-104.

Столетие военного министерства 1802–1902. Т. 1–13. СПб., 1902–1914.

Стратегическое исследование границ // Военный Журнал. 1834. № 1-3.

Употребление артиллерии большими массами // Военный Журнал. 1833. № 4-6. С. 1-27.

Хроника Российской Императорской армии. Ч. 1-7. СПб., 1852

Хронологический указатель военных действий русской армии и флота. Тт. 1-5. СПб., 1908-1913.

Числительный состав войск стран Европы // Военный Журнал. 1835. № 1-3. С. 121-160.

Языков П.А. Опыт теории военной географии. Ч. 1-2. СПб., 1838.

Воспоминания, дневники, письма, публицистика

Н. Несколько слов по поводу статьи: «Осада Севастополя в 1854 и 1855 годах», напечатанной в 12-м томе «Военного Энциклопедического Лексикона» // Военный Сборник. 1858. Т. 1. № 2. С. 621-622.

А. М-въ. Отрывки из походных записок о войне в Польше в 1831 году // Военный Сборник. 1860. Т. 12. № 3. С. 3-120.

А.К. Отрывки из воспоминаний. Крымская война 1853-1854 гг // Вестник Европы. 1871. № 1. С. 208-227.

А.Ч. Маркиз Кастельбажак об императоре Николае Павловиче // Русский Архив. 1893. №. 7. С. 421-426.

Адмирал Нахимов. Документы и материалы. М., 1954.

Алабин П.В. Возражение автору статьи: «Был ли взят Севастополь»? // Военный Сборник. 1872. Т. 84. № 3. С. 1-8. Библиография.

Алабин П.В. Генерал декабрь // Военный Сборник. 1870. Т. 71. № 2. С. 399-447.

Алабин П.В. Иван Петрович Голев // Русская Старина. 1881. № 4. С. 869-890.

Алабин П.В. Походные записки в 1849, 1853, 1854-1856, 1877-1878 годах. Ч. 1. Восточная война 1853-1854 г. М., 1890.

Алабин П.В. Русские, раненные в Альминском сражении, у англичан // Военный Сборник. 1870. Т. 71. № 2. С. 389-398.

Алабин П.В. Четыре войны. Походные записки в 1849, 1853, 1854-1856, 1877-1878 годах. Самара, 1888.

Александр I, Николай I и Александр II. Исторические материалы к ним и их эпохам относящиеся, 1822-1855 // Русская старина. 1881. Т. 32. № 12. С. 881-906.

Андреев В. Ермолов и Паскевич // Русский Архив. 1873. Кн. 2. № 8. С. 1571-1583.

Андриянов А. Инкерманский бой и оборона Севастополя. СПб., 1903.

Арбузов Е. Воспоминания о кампании на Крымском полуострове в 1854 и 1855 годах // Военный Сборник. 1874. Т. 96. № 4. С. 389-410.

Артиллерист. Несколько слов по поводу статьи г-на Орды, помещенной в № 4 журнала «Военный Сборник» 1858 года под заглавием: «Заметки о причинах взятия Малахова кургана» // Военный Сборник. 1859. Т. 8. № 7. С. 189-200.

Бабенчиков П. День и ночь в Севастополе. Сцены из боевой жизни (из записок артиллериста) // 1875. Т. 104. № 8. С. 315-364.

Байков А. Воспоминания о Санкт-Петербургской первой дружине государственного подвижного ополчения // Военный Сборник. 1867. Т. 55. № 5. С. 109-144.

Бартенев П.И. Из записок князя Паскевича // Русский Архив. 1889. Кн. 1. № 3. С. 407-424.

Бятынский В.И. Записки // Русский Архив. 1904. Кн. 3. С. 87-105.

Баумгартен А. Заметка к письмам А. С. Меншикова 1854-1855 гг // Русская Старина. 1875. Т. 13. № 5. С. 139-140.

Берг Н. Записки об осаде Севастополя. М., 1858.

Блокада Карса. Письма очевидцев о походе 1855 года в азиатскую Турцию. Тифлис, 1856.

Блудова А.Д. Император Николай Павлович. 1850 // Русский Архив. 1893. Кн. 1. № 1. С. 89-96.

Богданович М.И. Дневник осады Карса в 1855 году доктора Сандвита // Военный Сборник. 1878. Т. 119. № 2. С. 305-334.

Бороздин К.А. Омер-паша в Мингрелии: Из воспоминаний о Восточной войне 1853-1856 гг. СПб., 1873.

Бринкен К.К. Штурм укрепления Араб-Табия под Силистрией в ночь с 16-го на 17-е мая 1854 года // Военный Сборник. 1875. Т. 85. № 6. С. 297-302.

Бутурлин С.П. Несколько слов о действиях русских войск в Крыму в 1854 и 1855 гг. Одесса, 1867.

Валуева (Мунт) А.П. Севастополь и его славное прошлое. СПб., 1899.

Васильчиков В.И. Севастополь. Записки начальника штаба Севастопольского гарнизона князя Виктора Илларионовича Васильчикова // Русский Архив. 1891. № 6. С. 167-254.

Ветеран. Россия и западные державы в марте 1855 года. Военно-политическая дума герцога Евгения Вюртембергского // Военный Сборник. 1869. № 1. С. 5-22.

Взгляд Н.Н. Муравьева (Карского) на состояние нашей армии и собственноручные замечания императора Николая Павловича // Военный Сборник. 1903. № 2. С. 255-268.

Висковатов К.А. Князь Иван Федорович Паскевич // Русская Старина. 1890. Т. 66. № 6. С. 702-705.

Вице-адмирал Корнилов. Сборник документов. М., 1947.

Война России с Турцией 1854-1855 гг. // Русская Старина. 1877. Т. 18. № 1. С. 135-144; № 2. С. 325-336. Т. 19. № 5. С. 81-100; № 6. С. 331-340. Т. 20. № 9. 167-174.

Войны России с Турцией 1828-1829 и 1853-1854 гг. // Русская Старина. 1876. Т. 16. № 8. С. 671-708; Т. 17. № 9. С. 145-170; № 12. С. 811-830.

Воспоминания офицера о военных действиях на Дунае // Русский Вестник. 1887. Т. 188.

Восточная война 1853-1856 гг. Письма князя И.Ф. Паскевича к князю М.Д. Горчакову // Русская Старина. 1876. Т. 15. № 1. С. 163-191. № 2. С. 388-401. № 3. С. 659-674.

Вревский Б.А. Смерть барона Павла Вревского // Русская старина. 1876. № 1. С. 221-222.

Всеподданнейший рапорт главнокомандующего действующей армией генерал-фельдмаршала князя Варшавского, графа Паскевича-Эриванского от 15 сентября 1831 г. Варшава, 1833.

Вуши В. Несколько слов против «Новых подробностей о сражении при Альме», изложенных генералом Кирьяковым в № 136 «Русского Инвалида» // Военный Сборник. 1858. Т. 2. № 3. С. 46-56.

Выдержки из переписки князя Воронцова с императором Николаем // Русская Старина. 1875. Т. 13. С. 637-638.

Вязмитинов А.А. Севастополь от 21 марта по 28 августа 1855 г // Русская Старина. 1882. № 4. С. 1-70.

Ган А. Заметка по поводу статьи «Из воспоминаний севастопольца» // Военный Сборник. 1872. Т. 83. № 2. С. 91-93. Библиография.

Гангеблов А.С. Воспоминания // Русский Архив. 1886. Кн.2. № 6. С. 181-268.

Гейсман П.А. Оборона Севастополя. По поводу сочинения Алабина «Четыре войны». Походные записки в 1849, 1853, 1854-1856 и 1877-1878 годах. Ч. 3. Защита Севастополя (1854-1856). СПб., 1893

Герсеванов Н.Б. Несколько слов о действиях русских войск в Крыму в 1854 и 1855 гг. Paris, 1867.

Герсеванов Н.Б. О причинах тактического превосходства французов в кампанию 1855 и 1856 года. СПб., 1858.

Герсеванов Н.Б. Ответ генералу Бутурлину. По поводу брошюры о войне 1854-1855 гг. Одесса, 1870.

Горчаков М.Д. Сражение при Черной // Русская старина. 1876. Т. 16. № 5. С. 161-171.

Григорьев Ф. Из воспоминаний о Венгерской кампании // Русская Старина. 1898. Т. 94. № 6. С. 491-522.

Грудев Г.В. Из рассказов Г.В. Грудева // Русский Архив. 1898. Кн. 3. №. 11. С. 426-439.

Г-ъ А.А. Выдержки из журнала маршала Кастеллана, касающиеся Восточной войны 1853-1856 гг. // Русская Старина. 1898. Т.95. № 8. С. 369-381.

Гюббенет Х.Я. Воспоминания об обороне Севастополя 1854-1855 гг. // Русская старина. 1889. Т. 61. № 1. С. 75-99.

Д.У. Поход в Венгрию в 1849 году. Три главы из записок офицера генерального штаба // Военный Сборник. 1860. Т. 14. № 7. С. 3-70.

Давыдов В.Д. Из памятных заметок В.Д. Давыдова // Русский Архив. 1871. № 4-5. С. 0948-0964.

Давыдов Д.В. Записки Дениса Васильевича Давыдова в России цензурой не пропущенные. Лондон – Брюссель, 1863.

Де Брэ О. Император Николай и его сподвижники. Воспоминания графа Оттона де Брэ, 1849-1852 // Русская Старина. 1902. № 1. С. 115-139.

Диаманди Н.И. (Федотова А.К.). Воспоминания о Крымской кампании и Севастопольской обороне. Занятие Керчи и Севастополя союзными войсками. Керчь, 1904.

Докудовский В.А. Мои воспоминания. Рязань, 1898.

Дроздов И. Сдача венгерской армии русским войскам под Вилагошем 1 августа 1849 г // Военный Сборник. 1870. Т. 75. № 9. С. 133-138.

Дубровин Н.Ф. Ермолов, Дибич и Паскевич, 1826-1827 // Русская Старина. 1872. Т. 16. № 5. С. 706-726. № 6. С. 39-69; 243-280.

Дюгамель А.О. Автобиография // Русский Архив. 1885. Кн. 1. № 2. С. 179-217. № 4. С. 489-525. Кн. 2. № 5. С. 82-126. № 6. С. 222-256. № 7. С. 371-427.

Егерь. Несколько частных во время Инкерманского дела на нашем левом фланге. (Из записок унтер-офицера) // Военный Сборник. 1861. Т. 20. № 9. С. 205-217.

Егерь. Отрывки из записок унтер-офицера // Военный сборник. 1863. Т. 31. № 6. С. 493-528.

Енишерлов М. Сражение при Альме (с планом сражения) 8 сентября 1854 г // Военный Сборник. 1859. Т. 5. № 1. С. 1-50.

Еропкин В.М. Из воспоминаний. Поход 1831 года. Служба в гвардии // Русский Архив. 1878. Кн. 1. № 2. С. 175-184.

Есаул. Черноморские пластуны в Севастополе // Военный Сборник. 1874. Т. 95. № 1. С. 5-28.

Ефремов П.А. Русская и английская политика. Письмо В.А. Жуковского к князю И.Ф. Паскевичу // Русский Архив. 1878. Кн. 2. № 8. С. 426-436.

Жемчужников В.М. Записки. Из посмертных бумаг // Вестник Европы. 1899. Т. 1. № 2. С. 634-664.

Жерве В.В. И.Ф. Паскевич о пользе изучения деяний великих полководцев и о своих действиях. Письмо И. Паскевича Егору Борисовичу Фуксу 10 февраля 1828 г // Русская Старина. 1902. Т. 111. № 7. С. 44.

Жизнь и действия Артура Гёргея 1848 и 1849 годов. Перевод с немецкого // Военный Сборник. 1860. Т. 14. № 7. С. 71-128.

Жоли В. Ложь и правда о войне на Востоке. СПб., 1855.

Жомини А. Россия и Европа в эпоху Крымской войны // Вестник Европы. 1886. Кн. 10.

За много лет. Записки неизвестного 1844-1874 годов. СПб., 1897.

Зайончковский А.М. Воспоминания о князе Варшавском графе Паскевиче-Эриванском (отрывок из дневника П.К. Менькова) // Русская Старина. 1897. Т. 89. № 2. С. 233-252.

Записная книжка адмирала П.С. Нахимова // Русская старина. 1889. № 1. С. 99-104.

Затлер Ф.К. Возражение на статью: «Изнанка Крымской войны», помещенную в 7-м номере «Военного Сборника». СПб., 1859.

Затлер Ф.К. Изнанка налицо // Военный Сборник. 1858. Т. 4. № 7. С. 219-238.

Затлер Ф.К. Несколько слов о продовольствии войск в Придунайских княжествах в 1853 и 1854 гг. СПб., 1863.

Затлер Ф.К. О госпиталях в военное время. СПб., 1861.

Затлер Ф.К. О продовольствии войск в военное время. В 4-х частях. СПб., 1860-1865.

Затлер Ф.К. Переписка // Русская Старина. 1877. Т. 20. № 9. С. 127-164.

Затлер Ф.К. Суд над полевым интендантством в 1856-1859 году. Лейпциг, 1877.

Зеланд А.Л. Воспоминания о польском восстании и войне. 1830-1831 // Русская Старина. 1892. Т. 75. № 9. С. 503-531. Т. 76. № 10-12.

Зотов В.Р. Французское общество во время Крымской войны // Исторический вестник. 1884. Т. 15. № 2. С. 403-416.

Зотов Р.М. Тридцатилетие Европы в царствование императора Николая I. Ч. 1-2. СПб., 1857.

Из бумаг В.А. Жуковского // Русский Архив. 1875. № 11. С. 317-375.

Из крымских воспоминаний последней войны // Русский архив. 1869. Кн. 1. № 2. С. 381-026.

Извлечение из военного журнала генерала Головина 1831 года // Военный Сборник. 1860. Т. 13. № 5. С. 3-48.

Ильинский Д.В. Из воспоминаний и заметок севастопольца // Русский Архив. 1892. Кн.3. № 12. С. 447-464. 1893. Кн. 1. № 1. С. 49-88. № 3. С. 249-283. № 4. С. 323-336. № 5. С. 23-33.

Император Александр II в Восточную войну. Переписка с князем И.Ф. Паскевичем и князем М.Д. Горчаковым. 1855 г // Русская Старина. 1881. Т. 32. № 12. С. 899-906.

Император Николай Павлович в его военных распоряжениях 1849 и 1854 гг. // Русская Старина. 1886. Т. 49. № 3. С. 571-576.

Император Николай Павлович в его письмах к князю Паскевичу // Русский Архив. 1910. Кн. 1. № 3. С. 321-356; № 4. С. 481-513; Кн. 2. № 5. С. 5-45; № 6. С. 161-181.

Император Николай Павлович и его время, 1831-1849 гг. // Русская Старина. 1884. Т. 41. № 1. С. 135-139.

К биографии фельдмаршала князя Паскевича // Русский Архив. 1891. Кн. 3. № 10. С. 270-274.

К. Из походных воспоминаний о Крымской войне // Русский архив. 1870. Кн. 2. № 11. С. 2044-2069.

К.Л.Н. Воспоминания о Дунайской кампании 1853-1854 годов // Военный Сборник. 1873. Т. 89. № 1. С. 169-191. № 2. С. 367-418.

К.Л.Н. Из записок и воспоминаний о походе в Азиатскую Турцию в 1855 г // Военный Сборник. 1868. Т. 51. № 6. С. 221-290.

К.Ш. Критическое обозрение сочинения: «Восточная война. Осада Севастополя. Исторический обзор службы артиллерии». 1854-1856 // Военный Сборник. 1860. Т. 12. № 3. С. 121-164.

Кирьяков В.Я. Возражение на статью генерал-майора Вунша, помещенную в «Военном Сборнике» за июль 1858 г // Военный Сборник. 1859. Т. 5. № 1. С. 80-87.

Князь Паскевич в Царстве Польском в 1846 г // Русская Старина. 1885. № 10. С. 213-220; № 11. С. 404-410.

Кожухов С. Несколько слов по поводу записки генерал-лейтенанта Рыжова о Балаклавском сражении // Русский архив. 1870. Кн. 2. № 9. С. 1668-1676.

Колчак В.И. Война и плен // В.И. Колчак, А.В. Колчак. Избранные труды. СПб., 2001. С. 21-117.

Корвин-Павловский И. Из воспоминаний севастопольца // Военный Сборник. 1871. Т. 82. №. 12. С. 287-326.

Корибут-Кубитович. Воспоминания о Балаклавском деле 13 октября 1854 г. Рассказ очевидца // Военный Сборник. 1859. Т. 7. № 5. С. 147-166.

Кочаров А.А. Чужие лавры; Наследник был еще жив: Исследования и очерки. Новопавловск, 2002.

Красовский И.И. Из воспоминаний о войне 1853-1856 гг. Дело на Черной речке. М., 1874.

Красовский И.И. По поводу статьи «Военного Сборника»: «Шесть месяцев в Севастополе» // Военный Сборник. 1861. Т. 17. № 2. С. 457-462.

Крепость Силистрия в 1854 г. (Записки Нафиз-эфенди). Перевод с турецкого И.В. Белоцерковца с примечаниями переводчика и М.И. Богдановича // Военный Сборник. 1875. Т. 106. № 12. С. 488-502.

Крупская А. Воспоминания сестры Крестовоздвиженской общины 1854. 1855 и 1856 годов // Военный Сборник. 1861. Т. 20. № 8. С. 417-448.

Крылов А.Д. Князь А.С. Меншиков. Документы (1853-1854) // Русская Старина. 1873. Т. 7. № 6. С. 843-854

Крымская экспедиция. Рассказ очевидца, французского генерала. СПб., 1855.

Кузьмин П. Описание участия 5-й пехотной дивизии в деле при реке Черной 4 августа 1855 г. СПб., 1859.

Лебедев К.Н. Из записок сенатора К.Н. Лебедева // Русский Архив. 1888. № 3. С. 481-488. № 4. С. 617-628. № 5. С. 0133-0144. № 6. С. 0232-0243. № 7. С. 345-0366. № 10. С. 249-270. № 11. С. 455-467. 1889. № 1. С. 142-152.

Лихутин М.Д. Записки о походе в Венгрию в 1849 г. М., 1875.

Лихутин М.Д. Русские в азиатской Турции в 1854 и 1855 годах. СПб., 1863.

Мамулов. Ночное дело под Карсом с 22-го на 23-е августа 1855 г // Военный Сборник. 1869. № 10. С. 137-140.

Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Вып. 1-5. СПб., 1871-1874.

Меньков П.К. Записки Петра Кононовича Менькова. Т. 1. Дунай и немцы. (Восточный вопрос 1853-1855). СПб., 1898.

Меньков П.К. Материалы для истории Венгерской войны // Военный Сборник. 1875. № 6. С. 191-216.

Милошевич Н.С. Из записок севастопольца. СПб., 1904.

Милютин Д.А. Военные реформы императора Александра II // Вестник Европы. 1882. Т. 1(93). Кн. 1. № 1. С. 5-35.

Милютин Д.А. Воспоминания. 1843-1856. М., 2000.

Миркович Ф.Я. Император Николай и король Фридрих-Вильгельм IV в 1840 г. Из записок // Русская Старина. 1886. Т. 51. №8. С. 305-334.

Муравьев Н.Н. Записки Николая Николаевича Муравьева-Карского // Русский Архив. 1885. № 9. С. 5-84. № 10. С. 225-262. № 11. С. 337-408. № 12. С. 451-

497. 1886. № 1. С. 5-54. № 2. С. 69-146. № 4. С. 445-524. № 5. С. 5-32. № 11. С. 289-340. № 12. С. 430-496. 1887. № 9. С. 5-42. № 10. С. 145-176. № 11. С. 393-416. 1888. № 1. С. 71-92. № 2. С. 235-258. № 3. С. 393-432. № 5. С. 97-0122. № 7. С. 313-0352. № 9. С. 5-48. № 10. С. 193-324. № 11. С. 385-433. 1889. № 2. С. 177-208. № 4. С. 571-604. № 8. С. 536-561. № 9. С. 60-97. № 11. С. 273-316. 1891. № 9. С. 5-82. № 10. С. 177-228.

Муханов В.А. Из дневника В.А. Муханова // Русский Архив. 1896. № 10. С. 161-199.

*Н***.* Несколько замечаний по поводу статьи «Взгляд на состояние русских войск в минувшую войну», помещенную в № 1-м «Военного Сборника» // Военный Сборник. 1858. Т. 3. № 6. С. 271-288.

Н.О. Де-Р. Из походных записок во время Крымской кампании 1855 года // Военный Сборник. 1865. Т. 42. № 4. С. 335-351.

Неелов Н.Д. Воспоминания о польской войне 1831 г. СПб., 1878.

Никатов В. Воспоминания о службе в Крыму (отрывки из записок унтер-офицера) // Военный Сборник. 1864. Т. 39. № 9. С. 157-174.

Николай Л.П. Дневник, веденный им во время Венгерской кампании 1849 г // Русская Старина. 1877. Т. 20. № 9. С. 101-126. № 10. С. 223-251. № 11. С. 393-406.

Николай Николаевич Муравьев // Русская Старина. 1890. № 11. С. 456.

Носков. Заметка о Персии в отношении политическом и военном. Составлена в 1827 году генерального штаба полковником Носковым // Военный Сборник. 1860. Т. 13. № 6. С. 319-329.

Обнинский Н.А. Походные заметки // Русский Архив. 1891. № 11. С. 329-412.

Оборона Севастополя: Письма князя А.С. Меншикова к князю М.Д. Горчакову (1853-1855 гг.) // Русская Старина. 1875. Т. 12. № 1. С. 174-196; № 2. С. 298-328.

Орда А. Заметки инженера о причинах взятия Малахова кургана // Военный Сборник. 1858. Т. 2. № 4. С. 381-402.

Орда А. Несколько слов о системе обороны Севастополя, по поводу статьи «Заметка о Крымской войне» // Военный Сборник. 1859. Т. 8. № 8. С. 307-354.

Орда А. Объяснения, вызванные статьей г. Артиллериста, под названием: «Несколько слов по поводу статьи: Замечания инженера о причинах взятия Малахова кургана» // Военный Сборник. 1859. Т. 10. № 11. С. 41-86.

Остен-Сакен Д.Е. Военный совет при обороне Севастополя. 29 июля 1855 г // Русская старина. 1874. Т. 11. № 10. С. 330-338.

Остен-Сакен Д.Е. Николай Николаевич Муравьев в 1828-1856 гг. // Русская старина. 1874. Т. 11. № 11. С. 535-543.

Остен-Сакен Д.Е. Оборона против нападающих на оборону Севастополя // Военный Сборник. 1861. Т. 17. № 2. С. 353-362.

Отношение императора Николая Павловича к Севастополю // Военный Сборник. 1873. Т. 91. № 5. С. 1-16.

Отставной. Воспоминания о войне на Дунае в 1853 и 1854 годах // Военный Сборник. 1860. Т. 14. № 8. С. 391-438.

Отставной. Шесть месяцев в Севастополе (с 10 марта по 28 августа) // Военный Сборник. 1861. Т. 17. № 1. С. 49-132.

Охранение императора Николая в путешествии за границу: Собственноручное секретное письмо Паскевича Ивану Михайловичу Викинскому 19 сентября 1845 г // Русская Старина. Т. 100. № 10. С. 24.

Павлуцкий. Контузия фельдмаршала Паскевича // Русская Старина. 1875. Т. 12. №3. С. 634-637.

Паскевич И.Ф. Походные записки // 1812 год в воспоминаниях современников. М., 1995.

Паскевич-Эриванский И.Ф. Очерки Польской кампании в 1831 г // Меньков П.К. Записки. Сб. статей. Т. 3. СПб., 1898. С. 85-98.

Перевод письма князя Петра Дмитриевича Горчакова к автору «Сочинения о Крымской войне» г. Герену // Военный Сборник. 1859. Т. 6. № 4. С. 454-460.

Переписка князя А.С. Меншикова с фельдмаршалом князем Варшавским до высадки союзников // Военный Сборник. 1902. № 3. С. 230-238.

Пестов Г. Из воспоминаний о войне 1854 года // Военный Сборник. 1873. Т. 93. № 9. С. 25-29.

Письма князя В. Долгорукова князю А.С. Меншикову. 13 июля 1855 г // Русская Старина. 1897. Т. 90. № 5. С. 270.

Письмо А.С. Меншикова к М.С. Воронцову (Севастополь 8 ноября 1853 г.) и донесения императору Николаю (29 июня 1854 г.) // Русская Старина. 1873. Т. 7. № 6. С. 847-854.

Политковский В.Г. Походные и путевые записки, веденные во время Польской кампании в 1831 г. СПб., 1832.

Полторацкий А. На реке Черной в Крыму // Русская старина. 1882. № 6. С. 739-742.

Похвиснев М.Н. А.П. Ермолов. (По поводу помещения в Русской Старине материалов под заглавием «Ермолов, Дибич и Паскевич...») // Русская Старина. 1872. Т. 16. № 11.

Раков В.С. Мои воспоминания о Евпатории в эпоху Крымской войны. Евпатория, 1904.

Рачинский А.В. Походные письма ополченца из южной Бессарабии 1855-1856 гг. М., 1858.

Роспопов А. Ридигер и Паскевич в 1854 г // Русская Старина. 1876. Т. 16. С. 726.

Сборник рукописей, представленных его императорскому высочеству Государю Наследнику Цесаревичу о севастопольской обороне севастопольцами. Т. 1-3. СПб., 1872-1873.

Святополк-Мирский Д.И. Воспоминания о сражении при Черной речке 4 августа 1855 г. Пенза, 1897.

Севастополец. Заметка на статью «Воспоминания о кампании на Крымском полуострове в 1854 и 1855 гг.» // Военный Сборник. 1874. Т. 97. № 6. С. 396.

Севастополь в нынешнем состоянии. Письма из Крыма и Севастополя. М., 1855.

Симонич И.О. Персидская война. Кампания 1826 г. Из записок графа Симонича // Кавказский Сборник. 1901. Т. 22.

Скольников Г. Пчелка. Великие дни Севастополя // Северная пчела. № 252. 15 ноября 1855. С. 1331-1332.

Служивший в Южной армии. Заметки на вторую часть «Изнанки Крымской войны» («Военный Сборник» № 4) // Военный Сборник. 1858. Т. 4. № 7. С. 199-218.

Собрание писем сестер Крестовоздвиженской общины попечения о раненых. СПб., 1865.

Собственноручная записка императора Николая о предстоящих военных действиях от 1 февраля 1855 г // Николай I и его время. Т. 1. М., 2000. С. 193-195. См. также: // Русская Старина. 1881. Т. 32. № 12. С. 896-899.

Собственноручные письма Николая I // Русская Старина. 1896. № 6. С. 511-520.

Сражение при Альме. Из сочинения Герена // Военный Сборник. 1859. Т. 5. № 1. С. 51-79.

Степанов Н.П. Князь Михаил Дмитриевич Горчаков в Севастополе. Записка фельдмаршала князя Паскевича 16 сентября 1855 г // Русская Старина. 1883. Т. 40. № 11. С. 369-380.

Степанов Н.П. Мысли фельдмаршала Паскевича по поводу обороны и падения Севастополя. 16 сентября 1855 г // Русская Старина. 1872. Т. 6. № 10. С. 427-435.

Столытин Д.А. Из личных воспоминаний о Крымской войне (дело на Черной) // Русский архив. 1874. Кн. 1. № 5. С. 1358-1368.

Стороженко А.Я. Отрывки из воспоминаний // Стороженки. Семейный архив. Т. 1. Киев, 1902. С. 351-429.

Стренга А.О. На Дунае и под Силистрией // Русская Старина. 1890. № 12. С. 665-678.

Сушков Н.В. Воспоминания о графе К.Ф. Толе // ЧОИДР. 1865. № 4. С. 206-221.

Тарасенко-Отрешков Н.И. Посещение в Крыму армии союзников и исчисление потерь в людях и деньгах, понесенных Францией, Англией и Пьемонтом в нынешнюю войну их против России. СПб., 1857.

Толь К.Ф. Краткий журнал пребывания моего в Действующей армии в минувшую польскую войну со времени прибытия фельдмаршала графа Паскевича-Эриванского к оной до отъезда моего в Санкт-Петербург. М., 1867.

Троцкий Д.И. Севастополь. Очерки и рассказы из истории Крымской войны. СПб., 1905.

Тучков П.А. Главные черты моей жизни. Изд. 2. Мышкин, 2000.

Урусов С.С. Очерки Восточной войны 1854-1855 гг. М., 1866.

Ушаков Н.И. Записки очевидца о войне России против Турции и западных держав // Деятнадцатый Век. Исторический сборник. Кн. 2. М., 1872.

Фелькнер В.И. Из воспоминаний бывшего гвардейского сапера // Русский Вестник. 1867. Т. 67. № 1. С. 385-437. № 2. С. 445-485. Т. 72. № 12. С. 307-359.

Филиппов А.Ф. Воспоминания о князе И. Ф. Паскевиче-Эриванском // Древняя и Новая Россия. 1878. Т. 1. С. 81-84.

Фитцум фон Экиштедт К.Ф. В виду Крымской войны. Заметки дипломата при петербургском и лондонском дворах, 1852-1855 гг. // Русская Старина. 1887. № 5. С. 367-404.

фон дер Лауниц В.Ф. Штурм Варшавы 25 и 26 августа 1831 г. Рассказ очевидца // Военный Сборник. 1873. Т. 93. №. 9. С. 5-24.

Фукс Е.Б. Похвальное слово графу Паскевичу Эриванскому, читанное в беседе его друзей 30 сентября 1828 года, на французском языке, г. действительным статским советником и разных российских и иностранных орденов кавалером, Егором Фуксом, на российский язык переведенное Иваном Толбугиным. М., 1830.

Хрущов А.П. Выдержки из писем 1853-1859 // Русская старина. 1892. Т. 74. № 6. С. 593-607. Т. 75. № 7. С. 431-450. № 8. 593-614.

Хрущов А.П. История обороны Севастополя. Записки генерал-адъютанта Хрущова. СПб., 1888.

Циммерман А.Э. Заметки о Крымской войне // Военный Сборник. 1859. Т. 6. № 4. С. 379-453.

Шейдеман К. Заметка от командовавшего всей артиллерией в Севастополе // Военный Сборник. 1860. Т. 13. № 5. С. 117-124.

Шильдер Н.К. Фельдмаршал Паскевич в Крымскую войну (перевод статьи берлинского военного журнала) // Русская Старина. 1875. Т. 13. С. 603-635.

Ш-ов Е.Р. Севастопольские воспоминания артиллерийского офицера. СПб., 1858.

Эвальд А.В. Рассказы о Николае I // Исторический вестник. 1896. Т. 65. № 7. С. 51-71. № 8. С. 322-353.

Эрбе Ж. Французы и русские в Крыму. Минск, 1894.

Южная армия и Крымская армия при князе Меншикове: Из бумаг Михаила Максимовича Попова // Русская Старина. 1893. Т. 79. № 9. С. 515-537.

Monteith W. Kars and Erzeroum: with the campaigns of prince Paskiewitch in 1828 and 1829; and an account of the conquests of Russia beyond the Caucasus from the time of Peter the Great to the treaty of Turcoman Chie and Adrianople. L., 1856.

Литература

Авербух Р.А. Революция и национально-освободительная борьба в Венгрии. 1848-1849. М., 1965.

Айрапетов О.Р. 15 из 1000. Небоевые потери русской армии // Родина. 1995. № 3-4.

Айрапетов О.Р. Внешняя политика Российской империи (1801-1914). М., 2006.

Айрапетов О.Р. Забытая карьера русского Мольтке. Н.Н.Обручев (1830-1904). СПб., 1998.

Алавердяну М.Я. Граф Иван Федорович Паскевич-Эриванский и его деятельность на Кавказе в очерках армянского историка. 1782-1912. СПб., 1912.

Аничков В.М. Военно-исторические очерки Крымской экспедиции. Ч. 1. СПб., 1856.

Аратовский В. Обзор распоряжений по продовольствию действующей армии в 1831, 1848, 1849 и 1853-1855 годах. СПб., 1874.

Афанасьев Г.Е. Внешняя политика Наполеона III. Одесса, 1885.

Багдасарян В.Э., Толстой С.Г. Русская война: столетний историографический опыт осмысления Крымской кампании. М., 2000.

Байрау Д. Империя и ее армия // Новый Часовой. СПб., 1997. № 5. С. 19-39.

Бантыш-Каменский Д.Н. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. Ч. 1-4. СПб., 1840.

Безобразов П.В. О сношениях Франции и России. М., 1892.

Безотосный В.М. Разведка и планы сторон в 1812 году. М., 2005.

Березняков Н.В. Революционное и национально-освободительное движение в Дунайских княжествах в 1848-1849 гг. Кишинев, 1955.

Берков Е.А. Крымская кампания. М., 1939.

Бескровный Л.Г. Армия и флот России в начале XX в. Очерки военно-экономического потенциала. М., 1986.

Бескровный Л.Г. Очерки военной историографии России. М., 1962.

Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX в. Военно-экономический потенциал России. М., 1973.

Бескровный Л.Г. Русское военное искусство в XIX в. М., 1974.

Бескровный Л.Г., Лапин Н.Л. Русское военное искусство в ходе Крымской войны. Героическая оборона Севастополя. Лекция. М., 1950.

Бесов А.Г. Военная политика России в XIX в. М., 2001.

Бестужев И.В. Из истории Крымской войны 1853-1856 гг. // Исторический Архив. 1959. № 1. С. 204-208.

Бестужев И.В. Крымская война и революционная ситуация // Революционная ситуация в России. 1859-1861. Т. 3. М., 1963. С. 189-213.

Бестужев И.В. Крымская война. М., 1956.

Блюх И.С. Финансы России XIX столетия. История – статистика. Т. 1-4. СПб., 1882.

Блос В. Революция в Германии: История германского движения в 1848 и 1849 г. СПб., 1908.

Богданович М.И. Восточная война 1853-1856 годов. Тт. 1-4. СПб., 1876.

Богданович М.И. Описание экспедиции англо-французов в Крым 1854-1855 гг. СПб., 1856.

Божерянов И.Н. Граф Егор Францевич Канкрин, его жизнь, литературные труды и двадцатилетняя деятельность управления Министерством финансов. СПб., 1897.

Борисенок Ю. Хозяин Мятежного края // Родина. 1994. № 12. С. 50-55.

Бородкин М.М. Война 1854-1855 гг. на Финском побережье. СПб., 1904.

Бутковский Я.Н. Сто лет австрийской политике в Восточном вопросе. Т. 1-2. СПб., 1888.

Бухаров Д.Н. Россия и Турция. От возникновения политических между ними отношений до Лондонского трактата 13/25 марта 1871 года (включительно). СПб., 1878.

Бушуев С.К. Крымская война (1853-1856). М. – Л., 1940.

Валентини Г.В. Обзорение главнейших действий генерал-фельдмаршала князя Варшавского графа Паскевича-Эриванского против турок в Азии. СПб., 1836.

Васильев А. Долина смерти. Атака британской легкой бригады под Балаклавой // Родина. 1995. № 3-4.

Вейгельт. Осада Севастополя 1854-1856. Пер. с нем. СПб., 1863.

Вершинин А.А. Углицкий полк. 1708-1918 гг. Ярославль, 2008.

Виноградов В.Н. «Святые места» и земные дела. (Англо-русские отношения накануне Крымской войны) // Новая и Новейшая история. 1983. № 5. С. 136-152.

Виноградов В.Н. Головокружение без успехов: О застарелом взгляде на Крымскую эпопею // Родина. 1995. № 3-4. С. 12-16.

Виноградов В.Н. Николай I в «Крымской ловушке» // Новая и Новейшая история. 1992. № 4. С. 27-40.

Вопросы военной истории России. XVIII и первая половина XIX веков. М., 1969.

Вроченский М.А. Севастопольский разгром. М., 2011. (Первое изд. Киев, 1893).

Высочков Л.В. Николай I. М., 2006.

Ганин А.В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917-1922 гг. Справочные материалы. М., 2009.

Гейрот А.Ф. Описание Восточной войны 1853—1856 гг. СПб., 1872.

Генерал от инфантерии Павел Петрович Липранди // Военный Сборник. 1871. Т. 80. № 8. С. 297-344.

Гёрлиц В. Германский Генеральный штаб. История и структура. 1657-1945. М., 2005.

Гершельман С. Нравственный элемент под Севастополем // Военный Сборник. 1894. Т. 215. № 1. С. 64-99. № 2. С. 261-290.

Глиноецкий Н.П. Исторический очерк Николаевской академии Генерального штаба СПб., 1882.

Глиноецкий Н.П. История русского генерального штаба. Т. 2. 1826-1855. СПб., 1894.

Глиноецкий Н.П. Очерки военных действий на берегах Днепровско-Бугского лимана осенью и зимой 1855 г // Военный Сборник. 1858. Т. 4. № 7. С. 144-198.

Г-н Ив. (Гурьянов). Знаменитые черты из жизни и военные подвиги фельдмаршала графа И.Ф. Паскевича-Эриванского и храбрых его сподвижников. М., 1831.

Горев Л.А. Война 1853-1856 гг. и оборона Севастополя. М., 1955.

Горяинов С. Босфор и Дарданеллы. СПб., 1907.

Гребенищикова Г.А. Черноморский флот перед Крымской войной 1853-1856 годов. Геополитика и стратегия. СПб., 2003.

Грегуар Л. История Франции в XIX в. Т. 3. М., 1896.

Грудзинский. Альма и Тюренчен. Историческая параллель. Из сообщений в военном собрании. Омск, 1907.

Гудериан Г. Воспоминания солдата. Смоленск, 2001. С. 636-637.

Гулишамбаров С.И. Итоги торговли и промышленности России в царствование императора Николая I 1825-1855 гг. СПб., 1896.

Гурьянов И.Г. Знаменитые черты из жизни и военные подвиги фельдмаршала графа Ивана Федоровича Паскевича-Эриванского. М., 1831.

Гюббенет Х.Я. Очерки медицинской и госпитальной части русских войск в Крыму в 1854-1856 гг. СПб., 1870.

Де Гаспарен А. После мира: либерализм и Восточная война. Ч. 1-3. М., 1904-1905.

Дебидур А. Политическая история XIX в. История внешних сношений держав с 1814 по 1878 гг. Т. 1. Священный союз. СПб., 1903.

Дегоев В.В. Внешняя политика России и международные системы: 1700-1918 гг. М., 2004.

Дегоев В.В. Кавказ и великие державы. М., 2009.

Делор Т. История Второй империи во Франции. Т. 1-2. СПб., 1870-1871.

Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. Т. 5. Новое время. М., 1937. С. 7-130.

Деянов И.Д. Граф Михаил Михайлович Сперанский, 1772-1839 гг. Мысли о новых билетах казначейства. 1831 г // Русская Старина. 1873. Т. 8. № 10. С. 585-588.

Дивин В.А., Козаков И.Н. Об освещении некоторых вопросов истории войн в литературе последних лет // Вопросы Истории. 1957. № 2. С. 141-150.

Дубровин Н.Ф. Восточная война 1853-1856 гг. Обзор событий по поводу сочинений М. И. Богдановича. СПб., 1878.

Дубровин Н.Ф. История Крымской войны и обороны Севастополя. Т. 1-3 СПб., 1900.

Дукельский В. Генерал-«тамиздатчик». Чем обернулись Петру Менькову его записки // Родина. 1995. № 3-4. С. 145-148.

Дурон К. Тактическое образование армии в мирное время // Военный Сборник. 1872. Т. 83. № 2. С. 229-243.

Еленев М.Н. Историческая хроника 63-го пехотного Углицкого полка. Б.м., 1908.

Епанчин Н.А. Очерк похода 1829 года в европейской Турции. Ч. 1-3. СПб., 1905—1906.

Ерошкин Н.П. Военный аппарат царской России в период Крымской войны (1853-1856 гг.) // Труды Московского историко-архивного института. Т. 9. М., 1957. С. 138-176.

Ерошкин Н.П. Крепостническое самодержавие и его политические институты // Российское самодержавие. М., 2006.

Жежеря А.И. и др. История русской армии (1700-1996): личностный аспект. Учебное пособие для высших военных училищ и кадетских корпусов. Ч. 1. (1700-1917). Челябинск, 1997.

Заблоцкий-Десятовский А.П. Граф П.Д. Киселев и его время. Т. 1-4. СПб., 1882.

Зайончковский А.М. Восточная война 1853-1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. Т.1-2. СПб., 1908-1913.

Зайончковский П.А. Военные реформы 1860-1870 годов в России. М., 1952.

Зверев Б.И. Вице-адмирал В.А. Корнилов. Симферополь, 1957.

Зверев Б.И. Севастопольская оборона 1854-1855 г. М., 1956.

Зверев Б.И. Синопская победа. Симферополь, 1954.

Зонин А.И. Адмирал Нахимов. М.-Л., 1944.

Зубов П.П. Картина последней войны России и Персией. СПб., 1834.

Зубов П.П. Персидская война в царствование императора Николая I. СПб., 1837.

Ибрагимбейли Х.М. Кавказ в Крымской войне 1853-1856 гг. и международные отношения. М., 1971.

История внешней политики России. Первая половина XIX в. М., 1999.

История дипломатии. Т. 1-3. М., 1941-1945.

Кёремезли И. Турецкая оборона на Дунайском театре военных действий (1853-1854) // Русский сборник. Исследования по истории России. Т. 7. Военная политика императора Николая I. М., 2009. С. 273-294.

Керсновский А.А. История Русской армии. Т. 1-4. М., 1992 – 1994.

Керсновский А.А. Философия войны. М., 1995.

Киняпина Н.С. Внешняя политика Николая I // Новая и Новейшая История. 2001. № 1,2.

Киняпина Н.С. Внешняя политика России второй половины XIX в. М., 1974.

Киняпина Н.С. Ункяр-Искелесийский договор 1833 года // Научные доклады высшей школы. Серия: исторические науки. 1958. № 2.

Клембовский В.Н. Виды полей сражений Крымской кампании 1854-1855 гг. СПб., 1904.

Ковалевский Е.П. Война с Турцией и разрыв с западными державами в 1853 и 1854 гг. СПб., 1871.

Колесников А. Маршалы России. Ярославль, 1999. С. 84-93.

Комовский А.Д. Некоторые ошибки и заблуждения в рассказах и сочинениях о Крымской войне. СПб., 1859.

Коргуев. Н.А. Русский флот в царствование императора Николая I. СПб., 1896. (// Морской сборник. 1896. Т. 272. № 7. С. 1-42).

Коробков Н.М. Героический Севастополь. 1854-1855 гг. 1941-1942 гг. М., 1942.

Краснов И. Оборона Таганрога и берегов Азовского моря в 1855 году // Военный Сборник. 1862. Т. 26. № 8. С. 249-308.

Кренке В.Д. Оборона Балтийского побережья в 1854-1856 гг. СПб., 1887.

Кривопалов А.А. Фельдмаршал И.Ф. Паскевич и проблема стратегии России в Восточной войне 1853-1856 гг // Русский сборник. Исследования по истории России. Т. 7. Военная политика императора Николая I. М., 2009. С. 238–272.

Кухарский П.Ф. Франко-русские отношения накануне Крымской войны. Л., 1941.

Кухарук А.В. Венгерский поход фельдмаршала Паскевича // Родина. 1999. № 11.

Кухарук А.В. Действующая армия в военных преобразованиях правительства Николая I. Диссертация на соискание уч. ст. к. и. н. М., 1999.

Кухарук А.В. Мнимый больной. Была ли бессильна николаевская армия // Родина. 1995. № 3-4. С. 22-26.

Кухарук А.В. Реформирование армии правительством Николая I в 1830-е годы // Русский Сборник: Исследования по истории России. Т. 7. Военная политика императора Николая I. М., 2009. С. 191-205.

Лаговский А.Н. Оборона Севастополя. Крымская война 1853-1856 гг. М., 1939.

Лебедев В.А. Граф Егор Францевич Канкрин. Очерк жизни и деятельности. СПб., 1896.

Левыкин В.И. Фортификация: прошлое и современность. М., 1987.

Ливчак Б.Ф. Народное ополчение в вооруженных силах России // Свердловский юридический институт. Ученые труды. Т. 4. Серия "История государства и права". Свердловск, 1961.

Лихачев Д. Очерк действий Черноморского флота в 1853-1854 гг // Военный сборник. 1902. № 3. С. 42-83

Лукашевич К. Оборона Севастополя и его славные защитники. М., 1995.

Лунин Б.В. Героическая оборона Таганрога в 1855 году. Ростов-на-Дону, 1945.

Ляшук П.М., Сундуков С.Ф. Сражение на берегах Альмы. Сборник документов и материалов. Симферополь, 2007.

Малашенко О.А. Военная и политическая деятельность И. Ф. Паскевича. Диссертация на соискание уч. ст. к. и. н. М., 2000.

Маринин О.В. Дипломатическая деятельность России на завершающем этапе Крымской войны. Парижский мирный конгресс 1856 г. Диссертация на соискание уч. ст. к. и. н. М., 1987.

Маринин О.В. Много шума из ничего. Извлекли ли пользу из «нейтральной позиции» бывшие союзники России // Родина. 1995. № 3-4. С. 136-138.

Маринин О.В. Русско-английские отношения в первой половине 1855 года // История СССР. 1986. № 5. С. 147-157.

Мартенс Ф.Ф. Россия и Англия в царствование императора Николая I // Вестник Европы. 1898. Кн. 1. С. 5-31. Кн. 2. С. 465-502. Кн. 3. С. 5-43.

Маслов А.Н. История крепостной войны. Севастополь 1854-1855 гг. Бельфор 1870-1871 гг. СПб., 1900.

Мещеряков Г.П. Русская военная мысль в XIX в. М., 1973.

Михайлов М. Исторический очерк Свеаборга и бомбардирование его англо-французским флотом 28, 29 и 30 июля 1855 года // Военный Сборник. 1860. Т. 15. № 10. С. 237-260.

Михайлов М.И. Проблемы Германской революции 1848 г. М., 1985.

Михеев С.П. История русской армии. Вып. 4. Переходная эпоха (1815-1856 гг.). М., 1911.

Молок А.И. Революции 1848-1849 годов. М., 1952.

Мольтке Х. Русско-турецкая кампания в европейской Турции 1828 и 1829 г. Ч. 1. Вып. 1—2. СПб., 1876—1877. Ч. 2. СПб., 1883.

Муравьев Н.Н. Война за Кавказом в 1855 г. Т. 1-2. СПб., 1877.

Мялков П.С. Севастопольская оборона 1854-1855 гг. М., 1954.

Наумова Ю.А. Ранение, болезнь и смерть: русская медицинская служба в Крымскую войну 1853-1856 гг. М., 2010.

Непокойчицкий А.А. Описание войны в Трансильвании в 1849 году. Б.м., 1866.

Нифонтов А.С. Россия в 1848 году. М., 1949.

Окунев Н.А. История второй половины Польской войны 1831 года. СПб., 1835.

Описание военных действий российских войск против венгерских мятежников в 1849 г. СПб., 1851.

Описание Севастополя и его окрестностей (с планом) // Военный Сборник. 1859. Т. 6. № 4. С. 373-378.

Ореус И.И. Описание Венгерской войны 1849 года. СПб., 1880.

Орехов В.В. Миф о России во французской литературе первой половины XIX века. Симферополь, 2008.

Орехова Л.А., Орехов В.В., Первых Д.К., Орехов Д.В. Крымская Илиада. Крымская (Восточная) война 1853-1856 годов глазами современников: литература, архивы, пресса. Изд. 2-е. Симферополь, 2010.

Орлов Н.А. Восточная война. СПб., 1885.

Осипова М.Н. После Крымской войны // Военно-исторический журнал. 1992. № 2.

Отзывы и мнения военачальников о Польской войне 1831 г. СПб., 1867.

Очерк Венгерской войны 1848-1849 годов. СПб., 1850.

Павлюк К.К. Алма. 1854-1904 гг. Сражение 8 сентября 1854 г. и современное состояние поля этого сражения. Одесса, 1904.

Перцов В.Н. Жизнеописание князя Варшавского графа И.Ф. Паскевича-Эриванского по официальным документам. Варшава, 1870.

Петров А.Н. Война России с Турцией. Дунайская кампания 1853 и 1854 гг. Т.1-2. СПб., 1890.

Петров А.Н. Русские дипломаты на Парижском конгрессе 1856 г // Исторический вестник. 1891. Т. 43. № 1. С. 98-119. № 2. С. 386-413. № 3. С. 672-705.

Пикула О.И. Россия в Крымской войне 1853-1856 гг. Проблема военного строительства. Диссертация на соискание уч. ст. к. и. н. М., 1994.

Полетика Н.П. Пруссия и Крымская война // Труды Ленинградского отделения Института истории СССР. Вып. 12. Исследования по социально-политической истории России. Сборник статей памяти Б.А. Романова. Л., 1971. С. 255-268.

Поливанов А.А. Очерк устройства продовольствия русской армии на придунайском театре в кампании 1853-1854 и 1877 гг. СПб., 1894.

Полиевктов М.А. Николай I. Биография и обзор царствования. М., 1918.

Против реакционных теорий на военно-научном фронте. Критика стратегических и военно-исторических взглядов профессора Свечина. М., 1931.

Пузыревский А.К. Польско-русская война 1831 г. Т. 1-2. СПб., 1890.

Революции 1848-1849. М., 1952.

Роббинс С.Д. Инкерман // Родина. 1995. № 3-4. С. 64-66.

Россия и Черноморские проливы. (XVIII–XX столетия.) М., 1999.

Русская военно-теоретическая мысль XIX – нач. XX веков. М., 1960.

Рюстов В. Всеобщая тактика в применении к современному развитию военного искусства. СПб., 1869.

Свечин А.А. Эволюция военного искусства с древнейших времен до наших дней. Т. 2. М.-Л., 1928. С. 11-76.

Сементковский Р.И. Е.Ф. Канкрин. Его жизнь и государственная деятельность. СПб., 1893.

Семин Г.И. Оборона Севастополя. М., 1962.

Семин Г.И. Севастополь. Исторический очерк. М., 1955.

Сергеев М.А. Оборона Петропавловска на Камчатке. М.-Л., 1940.

Скрицкий И.В. Крымская война, 1853-1856 годы. М., 2006.

Слезинский. Морское ополчение // Русская Старина. 124. 1905.

Смит Ф. фон. История польского восстания и войны 1830 и 1831 гг. Т. 1–3. СПб., 1863–1864.

Степанова Е.А. Борьба за единую демократическую Германию в период революции 1848-1849 годов. М., 1955.

Суитман Д., Мерсер П. Крымская война. Британский лев против русского медведя. М., 2011.

Тарле Е.В. Англо-французская дипломатия и Крымская война // Военно-Исторический Журнал. 1940. № 4. С.98-112.

Тарле Е.В. Крымская война. Т. 1-2. М., 2001.

Тарле Е.В. Нахимов. М., 1940. (Изд. М.-Л., 1942. М., 1943. М., 1944. Как «Павел Степанович Нахимов»).

Татищев С.С. Внешняя политика императора Николая Первого. СПб., 1887.

Татищев С.С. Дипломатический разрыв России с Турцией в 1853 г // Исторический Вестник. 1892. Т. 47. № 1. С. 153-176. № 2. С. 456-480. № 3. С. 720-751.

Татищев С.С. Император Александр II, его жизнь и царствование. Т. 1-2. СПб., 1903.

Татищев С.С. Император Николай и иностранные дворы. СПб., 1889.

Тотлебен Э.И. Описание обороны г. Севастополя. Ч. 1-2. СПб., 1863-1872.

Тэйлор А.Д.П. Борьба за господство в Европе. 1848-1918. М., 1958.

Ульянов И.Э. Регулярная пехота, 1801-1855. М., 1996.

Урланис Б.Ц. Войны и народонаселение Европы. М., 1960.

Урланис Б.Ц. История военных потерь: война и народонаселение Европы. Людские потери вооруженных сил европейских стран в войнах XVII-XX вв. СПб., 1994.

Ушаков А.К. История военных действий в Азиатской Турции 1828-1829 гг. СПб., 1836.

Федоров В.Г. Вооружение русской армии в Крымскую кампанию. СПб., 1904.

Федоров В.Г. Вооружение русской армии за XIX столетие. СПб., 1911.

Федоров В.Г. Эволюция стрелкового оружия. Т. 1—2. М., 1938—1939.

Федоров С.Т. Крымская война 1853-1856 гг. М., 1941.

Феоктистов Е.М. Русская политика на Востоке перед Крымской войной // Русский Вестник. 1868. Т. 73. № 1. С. 21-82.

Фомин О.Е. Корпус внутренней стражи в правоохранительной системе Российской империи (1811-1864). Диссертация на соискание уч. ст. к.ю.н. М., 1999.

Ханак П. Угнетенные народы Австрийской империи и Венгерская революция 1848-1849 гг. Budapestini, 1953.

Хибберт К. Крымская кампания 1854-1855 гг. Трагедия лорда Раглана. М., 2004.

Ченнык С.В. Альма 20 сентября 1854 г. Симферополь, 2004.

Черкасов П.П. На тайном фронте Крымской войны // Новая и Новейшая история, 2007. № 6. С. 186-210.

Чернышевский Н.Г. Рассказ о Крымской войне по Кинглеку. М., 1935.

Шавшин В.Г. Бастионы Севастополя. Путеводитель. Симферополь, 1989.

Шапошников Б.М. Мозг армии. Кн. 1-3. М.-Л., 1927-1929.

Шильдер Н.К. Граф Эдуард Иванович Тотлебен: его жизнь и деятельность. Т. 1-2. СПб., 1885-1886.

Шильдер Н.К. Император Николай I, его жизнь и царствование. Т. 1-2. СПб., 1903.

Шишов А.П. Очерк жизни и государственной деятельности графа Канкрин. СПб., 1864.

Шишов А.В. Георгиевские кавалеры. Т. 1-4. М., 1993. Т. 1. С. 502-510.

Щербатов А.П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, его жизнь и деятельность. Т. 1-7. СПб., 1888-1904.

Яковлев В.В. История крепостей. М., 2000.

Ячменихин К.М. Армия и реформы: военные поселения в политике российского самодержавия. Чернигов, 2006.

Ячменихин К.М. Военные поселения в России: (История социально-экономического эксперимента). Уфа, 1994.

Adkin M. The charge. The real reason why the Light brigade was lost. L., 1996.

Badem C. The Ottoman Crimean war (1853-1856). Leiden-Boston, 2010.

Bucholz A. Moltke, Schlieffen and Prussian war planning. Oxford, 1993.

Curtiss J.S. Russia's Crimean War. Durham, N. C., 1979

Curtiss J.S. Russian Army under Nicholas I, 1825-1855. Durham, N. C., 1965.

Daly J.C.K. Russian Seapower and The Eastern Question, 1827-41. Annapolis, 1991.

Figes O. Crimea. The last crusade. L., 2010.

- Glover M.* Warfare from Waterloo to Mons. L., 1980.
- Hamilton C.I.* Anglo-French Naval Rivalry, 1840—1870. Oxford., 1993.
- Harris S.M.* British military intelligence in the Crimean war 1854-1856. L. – Portland., 1999.
- Kagan F.W.* The military reforms of Nicholas I. The origins of the modern Russian army. N.Y., 1999.
- Keep J.L.H.* Soldiers of the Tsar. Oxford, 1988.
- Kimerling Wirtschafter E.* From serf to Russian soldier. Princeton, 1990.
- Kinglake A.W.* The invasion of the Crimea. Vol. 1-9. Edinburgh & London, 1877.
- Lambert A.D.* The Crimean war. British grand strategy against Russia, 1853-1856. Manchester, N.Y., 1990.
- LeDonne J.P.* The Grand Strategy of the Russian Empire. Oxford, 2004.
- Lincoln W.B.* Nicholas I. Emperor and Autocrat of All the Russia's. 1796–1855. Bloomington and London, 1980.
- McClellan G.B.* Armies of Europe. Philadelphia, 1861.
- McElwee W.* The art of war Waterloo to Mons. L., 1974.
- Nolan E.H.* The history of the war against Russia . L, 1855.
- Ponting C.* The Crimean war. The truth behind the myth. L., 2004.
- Rothenberg G.E.* The army of Francis Joseph. West Lafayette, Indiana, 1976.
- Selby J.* Balaclava. Gentlemen`s battle. N.-Y., 1970.

Strachan H. From Waterloo to Balaclava. Tactics, technology and the British army, 1815-1854. Cambridge, 1985.

Strachan H. Wellington`s legacy. The reform of the British army 1830-1854. Manchester, 1984.

War in the age of technology: Myriad faces of modern armed conflict. N.Y.,-L., 2001.

Woodham-Smith C. The reason why. New York, 1960.

Справочные издания

Государственная власть дореволюционной России в биографиях ее представителей (XIX – начало XX вв.). Указатель трудов, литература о жизни и деятельности. Ч. 1. (1801-1855). Науч. ред. А. А. Либерман. М., 2006.

История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. Аннотированный указатель книг и публикаций в журналах. Науч. ред. П. А. Зайончковский. Т. 2. (1801-1856) Ч. 1. М., 1977.